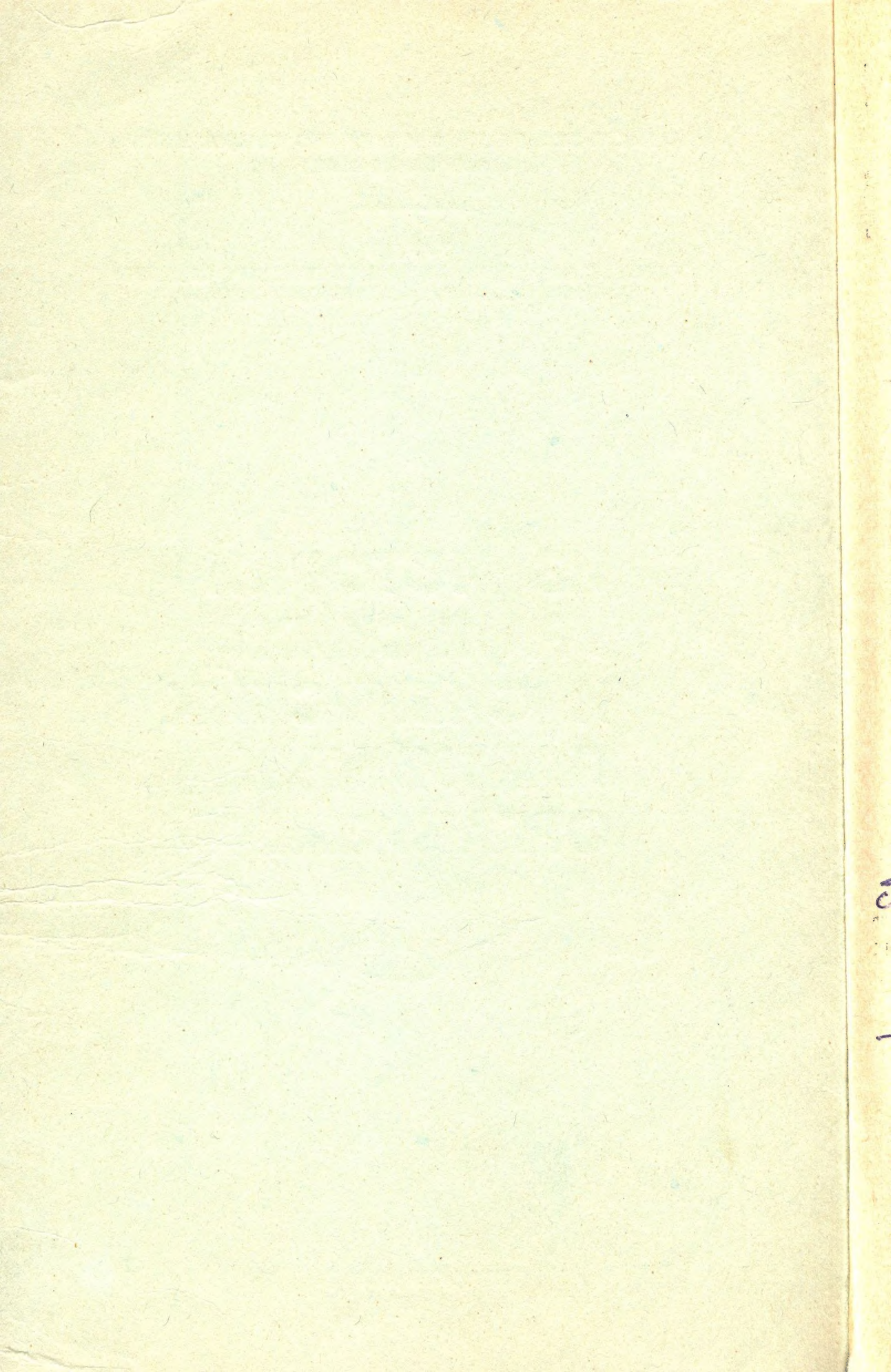
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ТРУДЫ
СВЕРДЛОВСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОРНОГО ИНСТИТУТА им. В. В. ВАХРУШЕВА

ИЗ ИСТОРИИ УРАЛЬСКИХ И СИБИРСКИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ИЗДАНИЕ ИНСТИТУТА
1970

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ТРУДЫ
СВЕРДЛОВСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОРНОГО ИНСТИТУТА им. В. В. ВАХРУШЕВА

ИЗ ИСТОРИИ УРАЛЬСКИХ И СИБИРСКИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Краеведческому отделу библиотеки. Профессор Плотников И.Ф.

Сборник научных статей
Выпуск 4

— Плотн — 20/III — 2004.

ИЗДАНИЕ ИНСТИТУТА
1970

АННОТАЦИЯ

Предлагаемый читателю сборник статей посвящен в основном деятельности партийных организаций Урала, Сибири и Дальнего Востока в период борьбы за победу революции, иностранной военной интервенции и в годы социалистического строительства. Большое место отведено освещению теоретической и практической деятельности В. И. Ленина. В двух статьях сборника рассматриваются взаимоотношения между РСФСР, ДВР и Монголией в начале 20-х годов, борьба Испанской коммунистической партии против анархистов в период национально-революционной войны.

Статьи сборника, за исключением работы московского историка А. С. Степанова, написаны преподавателями кафедры истории КПСС Свердловского горного института.

Свердловский ордена Трудового Красного Знамени
Горный институт им. В. В. Вахрушева

Вып. 4 Из истории уральских и сибирских партийных организаций 1970

С. Д. АЛЕКСЕЕВ

РАБОЧЕЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1907 ГОДА

В истории первой русской революции первая половина 1907 г. занимает особое место. Этот период является последним этапом на пути отступления революции после поражения декабрьского вооруженного восстания. Он характеризуется общим спадом революции и развертыванием наступления контрреволюции, усилением, с одной стороны, репрессий против революционного народа, особенно против рабочего класса и его авангарда — большевистской партии, и, с другой стороны, подавлением «народной свободы посредством монархической конституции» [1].

Но в условиях натиска реакции и политического маневрирования царизма, в обстановке экономического гнета помещиков и капиталистов трудящиеся массы России не прекращали своей борьбы. С января по май 1907 г. вплоть до третьеиюньского государственного переворота, означавшего поражение революции, по официальным данным в стране насчитывалось 448 тыс. стачечников и 686 крестьянских выступлений (из 740 тыс. стачечников и 1337 крестьянских выступлений за весь 1907 г.). При этом лишь на два весенних месяца (апрель и май) приходилось 302 тыс. стачечников и 535 крестьянских выступлений, т. е. значительно больше, чем на октябрь и декабрь 1906 г. [2] Впоследствии, оценивая этот и предыдущий (весной 1906 г.) подъемы революции, В. И. Ленин писал: «Статистика показывает нам, что дело шло не об «ожиданиях романтиков», а о фактически имевших место перерывах, приостановках отступления. Не будь этих приостановок, событие 3 июня 1907 года... имело бы место раньше, может быть, целым годом или даже более, чем годом раньше» [3].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 16. Как известно, осенью 1906 г. царское правительство объявило срок созыва II Государственной думы (20 февраля 1907 г.).

[2] За эти два месяца революции в стране бастовало 63 тыс. рабочих и насчитывалось 311 крестьянских выступлений. См.: С. М. Дубровский. Крестьянское движение в революции 1905—1907 годов. М., 1956, стр. 42.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 397.

В первой половине 1907 г. в общенародное революционное движение против царизма немалый вклад внесли рабочие и крестьяне Урала — одного из обширных районов России. Несмотря на общий спад революции, они не прекратили своих революционных выступлений и вели упорные классовые бои против помещиков и капиталистов.

Особенно активно выступали уральские рабочие, которые под воздействием большевистской агитации с января по июнь 1907 г. неоднократно поднимались на стачечную борьбу, принимали широкое участие в политических демонстрациях, митингах, «волнениях»[1].

О размахе и силе рабочего движения на Урале в рассматриваемый период свидетельствуют следующие данные о числе стачек и стачечников[2] (см. табл. 1).

Таблица 1

Месяц	Число стачек	Число стачечников
Январь . . .	8	5328
Февраль . .	11	5858
Март . . .	23	3252
Апрель . .	4	3829
Май	23	12563
Июнь . . .	—	—
Итого .	69	30830

В первую половину 1907 г. на Урале произошло 69 стачек, в которых участвовало 30,8 тыс. рабочих. Это значительно меньше, чем в соответствующий период 1906 г.[3] и тем более 1905 г.[4]. Но несмотря на спад, рабочее движение на Урале, как и во всей стране, весной 1907 г. было значительным: на три весенних месяца (март, апрель, май) приходилось 50 стачек и 19,6 тыс. стачечников, или 55% от общего числа стачечников за весь год[5].

В рассматриваемый период стачечная борьба в различных губерниях Урала развивалась крайне неравномерно. Наибольший размах и силу получила она в самой «промышленной» губернии Урала — Пермской, где с января по май включительно стачки прошли на 43 предприятиях[6], охватив 21,2 тыс.

[1] Под «волнением» в данном случае понимается выступление рабочих, не связанное с прекращением работ.

[2] Подсчитано на основании данных архивных и опубликованных материалов. Расхождение с данными Ф. П. Быстрых (38 стачек и 19 220 стачечников за январь—июнь 1907 г.) объясняется привлечением нами дополнительных сведений по всем четырем губерниям Урала.

[3] По нашим подсчетам, в январе — июне 1906 г. бастовало 36,4 тыс. уральских рабочих.

[4] По данным Ф. П. Быстрых (см. его кн. «Большевистские организации Урала в революции 1905—1907 гг.» Свердловск, 1959, стр. 217), в январе — июне 1905 г. на Урале бастовало 58,7 тыс. рабочих.

[5] В 1907 г. на Урале было 85 стачек, в которых принимало участие 35,7 тыс. рабочих. Данные за вторую половину 1907 г. взяты у Ф. П. Быстрых.

[6] В январе — на Надеждинском, Алапаевском (два цеха), Сосьвинском, Богословском, Баранчинском и Каслинском заводах, на солеварне Вилесова; в феврале — в чаеразвесочной Высоцкого, трех типографиях и заводе Ятеса (Екатеринбург), в Богословском (один цех), Верхне-Салдинском (один цех),

рабочих[1]. Бастовали Надеждинский, Алапаевский, Нижнетагильский, Верх-Исетский, Каслинский, Кыштымский и другие заводы, а также мелкие предприятия, подчиненные фабричной инспекции.

В Уфимской губернии стачечное движение тоже имело довольно высокий уровень. Стачки прошли на Златоустовском, Миньярском, Юрюзанском, Катав-Ивановском и Усть-Катавском заводах, в депо станции Уфа. Всего в этих стачках, происходивших в январе, феврале, марте и мае 1907 г., участвовало 7374 рабочих, т. е. намного меньше, чем в Пермской губернии.

В наиболее аграрных губерниях Урала (Вятской и Оренбургской) стачечное движение в первой половине 1907 г. было очень слабым и почти сошло на нет. В обеих губерниях стачки происходили лишь в марте и в мае. Причем в эти два месяца в Вятской губернии произошло 18 стачек[2], в которых принимало участие 2044 рабочих[3], а в Оренбургской — лишь две стачки с 220 стачечниками[4].

По своему характеру стачки первой половины 1907 г. на Урале в большинстве (43 из 69) были экономическими и заканчивались поражением рабочих. В обстановке постепенного спада революции и усиления репрессий царизма, в условиях начавшегося с 1907 г. экономического кризиса капиталисты не шли ни на какие уступки рабочим. Под любыми предлогами они стремились отобрать их экономические завоевания 1905—1906 гг. и нередко прибегали к самым крайним мерам: закрывали отдельные цеха или временно весь завод, массами увольняли рабочих.

27 февраля рабочие механического цеха Верхне-Салдинского завода прекратили работу и потребовали увеличения заработной

Кушвинском и Надеждинском заводах, в депо ст. Кушва; в марте — на Невьянском (один прииск), Ирбитском, Алапаевском (один цех) и Богословском заводах, на Сергиевском руднике Пашийского завода; в апреле — на пристани Сосьвинского завода, Заозерском затоне, Асбестовских копях и Кыштымском заводе; в мае — на Надеждинском (четыре цеха), Верх-Исетском (четыре цеха) и Нижнетагильском заводах, на пристани Левшино, Богословском руднике, на фабриках Жирякова, Логинова, Коробейникова, мельнице Макарова, электростанции Логинова, трех типографиях и железнодорожных мастерских Екатеринбурга, на Гумешинском руднике Полевского завода, на Кизеловских копях Лазарева и Турьинских рудниках (Фроловском и Никитинском).

[1] Это почти столько, сколько было стачечников в губернии за весь 1906 г., когда в 35 стачках принимали участие 21 тыс. рабочих.

[2] В марте — на девяти кожевенных заводах Сарапула (Дедюхина, Михеевых, Смагина, Барабанщиковой и др.), на скорняжных фабриках Распоповых, Плюсниных, Рылова и Лесникова, Оглобина, Салтыкова, Попова, на спичечной фабрике Воронцова; в мае — на Омутнинском заводе (один цех), писчебумажной фабрике Первушина.

[3] А. А. Папырина приводит эти же данные. См. Очерки истории Кировской организации КПСС, ч. I. Вятка, 1965, стр. 203.

[4] В марте бастовали рабочие Аннинского прииска Тарасова; в мае — лесозавода Пимонова. См. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 10, оп. 4, д. 24, лл. 4—17; «Уральская жизнь», 1907 г. 1 апреля.

платы. Администрация ответила им отказом и тут же пригрозила увольнением. Поскольку завод сокращал производство, эта угроза была вполне реальной, и рабочие были вынуждены приступить к работе на прежних условиях [1].

6 марта объявили стачку рабочие Николаевского прииска Невьянского завода. Причиной явилось незаконное увеличение рабочего дня с 9 до 10 часов, а также низкая заработная плата. Несмотря на то, что рабочие действовали организованно (выбрали уполномоченных, составили петицию, пытались получить поддержку Александровского прииска), хозяева отвергли большинство их требований. 15 марта рабочие вышли на работу [2].

12 марта рабочие Ирбитского завода потребовали у управляющего Сафонова повысить им заработную плату. В ответ они услышали грубый отказ. Тогда возмущенные рабочие вывезли Сафонова с завода на дровнях. После такого «самоуправства» рабочих администрация закрыла завод на полмесяца [3]. Подобного рода экономические стачки, закончившиеся поражением рабочих, прошли на девяти кожевенных заводах Сарапула, шести скорняжных предприятиях Слободского (города и уезда) [4], на мелкосортной фабрике Омутнинского завода [5], на Богословском, Надеждинском (четыре цеха), Юрюзанском (один цех) [6] заводах, на фабрике Жирякова [7], Кизеловских копях Лазарева [8] и на других предприятиях Урала [9]. Лишь в трех стачках (в январе на Алапаевском заводе [10], в феврале в чаеразвесочной Высоцкого [11], в мае на Турьинских рудниках [12]) рабочие сумели в упорной и продолжительной борьбе с капиталистами добиться полного или частичного удовлетворения своих требований. Без сомнения, в этом была немалая заслуга большевистских организаций, действовавших на этих предприятиях [13]. Они умело руководили бастовавшими рабочими, вносили в их ряды элементы созна-

---

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. ДП, IV, 1907, д. 50, ч. 2, л. I.

[2] Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 65, оп. 3, д. 105, лл. 15—20.

[3] Там же, лл. 22, 36; «Уральский край», 1907 г., 20 марта.

[4] Очерки истории Кировской организации КПСС, ч. I, стр. 203; ЦГАОР, ф. ДП, IV, 1907, д. 15, ч. 2, лл. 8—9.

[5] Там же, л. 12.

[6] К 50-летию первой русской революции. Материалы научной сессии. Уфа, 1956, стр. 92.

[7] ГАПО, ф. 65, оп. 3, д. 105, л. 96.

[8] Революция 1905—1907 гг. в Прикамье. Документы и материалы. Пермь, 1955, стр. 248—250; «Уральская жизнь», 1907 г., 12 мая.

[9] Всего в 32 стачках из 43 рабочие потерпели поражение. Результаты восьми стачек неизвестны.

[10] «Уральская жизнь», 1907 г., 13 и 18 февраля.

[11] «Уральская жизнь», 1907 г., 17 февраля и 9 марта.

[12] ГАПО, ф. 65, оп. 3, д. 105, лл. 97, 119.

[13] Например, на Алапаевском заводе организация РСДРП к весне 1907 г. насчитывала в своих рядах 504 человека. (См. Партийный архив Свердловской области (ПАСО), ф. 41, оп. 1, д. 100, л. 10; д. 98, л. 138).

тельности и организованности, призывали усиленно готовиться вместе со всеми рабочими России к новым вооруженным боям с самодержавием. О результате подобной деятельности большевиков среди рабочих Алапаевского завода, бастовавших отдельными цехами, в январе 1907 г. либеральная газета «Уральская жизнь» сообщала следующее: «Попытки заводской администрации заставить рабочих других цехов работать за забастовщиков оказались напрасными: никто не хотел быть штрейкбрехером». И далее газета отмечала, что рабочие действовали очень дружно, их не испугала даже угроза закрытия завода, и в конечном итоге после недельной забастовки рабочие добились частичного удовлетворения своих требований[1].

В первой половине 1907 г. на Урале произошло 26 политических стачек[2]. Они проходили на отдельных предприятиях Пермской и Уфимской губерний и были вызваны различными причинами.

9 января рабочие Сосьвинского и Богословского заводов, желая почтить память питерских рабочих, расстрелянных в 1905 г., провели однодневную стачку. 15 января в связи с арестом местных социал-демократов забастовали рабочие Надеждинского завода. Эта забастовка длилась в течение четырех дней и была вновь повторена в конце месяца. В результате борьбы рабочие добились победы: местные власти освободили арестованных, а один из них — большевик В. А. Чащин — в дальнейшем был избран депутатом II Государственной думы[3]. Аналогичная забастовка протеста против произвола полиции была устроена также рабочими механического цеха, паровозного депо и электростанции Богословского завода (3 февраля 1907 г.). Рабочие требовали прекращения арестов и удаления ненавистного полицейского урядника Пурецкого[4]. 20 февраля в связи с открытием II Думы однодневные стачки прошли на Златоустовском[5], Кушвинском, Надеждинском заводах, в Кушвинском железнодорожном депо[6], на механическом заводе Ятеса и в типографиях газет «Уральская жизнь», «Уральский край» и «Урал» в Екатеринбурге[7].

Основная масса политических стачек на последнем этапе отступления революции на Урале проходила в мае. В день

---

[1] «Уральская жизнь», 1907 г., 23 марта.

[2] В них участвовал 18 641 человек (подсчитано нами).

[3] *Ф. П. Быстрых.* Большевистские организации Урала в революции 1905—1907 годов, стр. 303; Второй период революции. 1906—1907 годы. Январь — июнь 1907 г. Документы и материалы, кн. I. М., 1963, стр. 561.

[4] Вопросы истории Урала. Материалы 2-й научной сессии вузов Уральской зоны в г. Перми. 20—22 апреля 1965 г. Сб. статей, №№ 22, 23. Пермь, 1965, стр. 248.

[5] «Уральская жизнь», 1907 г., 23 февраля.

[6] *Ф. А. Быстрых.* Большевистские организации Урала в революции 1905—1907 гг., стр. 302—303; «Уральская жизнь», 1907 г., 7 марта.

[7] «Уральская жизнь», 1907 г., 28 февраля.

1 Мая по призыву местных большевистских организаций бастовали рабочие Нижнетагильского[1], Верх-Исетского[2], Усть-Катавского, Катав-Ивановского и Миньярского заводов[3], Богословского рудника[4], железнодорожных мастерских и семи мелких предприятий Екатеринбурга. Всего в 14 стачках участвовало 9465 рабочих. Это в семь раз меньше, чем указывается в заметке «Первое Мая на Урале», опубликованной в социал-демократической газете «Уфимский рабочий» 3 июня 1907 г. Ее сведения о первомайских стачках на Ижевском, Воткинском, Богословском, Мотовилихинском, Режевском и Златоустовском заводах Урала не подтверждаются данными архивных и опубликованных источников[5] и являются, как отмечал уральский историк Ф. П. Быстрых, ошибочными[6]. Действительно, массовых первомайских стачек по всему Уралу в последний год революции не было, хотя Уральский областной, Пермский, Екатеринбургский, Вятский и Уфимский губернские комитеты РСДРП, а также многие местные социал-демократические организации призывали рабочих к стачке. Так, в конце марта 1907 г. Вторая конференция Уфалейско-Кыштымской окружной организации РСДРП обсудила «вопрос о праздновании 1 Мая и рекомендовала районным организациям немедленно приступить к разъяснению значения и сущности международного пролетарского праздника на рабочих собраниях и кружках». Она предложила «областному комитету позаботиться о своевременной рассылке по организациям специального первомайского листка»[7]. В конце апреля Уфимский и Екатеринбургский комитеты РСДРП издали большими тиражами и широко распространили прокламации[8], призывающие рабочих отпраздновать День труда. Но, как было показано выше, основная масса рабочих Урала не приняла участие в стачечной борьбе. Сказывались «усталость» рабочих, беспрерывные аресты в социал-демократических организациях, а также сокращение производства на многих заводах ввиду экономического кризиса.

---

[1] «Уральская жизнь», 1907 г., 6 мая.

[2] «Уральская жизнь», 1907 г., 5 мая. Всего бастовало около 500 рабочих.

[3] История Урала, т. I. Пермь, 1963, стр. 396; А. А. Павлов. Рабочее движение на Южном Урале в 1905—1907 годах. Челябинск, 1949, стр. 120; М. Н. Коковихин. Миньярское подполье. Челябинск, 1957, стр. 83.

[4] Второй период революции. 1906—1907 гг. Январь — июнь 1907 г., кн. I, стр. 467; «Уральская жизнь», 1907 г., 3 мая.

[5] Например, на Ижевском заводе 1 мая 1907 г. стачки не было, но зато накануне, 15 апреля, местной социал-демократической организацией была устроена вблизи завода маевка. На ней присутствовало около 2000 рабочих. (ЦГАОР, ф. ДП, IV, 1907, д. 15, ч. 3, л. 3).

[6] *Ф. П. Быстрых.* Большевистские организации Урала в революции 1905—1907 гг., стр. 302.

[7] Второй период революции. 1906—1907 гг. Январь — июнь 1907 г., кн. I, стр. 457.

[8] *Р. М. Раимов.* 1905 год в Башкирии. Уфа, 1941, стр. 189; «Уральская жизнь», 1907 г., 5 мая.

В первой половине 1907 г. в условиях постепенного спада революции борьба уральских рабочих не ограничивалась лишь стачками. Рабочие по-прежнему прибегали к революционным митингам, демонстрациям, «волнениям». По своему содержанию все эти формы рабочего движения были очень близки к стачкам и в известной степени компенсировали низкий уровень стачечной борьбы на Урале.

9—10 января на Кыштымском и Каслинском заводах произошли «волнения» рабочих на экономической почве. Рабочие, доведенные до голода в связи с длительной задержкой расчета, осадили заводские конторы и потребовали «выдачи причитающихся денег» [1]. В марте рабочие Нейво-Шайтанского завода потребовали устранения ненавистного цехового смотрителя [2]. В это же время подобные «волнения» произошли на Ижевском, Ирбитском заводах [3], на солеварнях Голицына [4], в мае — на Пышминско-Ключевском руднике [5]. Все эти выступления рабочих, не связанные с прекращением работы, носили оборонительный характер. Но, как и экономические стачки, они заканчивались поражением рабочих.

Более сознательными, организованными и эффективными были политические демонстрации и митинги рабочих, развернувшиеся на ряде предприятий Урала. Например, в феврале 1907 г. в связи с проводами депутатов II Думы и в день ее открытия — 20 февраля — политические митинги и демонстрации прошли в Пермских железнодорожных мастерских, Надеждинском заводе, в Красноуфимске, Нейво-Алапаевске, Кушве, Белорецком заводе [6].

В связи с празднованием 1 Мая политические митинги и демонстрации, закончившиеся столкновением с полицией, произошли на Турьинских рудниках и Нижне-Салдинском заводе [7], более мирно прошли они на Миньярском заводе и в окрестностях Оренбурга [8].

После майского праздника рабочее движение на Урале резко пошло на убыль. Контрреволюция, чувствуя явный перевес сил, усилила наступление на рабочих. 3 июня царизм разогнал II Думу. Последовавшие затем единичные выступления уральских рабочих являлись лишь слабыми отголосками революцион-

---

[1] Второй период революции. 1906—1907 гг. Январь — июнь 1907 г., кн. I, стр. 439—440.

[2] «Уральская жизнь», 1907 г., 3 мая.

[3] ЦГАОР, ф. ДП, IV, 1907, д. 15, ч. 2, л. 13; «Уральский край», 1907 г., 20 марта.

[4] ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 638, лл. 152—154.

[5] «Уральская жизнь», 1907 г., 22 мая.

[6] Второй период революции. 1906—1907 гг. Январь — июнь 1907 г., кн. I, стр. 562; ЦГАОР, ф. ДП, IV, 1907, д. 47, ч. 3, л. 2.

[7] *Ф. П. Быстрых.* Большевистские организации Урала в революции 1905—1907 годов, стр. 305.

[8] *Там же; А. М. Чернышева.* Оренбургская организация РСДРП в годы первой русской революции. Оренбург, 1967, стр. 27.

ных боев 1905—1907 гг. Они уже не меняли общей картины окончательного поражения революции после третьеиюньского переворота и наступления черной реакции.

В первой половине 1907 г. на Урале, как и во всей стране, не прекращались крестьянские выступления, хотя в обстановке спада революции их количество заметно снизилось. С января по июнь включительно на Урале (в Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской губерниях) крестьянские выступления прошли в 51 волости [1], т. е. их число уменьшилось почти в два раза по сравнению с соответствующим периодом 1906 г.[2]. Весьма характерным являлось распределение этих выступлений по губерниям Урала (см. табл. 2).

Впереди по числу крестьянских выступлений шла Пермская губерния [3], за ней Уфимская [4], Вятская [5] и Оренбургская [6]. Нетрудно заметить, что подобная последовательность в развитии крестьянского движения по губерниям Урала являлась далеко не случайной. Она — результат прямого воздействия рабочего движения на крестьянское.

Наибольшее количество крестьянских выступлений на Урале приходилось на март, апрель и май, т. е. в эти весенние месяцы уральские крестьяне вместе с рабочим классом предприняли последнюю попытку перейти в наступление. Но их революционное

---

[1] Здесь и в дальнейшем подсчитано по данным архивных и опубликованных материалов и литературы. Подсчет выступлений крестьян ведется по волостям.

[2] В январе — июне 1906 г. на Урале крестьянские выступления были в 108 волостях. Данные по Пермской, Уфимской и Оренбургской губерниям подсчитаны нами, по Вятской — использованы данные А. А. Папыриной. См. ее кн. Крестьянское движение в Вятской губернии в революции 1905—1907 годов. Киров, 1958, стр. 65.

[3] В ней выступления были в Крыловской волости Осинского уезда, в Башкарской, Нейво-Алапаевской волостях Верхотурского уезда, в Леневской (февраль—март), Глинской, Куяшской, Покровской — Екатеринбургского уезда, в Стригановской, Верхне-Ницинской — Ирбитского уезда, в Крестовской, Усть-Миасской, Першинской, Берневской, Батуринской, Осиновской, Песчанской и Воденииковской Шадринского уезда, в Богородской волости Пермского уезда, в Михайловской — Красноуфимского уезда.

[4] Крестьянские выступления произошли в следующих уездах и волостях Уфимской губернии: в Мензелинском уезде — в Макарьевской, Новоспасской, Афанасовской волостях; в Бирском уезде — в Бураевской, Касевской, Кызылярской (март, май), Базановской волостях; в Белебеевском уезде — в Киргиз-Миякинской, Тюменяковской (май, июнь) волостях; в Стерлитамакском — в Кармышевской и Петровской волостях.

[5] Крестьянские выступления произошли в следующих уездах и волостях Вятской губернии: в Елабужском уезде — в Граховской, Можгинской, Козылевской волостях; в Сарапульском уезде — в Чегандинской (январь, июнь) волости; в Вятском уезде — в Медянской и Югринской волостях; в Яранском уезде — в Николаевской, Притыкинской, Успенской и Сметанинской волостях.

[6] Крестьянские выступления в губернии были в Троицком уезде — в Екатерининской (январь, февраль), Репьевской и Бурзян-Кипчатской волостях; в Челябинском уезде — в Введенской волости; в Орском уезде — в Преображенской волости; в Оренбургском уезде — в Дмитриевской волости.

Таблица 2

Губернии	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Итого за 1-е полугодие 1907 г.
Пермская	2	4	3	8	3	—	20
Уфимская	—	3	4	1	2	3	13
Вятская	2	1	—	—	4	4	11
Оренбургская	1	1	3	1	1	—	7
Итого	5	9	10	10	10	7	51

Таблица 3

Формы движения крестьян	Количество волостей, охваченных выступлениями крестьян (по губерниям)				Всего за 1-е полугодие 1907 г.
	Пермская	Уфимская	Вятская	Оренбургская	
Порубка леса	5	3	1	5	14
Бойкот землеустроительных комиссий	7	—	4	—	11
Открытые столкновения с местными властями, полицией, лесной стражей	2	5	1	1	9
Захват земли, хлеба, потрава лугов	2	3	4	—	9
Самовольные сходы, митинги	4	2	—	1	7
Поджоги, погромы	—	—	1	—	1
Итого за 1 пол. 1907 г. в губернии	20	13	11	7	51

движение не приняло широкого размаха. Оно по-прежнему было стихийным, неорганизованным и почти лишенным непосредственного социал-демократического влияния.

Конкретно борьба крестьян в губерниях Урала на последнем этапе революции принимала следующие формы (см. табл. 3).

Как и в 1905—1906 гг., главной формой борьбы уральских крестьян являлись порубки леса, особенно в Пермской и Оренбургской губерниях.

В Пермской губернии порубки леса происходили в январе — феврале 1907 г. В них участвовали крестьяне Крыловской волости Осинского уезда, Михайловской волости Красноуфимского уезда, Леневской и Глинской волостей Екатеринбургского уезда, Башкарской волости Верхотурского уезда. Они рубили лес на дачах Голицына, Михайловского и Нейво-Шайтанского заводов, при этом нередко оказывали сопротивление полиции и лесной страже[1]. Не менее острый и массовый характер носили подобные выступления в Оренбургской губернии.

В январе и феврале 1907 г. крестьяне Екатерининской волости Троицкого уезда вели постоянные порубки леса в имении

[1] ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 638, лл. 7, 67—68; ЦГАОР, ф. ДП, IV, д. 50, ч. I, лл. 5, 44.

наследников графа Мордвинова. Попытки лесной стражи помешать порубкам ни к чему не привели. Крестьян не остановило даже уничтожение двух лошадей. Только по прибытии крупного полицейского отряда во главе с приставом крестьяне прекратили порубки [1].

В марте 1907 г. массовые порубки леса производили крестьяне нескольких деревень Бурзян-Кипчатской волости того же Троицкого уезда и крестьяне Преображенской волости Орского уезда. Первые рубили лес в имении богатого помещика Тимашева, вторые — в имении помещика Охотникова. По мнению корреспондента газеты «Простор», причиной этих порубок был «голод, заставивший крестьян рубить самовольно помещичий лес и продавать его, чтобы получить хоть немного денег» [2]. Для прекращения самовольных действий крестьян оренбургский губернатор срочно направил в обе волости крупные полицейские силы. Началась расправа над крестьянами [3].

Кроме порубок леса, преобладающими формами крестьянского движения на Урале в первой половине 1907 г. были бойкоты землеустроительных комиссий, самовольные сходы и митинги. Бойкотирование землеустроительных комиссий [4] получило широкое распространение в Шадринском уезде Пермской губернии и в Яранском уезде Вятской губернии.

В Шадринском уезде, по сообщению либеральной газеты «Уральская жизнь» от 20 апреля 1907 г., крестьяне «признали за землеустроительной комиссией безусловный для себя вред и недоверчиво сторонились новой бюрократии. Крестьяне Крестовской, Усть-Миасской и Першинской волостей совсем не послали от себя выборщиков, а Берневской, Осиповской, Песчанской и Водениковской и др. уполномочили своих выборщиков отказаться от участия в комиссии». В мае 1907 г. в Яранском уезде волостные сходы крестьян Николаевской, Притыкинской, Сметанинской и Успенской волостей также отказались от выборов кандидатур в члены землеустроительных комиссий, заявив о своем недоверии к ним [5]. В данном случае бойкот был своеобразным ответом крестьянства на попытки царизма решить земельный вопрос «при непременном сохранении прав частных владельцев».

Самовольные сходы и митинги как формы политического

---

[1] ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1907, оп. 236, ч. 26, л. 50; ф. ДП, IV, 1907, д. 47, ч. I, лл. 6, 8.

[2] «Простор» — легальная социал-демократическая газета, издавалась в г. Оренбурге в конце 1906 — начале 1907 гг.

[3] ЦГАОР, ф. ДП, IV, 1907, д. 47, ч. I, лл. 14, 17, 21—22, 27—28.

[4] Землеустроительные комиссии создавались на основе Указа от 4 марта 1906 г. и имели задачу, по мнению царского правительства, «постепенно облегчить насущные нужды сельского населения (кулачества — *С. А.*) при непременном сохранении прав частных владельцев». На самом деле это была очередная попытка царизма расколоть крестьянство и ослабить его революционное движение.

[5] ЦГАОР, ф. ДП, IV, 1907, д. 15, ч. I, л. 1.

движения крестьянства весной 1907 г. наблюдались во всех губерниях Урала. В большинстве случаев они были связаны с деятельностью II Государственной думы, обсуждавшей в числе других вопросов аграрный вопрос.

Трудовое крестьянство Урала, стремившееся к скорейшему разрешению аграрного вопроса «сверху», через II Государственную думу, обращалось к ней с требованием немедленно приступить к осуществлению демократических преобразований в стране. Собравшись на самовольные сходы и митинги, крестьяне нередко составляли «незаконные приговоры», которые затем посылались депутатам как «наказы» избирателей. Например, глубоким революционным духом проникнут приговор крестьян Афанасовской волости Мензелинского уезда Уфимской губернии, принятый 6 марта. Крестьяне требовали немедленно отобрать и передать в народную собственность все помещичьи земли; навсегда отменить военно-полевые суды, военное положение, чрезвычайную и усиленную охрану; освободить всех политических заключенных. Кроме того, они настаивали на отмене косвенных налогов и введении вместо них прогрессивно-подоходного налога [1]. С подобными политическими требованиями выступали также крестьяне Нейво-Алапаевской волости Верхотурского уезда Пермской губернии [2], Введенской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии [3].

Несмотря на конституционные иллюзии, в этих выступлениях крестьянства виден постепенный рост его политической сознательности, приобретенной в процессе непосредственной борьбы с помещиками и царизмом на протяжении двух лет революции.

В первой половине 1907 г. под влиянием рабочего движения, социал-демократической агитации, а также из-за малоземелья, голода [4] и различных притеснений помещиков и власти крестьяне Урала применяли и такие активные формы революционной борьбы, как захваты хлеба, земли, лугов, открытые столкновения с полицией и местными властями. Подобного рода выступления крестьян происходили в основном весной 1907 г. в ряде волостей Елабужского, Вятского, Сарапульского уездов Вятской губернии [5], Бирского, Белебеевского и Стерлитамакского

---

[1] *Х. Х. Хасанов.* Революция 1905—1907 гг. в Татарии. М., 1965, стр. 278. Название волости определено нами по следующему сборнику. Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896, стр. 262.

[2] *Ю. И. Кочетов.* Выборы в Государственные думы в Пермской губернии. Труды Пермского государственного сельскохозяйственного института им. Д. Н. Прянишникова, т. XVIII, отдельный выпуск, Пермь, 1960, стр. 30.

[3] *Х. Ф. Усманов.* Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958, стр. 153.

[4] Вслед за неурожаем 1905 г. многие районы Урала, особенно Уфимскую губернию, постиг неурожай 1906 г.

[5] *А. А. Папырина.* Крестьянское движение в Вятской губернии в революцию 1905—1907 гг., стр. 85; ЦГАОР, ф. ДП, IV, 1907, д. 15, ч. I, л. 6; д. 81, ч. I, л. 7.

уездов Уфимской губернии[1], Ирбитского и Екатеринбургского уездов Пермской губернии[2], Оренбургского уезда Оренбургской губернии[3]. Но они были единичными явлениями и охватывали небольшую часть уральского крестьянства.

Как и по всей стране, на Урале отдельные вспышки крестьянских выступлений продолжались и после третьеиюньского государственного переворота, однако все они быстро гасли в волне массового террора наступившей реакции.

Первая русская революция потерпела поражение.

---

[1] ЦГАОР, ф. ДП, IV, 1907, д. 81, ч. I, л. 3; ч. 3, л. 4; ПАСО, ф. 41, оп. I, д. 49, лл. 65—66; Сборник документов и материалов о революционном движении 1905—1907 гг. в Башкирии. Уфа, 1956, стр. 248—250; *Х. Х. Хасанов.* Революция 1905—1907 гг. в Татарии, стр. 267—268, 278; *Р. М. Раимов.* 1905 год в Башкирии, стр. 199.

[2] ЦГАОР, ф. ДП, IV, 1907, д. 50, ч. I, л. 13; ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 638, л. 1713; *Ф. П. Быстрых.* Большевистские организации Урала в революции 1905—1907 годов, стр. 305—306.

[3] ЦГАОР, ф. ДП, IV, 1907. д. 47, ч. I, лл. 29, 35.

Свердловский ордена Трудового Красного Знамени
Горный институт им. В. В. Вахрушева

Вып. 4 Из истории уральских и сибирских партийных организаций 1970

И. Ф. ПЛОТНИКОВ

ИСТОРИЯ ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ, В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ТРУДАХ В. И. ЛЕНИНА

Иностранная военная интервенция и гражданская война в восточных районах страны, продолжавшиеся длительное время и явившиеся первым тягчайшим испытанием Советской республики, привлекали и привлекают пристальное внимание советских исследователей.

Длительное время на разных этапах борьбы Восточный фронт являлся главным фронтом Советской республики. Ее судьба тогда решалась на полях сражений в Поволжье и на Урале, в классовых битвах в тылу интервентов и белогвардейцев за линией Восточного фронта — на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. В этих районах исключительно сильного размаха достигли подпольная деятельность коммунистов и повстанческо-партизанское движение.

Еще во время гражданской войны В. И. Ленин указал на особо важное значение изучения и анализа событий, происходивших на Восточном фронте, на Урале и в Сибири под пятой интервентов и белогвардейцев. «Следует ознакомиться, — писал В. И. Ленин, — с теми уроками, которые для всех русских крестьян и рабочих выяснились на опыте завоевания Сибири Колчаком и освобождения Сибири красными войсками после долгих месяцев помещичьего и капиталистического гнета»[1]. В. И. Ленин положил начало изучению и разработке истории гражданской войны в стране в целом и на востоке ее в частности.

В. И. Ленин рассматривал гражданскую войну в непосредственной связи с социалистической революцией. Он учил, что гражданская война, которая началась 25 октября 1917 г.[2], была рассчитана в конечном итоге на обеспечение мира для трудящихся. Исключительно важное значение имели ленинские поло-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 41.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 4.

жения о защите социалистического Отечества, о революционной войне, которую вели трудящиеся Советской республики, обороняясь от интервентов, о необходимости учета трудностей, которые вставали перед трудящимися массами в процессе борьбы за установление и упрочение диктатуры пролетариата. «Мы этих трудностей не боимся, — говорил В. И. Ленин в июле 1918 г.,— мы их знали, мы никогда не говорили, что легко перейти от капитализма к социализму. Это целая эпоха ожесточеннейшей гражданской войны...» [1].

В ленинских работах вскрывалась сущность гражданской войны как наиболее острой формы классовой борьбы. В. И. Ленин прозорливо указал на особую опасность иностранной военной интервенции.

Вторжение международного империализма в Советскую республику не было неожиданностью для В. И. Ленина, Коммунистической партии. Зимой и весной 1918 г. Ленин вновь и вновь подчеркивал опасность военной интервенции. В резолюции VII съезда партии о войне и мире, написанной В. И. Лениным, говорилось: «Историческая неизбежность таких наступлений при теперешнем крайнем обострении всех внутригосударственных, классовых, а равно международных, отношений может в каждый, самый близкий момент, даже в несколько дней, привести к новым империалистическим наступательным войнам против социалистического движения вообще, против Российской Социалистической Советской Республики в особенности» [2].

В самом начале иностранной военной интервенции В. И. Ленин вскрыл политические и экономические причины нападения международного империализма на республику Советов. Гражданская война в силу исторических обстоятельств переплелась с иностранной военной интервенцией, начатой империалистами Антанты и стран Германо-Австрийского блока. В. И. Ленин показал, что интервенты преследовали цель не только закабаления России, они намеревались задушить Советскую власть, ликвидировать пролетарское государство. Ленин первым указал на освободительный, отечественный характер войны трудящихся Советской республики в 1918—1920 гг.

В произведениях В. И. Ленина мы находим глубочайший анализ расстановки классовых сил в гражданской войне, когда на одном полюсе находился пролетариат, на другом — буржуазия. Вокруг этих основных классов буржуазного общества группировались другие классы и классовые прослойки. 19 июля 1918 г. в речи на митинге в Лефортовском районе Москвы В. И. Ленин сказал: «Два класса борются: пролетариат и кулаки, капиталисты. Один из этих классов должен победить, другой — быть разбитым» [3].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 405.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 35.
[3] *Там же*, стр. 528.

На протяжении всей гражданской войны основные сражающиеся классы боролись за привлечение на свою сторону промежуточных классов и прослоек: крестьянства, мелкой буржуазии города, интеллигенции. Только завоевав на свою сторону широчайшие массы средних слоев населения, пролетариат под руководством марксистско-ленинской партии был в состоянии решить исход борьбы в свою пользу.

В. И. Ленин продолжал разработку стратегии и тактики большевистской партии применительно к новым условиям.

Наиболее полно и разносторонне учение о стратегии и тактике революционной борьбы было рассмотрено В. И. Лениным в выдающемся произведении «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»[1]. В этой книге получил отражение и опыт борьбы с колчаковщиной. В годы гражданской войны партия преследовала цель полного разгрома эксплуататорских классов, очищения страны от иноземных захватчиков, сохранения и упрочения завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. Крупный вклад В. И. Ленин внес в разработку тактической линии партии по отношению к мелкобуржуазным массам и их партиям. Ленинская тактика позволяла укреплять союз рабочего класса с трудящимся крестьянством, привлекать на свою сторону мелкобуржуазные слои городского населения и лучшую часть интеллигенции. Вдохновителем и организатором трудящихся масс была Коммунистическая партия, действовавшая как монолитная несокрушимая сила, на что многократно указывал Ленин. Ориентируя коммунистов, партийные и советские организации на усиление работы в массах, он все время подчеркивал важность военной работы, выдвинувшейся в дни войны на первый план. Он настаивал на вовлечении в строительство советских вооруженных сил и рабочих, и крестьян.

В речи на съезде представителей губернских Советов 30 июля 1918 г., т. е. в очень сложный момент жизни Советской республики, когда еще шло развертывание соединений Красной Армии и формирование фронтов и в военном отношении допускались упущения и ошибки, В. И. Ленин говорил: «С мест мы получаем сведения, что поражения, которые имела за последнее время Советская Россия, на опыте убедили рабочих и революционное крестьянство, что помимо контроля, помимо государственного строительства, необходим также контроль и в военной области.

Я уверен..., что в дальнейшем дело пойдет лучше. Я уверен, что губернские исполкомы, вводя в жизнь при помощи крестьянства организацию контроля над командным составом, создадут крепкую социалистическую армию. Уроки революции научили, наконец, классы рабочих и эксплуатируемых крестьян необходимости взяться за оружие. Крестьяне и рабочие, помимо завоева-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41.

ния земли, контроля и т. д., научились созданию необходимости управлять армией»[1]. Ленинское научное предвидение сбылось. Была создана многомиллионная Красная Армия, которая разгромила белогвардейцев и интервентов.

В. И. Ленин вскрыл причины победы трудящихся Советской республики над интервентами и белогвардейцами, указал на важнейшие уроки, которые следовало извлечь из борьбы с внешними и внутренними врагами революции, на непреходящее значение опыта партии и советского народа, приобретенного в суровые годы гражданской войны.

Мы остановились на некоторых наиболее общих вопросах гражданской войны, получивших разрешение в трудах В. И. Ленина. Но в них рассматривались и более конкретные вопросы борьбы трудящихся с силами контрреволюции. Большое внимание уделял В. И. Ленин событиям на востоке страны и таким образом заложил фундамент историографии гражданской войны на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

В. И. Ленин в период гражданской войны продолжал начатое им еще в 90-х годах рассмотрение развития восточных районов страны в книге «Развитие капитализма в России»[2], в статьях: «Уроки кризиса»[3], «Крепостники за работой»[4], «Сущность аграрного вопроса в России»[5], «Переселенческий вопрос»[6], «Последний клапан»[7], «Значение переселенческого дела»[8] и многих других. Ленин многократно поднимал вопрос об особенностях социально-экономического положения Урала и Сибири. Эти работы В. И. Ленина, как и те, которые в той или иной степени посвящались истории Урала, Сибири и Дальнего Востока, содержат в себе анализ экономического положения, природы и характера пролетариата и крестьянства этих краев.

Учитывая особенности развития Сибири, Дальнего Востока и аграрных районов Урала (громадное преобладание в них мелкобуржуазных слоев населения, относительную зажиточность крестьянства и т. д.), В. И. Ленин указал на неблагоприятную расстановку классовых сил, сложившуюся к лету 1918 г., на колебания части трудящегося крестьянства, середняка, на причины и последствия этого явления[9].

Особенно примечательна работа В. И. Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», написан-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 22.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5.
[4] *Там же.*
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21.
[6] *Там же.*
[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч. т. 22.
[8] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23.
[9] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 215—218; т. 39, стр. 39—44, 86—87, 111, 232, 299—300, 320, 353, 401—402; т. 40, 2—5, 16—17, 183, 197, 220—222; т. 41, стр. 314.

ная в декабре 1919 г.[1]. В ней приведены и глубоко проанализированы результаты выборов в Учредительное собрание, состоявшиеся в ноябре 1917 г., а также показано, что там, где большевики получили наименьшее число голосов (Сибирь, Урал, Украина), дольше всего держались белогвардейские генералы и интервенты. В Сибири и на Дальнем Востоке (Тобольская, Томская, Алтайская, Енисейская, Иркутская губернии и Забайкальская и Приамурская области) эсеры получили 75 процентов голосов, а большевики только 10 процентов.

Мало чем отличались общие итоги выборов в Учредительное собрание и в Восточно-Уральском районе (Вятская, Казанская, Пермская и Уфимская губернии). Здесь эсеры получили 62 процента, а большевики 12 процентов всех голосов [2].

За эсеров голосовала большая часть крестьян. В. И. Ленин отмечал: «В чисто крестьянских районах, великорусских (Поволжско-Черноземный, Сибирь, Восточно-Уральский) и украинском, эсеры имели 62—77% голосов. В промышленных центрах большевики имели преобладание над эсерами [3]. Эти районы осенью 1917 г. «оказались, — говорил В. И. Ленин, — наименее большевистскими» [4]. Вместе с тем необходимо отметить, что в горнозаводской части Урала, в отдельных городах и промышленных поселках Сибири большевики на выборах одержали над эсерами и другими мелкобуржуазными партиями убедительную победу.

Тем не менее несомненным фактом является то, что в Сибири, на Дальнем Востоке и в крестьянских районах Урала в период Октябрьской революции и в последующие месяцы большевики не имели на своей стороне всего, а на отдельных этапах даже большинства трудящегося крестьянства. Среди крестьян большим влиянием в то время пользовались мелкобуржуазные партии. Весной и летом 1918 г. колебания среди сибирских крестьян усилились. «Диктатура пролетариата, — отмечал В. И. Ленин, — не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам» [5].

Вскрывая причины резких колебаний сибирских крестьян, их средних слоев, Ленин говорил: «Крестьяне в Сибири... крепостного права не знали. Это — самые сытые крестьяне, привыкшие к эксплуатации тех ссыльных, которые из России появлялись, это крестьяне, которые улучшения от революции не видели, и эти крестьяне получали вождей от всей русской буржуазии, от

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 3.
[3] *Там же.*
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 16.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 17.

всех меньшевиков и эсеров,— там их были сотни, тысячи»[1]. «Мы не могли дать крестьянам в Сибири,— писал В. И. Ленин, — того, что дала им революция в России. В Сибири крестьянство не получило помещичьей земли, потому что там ее не было, и потому им легче было поверить белогвардейцам»[2].

Ленин указывал и на политическую неустойчивость части рабочих Сибири и Урала, на развращенность их мелкобуржуазными привычками и на проявленные ими колебания в первый период иностранной интервенции и гражданской войны[3]. Колебания мелкобуржуазных слоев населения, так же как и незначительной неустойчивой части рабочих, использовала внутренняя и международная реакция.

В. И. Ленин большое внимание уделял разоблачению целей и действий международного империализма, начавшего открытую военную интервенцию, ее стремление к ограблению Сибири и других районов[4].

В. И. Ленин вскрыл антисоветскую, проимпериалистическую сущность контрреволюционного мятежа чехословацкого корпуса[5]. Уже 19 июля 1918 г. он отмечал: «В связи с обострением отношений с Германией обострились отношения и с другой коалицией. Чехословацкое восстание — это их проделка. Этому доказательством является офицерство, поддерживаемое французскими деньгами и помогающее чехословакам»[6]. В дальнейшем все это было подтверждено документально. Белогвардейско-чехословацкие части корпуса явились непосредственным орудием Антанты, и, начав антисоветское выступление по ее приказу, они стали в ряд с интервенционистскими войсками США, Англии, Франции, Японии и других стран.

В. И. Ленин глубоко проанализировал сущность колчаковщины, характер контрреволюционного режима, который был установлен на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке[7]. «Кол-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 40.

[2] *Там же*, стр. 299.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 232; т. 40, стр. 256.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 125, 215—216, 251—252, 322—324, 360, 443; т. 37, стр. 46, 118, 456—461; т. 38, стр. 234, 312, 316, 462; т. 39, стр. 49, 51, 135, 137, 142, 151, 241, 293, 299, 389—390; т. 40, стр. 95, 98, 116, 168—187; т. 41, стр. 113, 120, 127, 129, 132—133, 141, 226, 324; т. 42, стр. 93—101; т. 43, стр. 10, 19, 134, 138.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 445, 514, 527; т. 37, стр. 1—2, 13, 25, 106, 219; т. 38, стр. 31—32; т. 39, стр. 135, 142, 241, 299.

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 527.

[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 201, 235, 360, 443, 445, 514; т. 37, стр. 28, 81, 106, 214, 483—484; т. 38, стр. 31, 191, 244, 247, 249, 253—255, 268, 271—274, 278—280, 290, 292, 299, 311, 312, 314, 316; 318—319, 338, 340, 345, 355, 356, 363, 368; т. 39, стр. 34—35, 38—41, 44, 46—48, 51, 61, 63, 86, 87, 111, 115, 127—129, 137, 147—159, 167, 169, 176—178, 187, 196, 200, 206, 208, 220, 232, 241, 244, 249, 289, 293, 299, 305, 311, 315, 319—320, 350—351, 353—354, 358, 362, 397, 402, 408, 417—418, 420, 430; т. 40, стр. 16—17, 29, 69—70, 86—87, 92, 95, 97, 103, 105, 116, 138—139, 142—143, 151, 168—187, 195, 208, 223, 230, 240, 258, 306, 320; 322; т. 41, стр. 113—114, 120, 133, 141, 144, 147, 276, 314, 324—333, 340,

чак — это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской...»[1] — отмечал Ленин. Характеризуя политику Колчака, развязанный им террор, Ленин в письме ЦК РКП(б) к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным!» писал: «Теперь правда о Колчаке (а Деникин — его двойник) раскрыта вполне. Расстрелы *десятков тысяч* рабочих. Расстрелы даже меньшевиков и эсеров. Порка крестьян целыми уездами. Публичная порка женщин. Полный разгул власти офицеров, помещичьих сынков. Грабеж без конца. Такова правда о Колчаке и Деникине»[2].

В целом ряде работ В. И. Ленина характеризуются мелкобуржуазные партии и группы, их контрреволюционная деятельность в Сибири и на Урале[3]. Ленин вскрыл антинародную, предательскую сущность эсеров и меньшевиков, показал, что они явились прямыми пособниками колчаковщины, «помогли» ей «родиться на свет»[4]. Белогвардейский режим, установленный в восточных районах летом 1918 г. при активном участии мелкобуржуазных партий и прикрывавшийся их демагогическими псевдодемократическими лозунгами, логически перерос в наихудшую разновидность контрреволюционной системы власти — буржуазно-монархическую диктатуру Колчака.

В. И. Ленин выяснил причины и характер начавшихся осенью 1918 г. колебаний среди меньшевиков и эсеров, непосредственную зависимость этого явления от сдвига части мелкобуржуазных слоев влево, в сторону Советской власти. В. И. Ленин отмечал, что часть мелкобуржуазных партий от Колчака отошла, что осуждение колчаковщины некоторыми представителями этих партий является положительным фактом. Но вместе с тем Ленин указывал на то, что даже эти мелкобуржуазные политиканы по-прежнему не раскаивались в сделке с реакцией, считая ее допустимой, и продолжали обманывать народные массы лозунгами «свободы и равенства». «Я утверждаю,— говорил В. И. Ленин, — что эти люди, если они обладают элементарной политической грамотностью, то они колчаковцы, как бы они от этого не открещивались, как бы лично ни претила им колчаковщина, как бы лично они от Колчака ни пострадали и хотя бы перешли на нашу сторону»[5].

В. И. Ленин отмечал, что мелкобуржуазные демократы ме-

346, 401; т. 42, стр. 67, 94—95; т. 43, стр. 10, 18—19, 24, 72, 134, 136, 138, 142, 302.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 397.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 47.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 81, 192—193, 214, 217—220, 372, 483—484; т. 38, стр. 191, 238—242, 253—254, 288—290, 340—356, 379—380; т. 39, стр. 38—42, 59, 86, 127—128, 135, 147, 156—159, 176, 320, 350, 417; т. 40, стр. 306; т. 41, стр. 22; т. 42, стр. 139; т. 43, стр. 136, 302.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 156.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 344—345.

чутся между двумя лагерями и перебегают к «победителям»[1]. Он призывал к дальнейшей борьбе с мелкобуржуазными партиями, к их разоблачению, не допускал идейных уступок. В. И. Ленин считал возможным только такие соглашения и компромиссы с этими партиями, когда они под контролем Коммунистической партии могли участвовать в борьбе с Колчаком.

В то же время важно подчеркнуть, что соглашения с мелкобуржуазными партиями и группами В. И. Ленин никоим образом не отвергал. Он требовал умелого осуществления политической линии. «Все дело в том, — писал В. И. Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», — чтобы *уметь* применять эту тактику в целях *повышения*, а не понижения, *общего* уровня пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе и к победе»[2]. В частности, в «Тезисах ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта», опубликованных 12 апреля 1919 г., были изложены принципы отношения к мелкобуржуазным партиям и отдельным их представителям[3].

Большое место В. И. Ленин уделял революционной борьбе за освобождение восточных районов, Восточному фронту республики. Уже в начале мая 1918 г. в связи с резким обострением отношений с Германией, а также другими странами, угрозой утраты части западных районов республики В. И. Ленин пишет о том, что необходимо «направить все силы на защиту урало-кузнецкого района»[4].

В тот период, когда Сибирь и Урал были захвачены объединенными силами внешней и внутренней контрреволюции, В. И. Ленин вновь и вновь указывал на важность освобождения этих районов. Он охарактеризовал Восточный фронт как главный летом и осенью 1918 г. и весной 1919 г., проанализировал положение на нем и выдвинул задачи достижения перелома в жестокой битве с врагом, полной победы над ним[5]. Так, в «Тезисах ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта» В. И. Ленин определил ряд радикальных задач, осуществление которых могло принести победу на Восточном фронте. «Центральный Комитет,— говорилось в тезисах,— обращается ко всем организациям партии и ко всем профессиональным союзам с просьбой взяться за работу по-революционному, не ограничиваясь старыми шаблонами...

Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны»[6].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 197.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 59.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 273—274.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 315.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 70; т. 38, стр. 268, 271—274, 277—280, 311, 314, 316—319; т. 39, стр. 34—35, 54, 87, 126, 241; т. 40, стр. 195 и др.
[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 274.

В другом партийном документе, вышедшем из-под пера В. И. Ленина,— письме ЦК РКП (большевиков) к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным!» ставилась задача огромной важности: не ослаблять, а «усиливать наступление на Колчака»[1].

В данном и многих других случаях задачи, выдвигавшиеся Лениным по борьбе за разгром Колчака, относились к партийным, государственным и другим общественным организациям, к военным учреждениям, командованию Восточного фронта, а также ко всем трудящимся, в том числе и к тем, которые во главе с большевистскими подпольными организациями поднимались на борьбу с врагом в его тылу.

В некоторых произведениях В. И. Ленин высказал положения, затрагивающие и проблему большевистского подполья. Это свидетельствовало о том, что он пристально следил за героической борьбой уральских и сибирских коммунистов в тылу противника и высоко ценил ее. Он указывал на крайне тяжелое положение, в котором оказались коммунисты с момента поражения Советской власти[2]. 24 октября 1919 г. в «Речи перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт», В. И. Ленин, говоря о развале колчаковщины, о вооруженных выступлениях масс в Сибири, ссылался на «сведения», которые он получал «из колчаковского тыла»[3]. В декабре того же года Ленин, говоря о восстаниях в Сибири, отмечал, что «мы получили точные донесения от товарищей»[4].

В. И. Ленин внимательнейшим образом следил за процессом перехода средних крестьян Урала и Сибири на сторону Советской власти[5]. Характеризуя колебания мелкобуржуазных слоев населения Сибири и смежных районов, В. И. Ленин указывал на то, что они носили глубокий и затяжной характер. В декабре 1919 г., когда почти вся Сибирь была освобождена, В. И. Ленин счел возможным подчеркнуть, что лишь в долгой и жестокой борьбе, на опыте колеблющаяся мелкая буржуазия пришла к выводу, что пролетарская диктатура лучше буржуазной. «В последнем счете,— писал В. И. Ленин,— именно эти колебания крестьянства, как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся, решали судьбу Советской власти и власти Колчака — Деникина. Но до этого «последнего счета» проходил довольно продолжительный период тяжелой борьбы и мучительных испытаний, которые не закончены в России в течение двух лет, не закончены как раз в Сибири и на Украине. И нельзя

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 54.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 81.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 241.

[4] *Там же*, стр. 397.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 7, 14, 31, 61—64, 252—257, 271, 282—284, 312; т. 39, стр. 39—44, 86—87, 111, 157, 220—221, 232, 244, 300, 320, 353—354, 397, 401—402; т. 40, стр. 16—17, 183, 220—322; т. 41, стр. 314.

ручаться, что они будут **окончательно** закончены еще, скажем, в течение года и тому подобное» [1].

В. И. Ленин проследил основные этапы полевения среднего крестьянства восточных районов страны и их перехода на сторону Советской власти.

Весной 1919 г. поворот середняка Урала, Сибири и Дальнего Востока на сторону Советской власти усилился, а в связи с этим и с достигнутыми в мае крупными успехами Красной Армии, большевизацией солдат колчаковской армии поворот среднего крестьянства стремительно нарастает и вскоре, к июню, стал совершившимся фактом. Небывалых размеров достигла революционная борьба в тылу Колчака. В прифронтовой полосе трудящиеся, освобожденные из-под колчаковского ига, широким потоком добровольно устремились в Красную Армию.

Если в марте 1919 г. В. И. Ленин указывал на поворот «значительной части крестьянских масс в пользу Советской власти», а в апреле он обратил внимание на то, что Колчак, мобилизовав десятки тысяч сибирских крестьян, держал их «палочной дисциплиной и обманами» и «двинул» в наступление [2], то в июле в целом ряде работ он указывал на развал «колчакии» и на переход трудящихся масс крестьянства Сибири на сторону Советов: «Миллионы крестьян Сибири пришли к большевизму,— там поголовно ждут большевиков...» [3]. В тот период Ленин писал: «Без Колчака сибирский крестьянин не пришел бы в один год к убеждению, что ему нужна наша, рабочая власть. Только тяжелый опыт этого года убедил его в этом... Массы крестьянства перешли к большевикам — это факт. Это доказала лучше всего Сибирь» [4].

Анализируя причины поворота средних крестьян на сторону пролетариата, В. И. Ленин обращал особое внимание на собственный опыт масс, на их политическое воспитание под воздействием репрессий и всей политики Колчака [5]. «История с Колчаком показывает,— говорил Ленин,— что как гражданская война ни бесконечна, как ни тяжела, какой безысходной она ни кажется, но в тупик она не приводит. Она приводит народные массы, наиболее оторванные от большевиков, собственным опытом к убеждению в необходимости перехода на сторону этой власти» [6].

Таким образом, к лету 1919 г. в Сибири, на Дальнем Востоке и несколько раньше на Урале сложился военно-политический союз рабочего класса и трудящегося крестьянства, что свидетель-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 17.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 283, 312.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 42.

[4] *Там же*, стр. 87.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 129, 151—159, 177—178, 220, 232, 241, 299, 310—311, 320, 353, 397, 401, 408—409; т. 40, стр. 41, 223; т. 42, стр. 139.

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 129.

ствовало об огромных классовых сдвигах в этих районах. Весной, особенно летом и осенью 1919 г., повышение революционности масс проявилось в повсеместном и резком усилении их выступлений против Колчака, в партизанском движении, достигшем грандиозных размеров.

Рабочие, крестьяне и солдаты боролись за восстановление власти Советов. Большевистский, советский характер повстанческо-партизанского движения наблюдался в самых отдаленных уездах и волостях Сибири. Подмечая это явление, В. И. Ленин говорил: «Колчак дал нам миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать» [1].

С поворотом к Советской власти широких слоев трудящихся крестьян, нарастанием революционного движения в тылу Колчака, победами Красной Армии, мобилизацией в ряды белогвардейцев тысяч трудящихся В. И. Ленин связывал развал армии Колчака [2]. Пока армия Колчака, говорил Ленин, «была классовая, пока она состояла из добровольцев, ненавистников социализма, эта армия была крепка и прочна. Но когда он стал делать поголовный набор, он, конечно, мог набрать армию быстро, но эта армия, чем она больше, тем она менее будет классовой и тем она слабее» [3].

Следовательно, положение на фронте и неизбежность поражения войск Колчака В. И. Ленин ставил в прямую зависимость от их классового состава, от перехода среднего крестьянства на сторону Советов.

В. И. Ленин большое внимание уделил анализу «революции в колчакии», борьбе трудящихся Урала, Сибири и Дальнего Востока в тылу врага, вооруженных восстаний и партизанского движения [4]. Он охарактеризовал движущие силы революционной борьбы в тылу колчаковской армии, показал их рост и активизацию [5]. Ленинскую концепцию о движущих силах революции в «колчакии», так же как и в стране в целом, можно было бы кратко проиллюстрировать двумя цитатами из его работ, относящихся к начальному и завершающему этапам гражданской войны: «Пролетариат, при помощи деревенской бедноты, только он выдержал борьбу против всех врагов» [6]; «Мы бесконечно сильными стали потому, что миллионы научились понимать, что такое Колчак; миллионы крестьян Сибири пришли к большевизму» [7].

Следовательно, движущими силами на первом этапе борьбы

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 241.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 34—35, 54, 208, 244, 262.

[3] *Там же,* стр. 34—25.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 214—215; т. 38, стр. 31—32; т. 39, стр. 39, 44, 54, 87, 89, 177, 232, 241, 397, 453; т. 40, стр. 29, 41, 87, 183.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 214—215; т. 38, стр. 31—32; т. 39, стр. 39, 54, 87, 397, 453; т. 40, стр. 29, 41, 87, 183.

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 214.

[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 42.

были в основном рабочие и крестьянская беднота. В дальнейшем в революционную борьбу включились и середняки, вместе с рабочим классом выступали широчайшие слои трудового крестьянства.

В ленинских работах уделяется внимание характеристике главного метода борьбы трудящихся Урала, Сибири и Дальнего Востока против Колчака и интервентов — вооруженного восстания, а также партизанского движения [1]. В них указывается на «поголовное участие» в «революции в колчакии» рабочих и крестьян, на участие в выступлениях даже «зажиточных крестьян» и «интеллигенции» [2].

Жизнь показала колеблющейся части трудящихся масс, что среднего между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии пути нет, что интересы трудящихся масс могут быть обеспечены только после победы первой из этих взаимоисключающих диктатур.

Ленин дал оценку помощи, которую оказали рабочие и крестьяне Урала, Сибири и Дальнего Востока своим участием в антиколчаковском движении советским вооруженным силам [3]. Говоря о полной победе над Колчаком, В. И. Ленин указывал: «Несомненно, здесь мы получаем практическое доказательство того, что сплоченные силы рабочих и крестьян, освобожденных от ига капиталистов, производят действительные чудеса. Здесь мы имеем на практике доказательство того, что революционная война, когда она действительно втягивает и заинтересовывает угнетенные трудящиеся массы, когда она дает им сознание того, что они борются против эксплуататоров, что такая революционная война вызывает энергию и способность творить чудеса» [4]. Составной частью революционной войны трудящихся Советской республики была почти двухлетняя самоотверженная борьба рабочих и крестьян урало-сибирско-дальневосточного края против интервентов и белогвардейцев.

Высоко оценивая повстанческо-партизанское движение в разгроме интервентов и колчаковцев, Ленин в то же время указывал на решающую роль в этом Вооруженных Сил республики [5]. В сентябре 1919 г. он говорил, что «Красной Армии так легко удалось в столь небольшой промежуток времени захватить всю Сибирь, ибо теперь сами сибирские рабочие и крестьяне шли на помощь Красной Армии» [6]. Из ленинских работ явствует, что революционная борьба трудящихся Урала и Сибири во главе с большевистскими подпольными организациями явилась одной

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 39, 41, 44, 87, 241; т. 40, стр. 29.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 54, 87, 241.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 39, 42, 44, 54—55, 88—89, 177—232.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 320.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 39, 44, 54—55, 88—89, 177; т. 40, стр. 29.

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 177.

из важнейших причин разгрома Колчака и интервентов и освобождения края. Она создавала благоприятные условия для боевых действий Красной Армии, облегчала и ускоряла решение задач полного разгрома врага.

Большое внимание В. И. Ленин уделял событиям, связанным с освобождением районов Урала, Сибири и Дальнего Востока, успехами Красной Армии, урокам, которые следовало извлечь из борьбы с Колчаком, причинам победы над ним [1].

Ко второй половине августа 1919 г., когда Красная Армия одержала выдающиеся победы над Колчаком и его войска, понесшие огромные и невосполнимые потери, были отброшены к реке Тобол, В. И. Ленин обратился с «Письмом к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком». В нем Ленин подвел итоги борьбы с Колчаком и указал пять уроков, которые должны были извлечь трудящиеся из опыта борьбы.

«**Первый урок.** Чтобы защитить власть рабочих и крестьян от разбойников, то есть от помещиков и капиталистов, нам нужна могучая Красная Армия...

Второй урок. Красная Армия не может быть крепкой без больших государственных запасов хлеба, ибо без этого нельзя ни передвигать армию свободно, ни готовить ее как следует...

Третий урок. Чтобы до конца уничтожить Колчака и Деникина, необходимо соблюдать строжайший революционный порядок, необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми...

Четвертый урок. Преступно забывать не только о том, что колчаковщина началась с пустяков, но и о том, что ей помогли родиться на свет и ее прямо поддерживали меньшевики («социал-демократы») и эсеры («социалисты-революционеры»). Пора научиться оценивать политические партии по делам их, а не по их словам...

Пятый урок. Чтобы уничтожить Колчака и колчаковщину, чтобы не дать им подняться вновь, надо всем крестьянам без колебаний сделать выбор в пользу рабочего государства...

Рабочее государство — единственный верный друг и помощник трудящихся и крестьянства. Никаких колебаний в сторону капитала, союз трудящихся в борьбе с ним, **рабоче-крестьянская власть, Советская власть** — вот что значит на **деле** «диктатура рабочего класса» [2].

В этих пяти уроках, как и во всем ленинском «Письме...», раскрывался исторический опыт борьбы с белогвардейцами и интервентами на Востоке страны. Вместе с тем сформулированные Лениным уроки были программой дальнейшего укрепления военной, политической и экономической мощи Республики

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 465; т. 39, стр. 39, 44—45, 54—55, 151—158, 249; т. 40, стр. 87—88, 115, 168, 230, 232, 274, 312, 321; т. 41, стр. 276.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 151—158.

Советов. Извлекая уроки из борьбы с колчаковцами, а также другими белогвардейцами и интервентами, Коммунистическая партия и все трудящиеся активней поднимались на борьбу с Деникиным, начавшим в июле 1919 г. новое наступление. Центр тяжести борьбы стал перемещаться на Южный фронт.

В. И. Ленин был далек от мысли, что с Колчаком уже покончено. Наоборот, он подчеркивал, что необходимо продолжать наступление на восток, разгромить войска Колчака и интервентов, решительно выступал против тех, кто недооценивал значение Восточного фронта. В. И. Ленин указывал: «**От ослабления** наступления на Урал и на Сибирь **мы погибнем...**

Ослаблять наступление на Урал и Сибирь значило бы быть изменником... делу освобождения рабочих и крестьян от ига Колчака»[1]. Колчак, занимавший по-прежнему громадный район, еще не был разгромлен и продолжал представлять большую опасность.

Ленинское «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» имело самое непосредственное отношение к продолжению борьбы с Колчаком, который в связи с переброской части советских дивизий с Урала на другие фронты пытался зацепиться в Зауралье и помочь Деникину и Юденичу. Это письмо и другие ленинские выступления, как и решения партии, имели чрезвычайно важное значение для соединений Восточного фронта, партийных и советских органов, для коммунистов-подпольщиков и партизан, для всех трудящихся масс по обе стороны фронта.

В ленинских произведениях отражены и получили оценку последующие этапы борьбы с колчаковцами и их разгром. В начале февраля 1920 г. В. И. Ленин говорил: «Вы знаете о том, что последние остатки армии Колчака почти уничтожены ...военное положение Советской республики изменилось самым радикальным образом, и хотя война не была закончена, тем не менее для всякого государства стало ясным, что их прежние надежды на возможность раздавить военные силы Советской республики потерпели крах»[2]. Как отмечал Ленин, с разгромом колчаковщины «главная полоса гражданских войн» осталась позади.

В этих высказываниях Владимира Ильича отчетливо выразилась оценка победы над Колчаком, ее исторической роли в защите Советской республики и полном разгроме белогвардейцев и интервентов.

Среди работ, в которых речь идет о значении победы над Колчаком и вскрываются ее причины, особенно видное место занимает «Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г.»[3]. В этом докладе, а также в ряде других работ В. И. Ленин рассмотрел внутреннее и международное положение

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 54—55.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 87—88.
[3] *Там же*, стр. 166—187.

республики, противоречия в стане контрреволюции, прямые и косвенные резервы российского революционного пролетариата, указал на постепенное и все большее изменение соотношения сил в стране в его пользу. В. И. Ленин особое значение придавал переходу на сторону Советской власти средних слоев крестьянства и колебавшихся прежде мелкобуржуазных масс. «И если что решило исход борьбы с Колчаком и Деникиным в нашу пользу, несмотря на то, что Колчака и Деникина поддерживали великие державы, так это то, что в конце концов и крестьяне, и трудовое казачество, которое долгое время оставались потусторонними, теперь перешли на сторону рабочих и крестьян, и только это в последнем счете решило войну и дало нам победу» [1].

Вопрос о колебаниях мелкобуржуазных масс населения Урала, Сибири, как и других районов страны, о переходе их на сторону пролетарской диктатуры являлся одним из стержневых в ленинских работах, посвященных гражданской войне, рассматривается в самых различных аспектах. В конечном итоге от поведения этих слоев населения, преобладающих в стране, зависел исход борьбы с силами внутренней и внешней контрреволюции.

После разгрома Колчака под пятой контрреволюционных сил продолжала находиться часть Восточной Сибири и Дальний Восток. В. И. Ленин ставил вопрос о необходимости полного освобождения и этих районов. Он разрабатывал тактику, рассчитанную на успешное достижение этой цели [2]. Ленин при этом исходил из необходимости избежать военного столкновения Советской страны с империалистической Японией, войска которой продолжали находиться на Дальнем Востоке.

В ленинских работах нашли разрешение основные аспекты истории борьбы за освобождение восточной окраины страны от белогвардейцев и японских интервентов, за присоединение к Советской республике Дальневосточной республики, специфика этой борьбы. «Обстоятельства принудили,— говорил Ленин,— к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики, и мы прекрасно знаем, какие неимоверные бедствия терпят сибирские крестьяне от японского империализма, какое неслыханное количество зверств проделали японцы в Сибири. Это знают товарищи из Сибири: в их недавних изданиях подробно об этом рассказано. Но тем не менее вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна» [3].

Проведение в жизнь гибкой ленинской тактики Коммунистической партией, коммунистами Дальнего Востока, активная и последовательная борьба трудящихся края позволили в 1922 г.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 183.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 129, 132—133; т. 42, стр. 23, 66, 93—94, 170.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 39.

воссоединить его с Советской республикой, восстановить в нем Советскую власть.

Таков краткий и далеко не полный перечень проблем и вопросов истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, которые были поставлены и разрешены В. И. Лениным. В. И. Ленин выступил как первый и глубочайший исследователь истории гражданской войны в стране, в том числе в восточных районах.

В. И. Ленин дал всесторонний анализ многочисленных фактов и на их основе разработал свою научную концепцию истории гражданской войны. Теоретические положения в его работах, несмотря на то, что они вырабатывались в исключительно сложной обстановке и относились к еще развивающимся историческим процессам, отличаются необычайной глубиной и широтой.

Ленинские работы — книги, статьи, речи, проекты резолюций, письма, телеграммы, написанные в годы гражданской войны,— это не только исследования большой полосы в истории Коммунистической партии и Советской страны, не только дальнейший, более высокий этап в развитии марксизма-ленинизма, но и важнейшие документы эпохи. Они являются, как и другие произведения В. И. Ленина и основоположников марксизма, методологической основой, а также важнейшим, незаменимым историческим источником [1]. Ленинские положения и выводы, данные в связи с анализом гражданской войны в стране, обогатили марксистскую теорию, двинули ее вперед.

Своими успехами в научной разработке истории гражданской войны на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке советские историки обязаны прежде всего великому Ленину, его трудам. Чем основательней, глубже изучаются исследователями эти труды, тем успешней и основательней осуществляется разработка возникающих проблем и вопросов.

---

[1] Автор не ставил перед собой задачу рассмотрения произведений В. И. Ленина как источника исторических исследований, ограничив ее в основном рамками историографического плана.

Свердловский ордена Трудового Красного Знамени
Горный институт им. В. В. Вахрушева

Вып. 4 Из истории уральских и сибирских партийных организаций 1970

И. Ф. ПЛОТНИКОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ НА УРАЛЕ И В СИБИРИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В последние годы советские историки большой интерес проявляют к иностранной военной интервенции и гражданской войне на востоке страны и, в частности, к большевистскому подполью в тылу войск Колчака. Большевистскому подполью на Урале и в Сибири в преобладающей или в значительной степени посвящены крупные работы З. А. Аминева[1], Н. В. Дворянова и В. Н. Дворянова[2], В. А. Кадейкина[3], А. И. Крушанова[4], П. И. Рощевского[5], А. Г. Солодянкина[6], М. И. Стишова[7], П. Т. Хаптаева[8], Б. М. Шерешевского и В. И. Василевского[9], Г. Х. Эйхе[10]. На эту же тему опубликовано несколько брошюр, десятки статей и докладов. Она нашла отражение в многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза»[11] и других крупных изданиях. В целом названные работы заслуживают достаточно

[1] *З. А. Аминев.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). Уфа, 1966.

[2] *Н. В. Дворянов, В. Н. Дворянов.* В тылу Колчака. М., 1966.

[3] *В. А. Кадейкин.* Сибирь непокоренная (большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны). Кемерово, 1968.

[4] *А. И. Крушанов.* Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (апрель 1918 — март 1920 г.). Владивосток, 1962.

[5] *П. И. Рощевский.* Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966.

[6] *А. Г. Солодянкин.* Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960.

[7] *М. И. Стишов.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1962.

[8] *П. Т. Хаптаев.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ, 1964.

[9] *Б. М. Шерешевский, В. И. Василевский.* За власть Советов в Забайкалье (1918—1922 гг.). Чита, 1960.

[10] *Г. Х. Эйхе.* Опрокинутый тыл. М., 1966.

[11] «История Коммунистической партии Советского Союза» т. 3, кн. 2, М., 1968.

высокой оценки. Большевистскому подполью Урала и Сибири посвящены и наши книги [1].

В результате активного исследования проблемы большевистского подполья в урало-сибирском тылу интервентов и белогвардейцев большой группой историков достигнуты важные результаты. Дана общая картина борьбы коммунистов в тылу врага, вырисовываются многие новые стороны их работы, ранее не освещавшиеся, делаются уточнения, исправляются ошибки, допущенные в свое время вследствие использования публикаторами ограниченного круга источников.

Разработка этой темы еще далеко не закончена, что объясняется не только и не столько ее чрезвычайной сложностью, сколько крайне недостаточным количеством документов, исходивших от нелегальных организаций и партийных центров, руководивших их работой, а также многочисленными противоречиями в воспоминаниях, без привлечения которых как источника в данном случае обойтись невозможно. Кроме того, некоторые исследователи по-прежнему изучают материалы лишь отдельных архивов, причем не во всей их совокупности, а выборочно. В результате в исторических работах встречаются еще ошибки и неточности, искажения исторической действительности. В отдельных случаях по наиболее общим и принципиальным вопросам высказываются положения и развиваются концепции, с которыми нельзя согласиться.

В данной статье, привлекая различные, в том числе и новые документы и материалы, мы рассмотрим некоторые вопросы, требующие дальнейшего исследования, а именно: о периодизации истории большевистского подполья в Сибири и на Урале, о гегемонии сибирского пролетариата и его союзе с крестьянством, об образовании, функциях и задачах отделения Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Организационного бюро РКП(б) Сибири, о нелегальных большевистских конференциях и совещаниях, деятельности Сибирского областного партийного комитета, месте и времени его восстановления после разгрома колчаковцами весной 1919 г., об обстоятельствах провала в крупнейших партийных организациях Урала и Сибири в марте-апреле указанного года.

Эти вопросы в последний период вызывают все больший интерес и в той или иной степени рассматриваются рядом авторов, прежде всего В. А. Кадейкиным, А. Г. Солодянкиным, М. И. Стишовым в названных выше и других работах [2], а также

---

[1] *И. Ф. Плотников.* Большевистское подполье в Сибири в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). Свердловск, 1966; *он же.* Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920). М., 1968.

[2] *В. А. Кадейкин.* К вопросу об оценке тактической линии подпольных большевистских организаций Сибири в период гражданской войны. В кн.: Деятельность партийных организаций Западной Сибири в период строительства социализма и коммунизма. Кемерово, 1966; А. Г. Солодянкин. Предисло-

О. А. Васьковским, А. А. Желваковой, А. Я. Казаковым, Л. М. Спириным, Д. К. Шелестовым и др[1]. Мы в свое время также затрагивали эти вопросы и в даной статье ставим задачу рассмотреть их более обстоятельно, привести новые аргументы.

О ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА СИБИРСКОГО ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА НА СТОРОНУ ПРОЛЕТАРИАТА

В исторической литературе относительно процесса, времени перехода сибирского середняка на сторону Советской власти высказываются различные точки зрения. Одни относят это к осени 1919 г.[2], другие к концу зимы — началу весны того же года[3]. По нашему же мнению, начавшийся осенью и зимой 1918 г. поворот среднего крестьянства Сибири на сторону пролетариата с наступлением 1919 г. усилился, а после поражений войск Колчака, к концу весны (началу лета) того же года, практически завершился[4]. К этому времени середняк определился как сторонник Советской власти, сложился военно-политический союз пролетариата и трудящихся крестьян Сибири. Данная точка зрения кратко освещена в ряде наших работ. Мы не можем согласиться с утверждением о том, что крестьянство Сибири изжило колебания раньше, чем в центральных районах страны (к весне 1919 г.).

вие к кн.: Годы огненные, годы боевые. Сборник воспоминаний. Иркутск, 1961; М. И. Стишов. По поводу работ И. Ф. Плотникова о сибирском подполье (письмо в редакцию).— «История СССР», 1969, № 1. (В настоящей статье мы приводим документы и материалы по вопросам, которые стали предметом полемики между нами и М. И. Стишовым).

[1] *О. А. Васьковский.* Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе. В кн.: Вопросы историографии гражданской войны на Урале. Ученые записки № 78. Серия историческая, вып. 11. Свердловск, 1967; А. А. Желвакова. О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в период гражданской войны и иностранной военной интервенции.— «Труды Омского ветеринарного института», т. 20. Омск, 1962; А. Я. Казаков. О времени образования и месте деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны.— «Вопросы истории КПСС», 1960, № 1; Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; он же. О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны.— «Вопросы истории КПСС», 1961, № 2; он же. Разгром армии Колчака. М., 1957; Д. К. Шелестов. Из истории крестьянских восстаний в Западной Сибири осенью 1918 г.— «Вестник Московского университета», 1954, № 1.

[2] *Л. М. Спирин.* Разгром армии Колчака, стр. 136; *он же.* Классы и партии в гражданской войне. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1965, стр. 40.

[3] *В. А. Кадейкин.* Сибирь непокоренная, стр. 31; *М. И. Стишов.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны, стр. 164, 165, 175, 180.

[4] Говоря: поворот завершился «практически», «в основном», мы стремимся оттенить тот факт, что некоторая часть среднего крестьянства, казачества Сибири проявляла колебания в большей или меньшей степени и в дальнейшем, даже после окончания гражданской войны.

В качестве аргумента в защиту указанной точки зрения подчас приводятся высказывания трех членов Сибирского областного подпольного комитета РКП(б), сделанные в письмах в ЦК партии после II Общесибирской (III Сибирской) партийной конференции в 20-х числах марта и апреле 1919 г., о повсеместных повстанческих настроениях крестьянских масс[1]. Но, во-первых, содержание этих документов, по нашему мнению, не дает оснований для вывода о переходе на сторону пролетариата всех слоев трудящегося крестьянства и во всех районах Сибири. Во-вторых, высказывания членов обкома сделаны на основе докладов делегатов подпольной конференции от тех районов (Забайкальская, Амурская области и Енисейская губерния), где особенно свирепствовала реакция, где революционизирование крестьянства шло быстрее и наблюдался значительный рост повстанческо-партизанского движения. В докладах остальных делегатов подобных данных не приводилось (и не случайно: в районах действия их партийных организаций поворот середняка на сторону Советской власти протекал медленнее)[2]. В-третьих, приведенных высказываний недостаточно, требуется привлечение и других источников, учет всех основных фактов о поведении широких масс трудящегося крестьянства, социально-классовых сдвигах в Сибири. В-четвертых, необходимо обращение к произведениям В. И. Ленина как к важнейшему источнику.

В пользу нашей точки зрения можно привести следующие доводы, вытекающие из общеизвестных фактов и изученных нами источников:

1. К весне 1919 г. многочисленные слои трудящихся крестьян Сибири отошли от кулачества, от контрреволюции и стали сторонниками Советской власти. Однако это не относилось ко всем слоям среднего крестьянства, ко всем районам «колчакии». На активную, тем более вооруженную, борьбу с Колчаком зимой поднялись крестьяне сравнительно немногих районов. Нередко безрезультатными оказывались попытки подпольщиков расширить районы повстанческого движения или поднять новые вооруженные восстания. Это в определенной степени было характерным и для весеннего периода. Следует добавить, что в ряде случаев сокращались, подчас и просто угасали очаги партизанского движения даже в районах его наибольшей активности. К тому же не все крестьяне, поднявшиеся на борьбу с Колчаком, встали на политическую платформу пролетариата.

2. В феврале — марте 1919 г. Колчаку удалось провести мобилизацию сотен тысяч крестьян. При этом колчаковцы столкну-

---

[1] Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). Документы и материалы. Новосибирск, 1959, стр. 105—106; Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.). Сборник документальных материалов. Омск, 1952, стр. 164—165.

[2] Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов в трех томах, т. 1. М., 1960, стр. 449—457.

лись с большими трудностями — с восстаниями и волнениями мобилизуемых в ряде мест, уклонением от мобилизации и дезертирством. Однако активное сопротивление не охватывало все уезды, волости и села, не охватывало большинства, тем более всех середняков. Колчаковские власти с удовлетворением отмечали, что мобилизация во многих местах проходит спокойно (это позволило даже перевыполнить плановые наметки), что настроение части крестьян антибольшевистское и т. д. Совершенно иное содержание носят документы колчаковцев, характеризующие положение в сибирской деревне летом и осенью 1919 г.[1].

3. Настроения трудящихся крестьян отражались непосредственно на настроениях и поведении солдат и наоборот. Многие солдаты в конце 1918 — начале 1919 г. проявляли ненависть к Колчаку, легко воспринимали большевистскую агитацию; в одиночку, группами, а подчас и целыми подразделениями переходили на сторону Красной Армии. Это свидетельствовало о дальнейшем революционизировании трудящихся крестьян, о повороте на сторону Советов новых слоев середняка. Вместе с тем зимой и даже в первой половине весны 1919 г. основная масса колчаковских солдат сражалась с Красной Армией. Колчак, развернув главным образом за счет трудящихся крестьян почти полумиллионную армию, в начале марта начал стремительное наступление, что поставило Советскую республику в крайне трудное положение. Восточный фронт вновь превратился в главный фронт республики. Если бы к весне поворот на сторону Советской власти середняка, всех или подавляющей части трудящихся слоев сибирской деревни, их разрыв с Колчаком стали фактом, то ни полумиллионной армии, ни военных успехов Колчака в марте — апреле не было бы. Это несомненно. Колебания в преобладающей массе сибирских середняков к весне не закончились. Они закончились весной, к концу которой не только отдельные слои, но практически все середняки стали на сторону Советской власти.

4. Принятая VIII съездом РКП(б) установка на прочный союз пролетариата с середняком была обращена не только в прошлое, но и в будущее. Эту задачу, решенную в Сибири лишь частично, предстояло решить полностью и окончательно.

5. Обратимся к ленинским произведениям, в которых большое место отведено характеристике сибирского крестьянства и, по нашему мнению, содержатся положения, исключающие концепцию о том, что поворот середняка на сторону Советской власти завершился к началу весны 1919 г.

Характеризуя поведение мелкобуржуазных масс, среднего

---

[1] См. Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов власти и органов государственного управления СССР (в дальнейшем — ЦГАОР), ф. 147, оп. 8, д. 14, лл. 294—443; ф. 236, оп. 1, д. 12, лл. 17—18; ф. 253, оп. 1, д. 76, л. 483; Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАНО), ф. 5, оп. 2, д. 1514, лл. 7—8.

крестьянства, В. И. Ленин в апреле 1919 г. отмечал, что «этот слой в настоящий момент идет не прямыми путями к цели, а зигзагами...» [1]. Ленин одной из причин такого явления считал положение на фронте и усиление колебаний мелкой буржуазии в случае успехов белогвардейцев [2]. Все это относилось и к среднему крестьянству Сибири.

В. И. Ленин указывал на то, что середняк Сибири «повернул на сторону Колчака» [3], что «Колчак... опирался на крестьян Сибири» [4], что сибирский крестьянин «верил в Учредительное собрание, помогал эсерам и меньшевикам соединиться с Колчаком и бить нас» [5], что «крестьянство Сибири... ратовало раньше за Колчака» [6] и т. д. В марте 1920 г. В. И. Ленин отмечал, что «крестьяне и трудовое казачество» в процессе борьбы с Колчаком и Деникиным «долгое время оставались потусторонними» [7].

В знаменитой статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» (декабрь 1919 г.), в которой дан глубочайший анализ социальных процессов в стране и особенно на ее окраинах в период гражданской войны, В. И. Ленин указывал, что «именно в этих районах (в Сибири и других крестьянских районах,— *И. П.*) держалась месяцы и месяцы власть Колчака и Деникина», что «колебания крестьянства», «период тяжелой борьбы и мучительных испытаний» «не закончены как раз в Сибири и на Украине» [8].

Следовательно, В. И. Ленин не считал, что поворот среднего крестьянства на сторону Советской власти произошел в Сибири раньше, чем в центральных районах страны, вскоре после прихода к власти Колчака (зимой 1918—1919 г.). Наоборот, Ленин говорил о поддержке Колчака частью крестьян в течение «месяцев и месяцев», о том, что даже к концу 1919 г. колебания в среде сибирского крестьянства не были изжиты полностью.

В. И. Ленин пристально следил за событиями в Сибири и неоднократно прямо указывал на то, что использует информацию, полученную из-за линии фронта. Будучи до предела чутким ко всем крупным общественным явлениям, В. И. Ленин просто не мог бы не отметить перехода на сторону Советов среднего крестьяства Сибири к весне 1919 г., если бы это случилось в действительности. В. И. Ленин весной 1919 г. говорил о продолжающемся процессе колебаний в среде сибирских крестьян. Не прошел незамеченным для Ленина и тот факт, что Колчак смог достигнуть крупных успехов во время весеннего наступления, имея в своей армии крестьян. В. И. Ленин отмечает, что Колчак не ре-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 252.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 193, т. 38, стр. 14.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 401.

[4] *Там же,* стр. 320.

[5] *Там же,* стр. 397.

[6] *Там же,* стр. 320.

[7] *В. И. Ленин.* Полн. соб. соч., т. 40, стр. 183.

[8] *Там же,* стр. 16—17.

шился мобилизовать фронтовиков, настроенных революционно [1], и сделал ставку на крестьянскую молодежь, которую «держит... палочной дисциплиной и обманами» [2], что сибирские крестьяне (молодежь) были его «последней ставкой, последним курсом» [3].

В. И. Ленин высказывается в плане перехода сибирского середняка на сторону Советской власти, начиная лишь с июля 1919 г.[4]. Он говорит и неоднократно о годичном опыте, убедившем сибирских крестьян в необходимости диктатуры пролетариата.

Разумеется, нельзя буквально понимать слова Ленина о том, что понадобился ровно год для перехода сибирских середняков на сторону Советской власти. Но и не учитывать этих высказываний нельзя. Все говорит о том, что середняк Сибири встал на позиции диктатуры пролетариата примерно по истечении года с момента контрреволюционного мятежа чехословацкого корпуса и белогвардейско-кулацких элементов.

По нашему мнению, из ленинских работ, как и из изученных нами документов и материалов, вытекают выводы:

1. Колебания среднего крестьянства вообще, и в Сибири, в частности, процесс его перехода на сторону Советской власти были не прямолинейно-поступательными, а с «приливами» и «отливами» — «зигзагообразными».

2. Весной 1919 г. значительная часть среднего крестьянства Сибири продолжала колебаться; в этот период возник «зигзаг»: в связи с военными успехами Колчака процесс большевизации трудящихся крестьян замедлился, колебания усилились, но затем, после отпора колчаковским войскам со стороны Красной Армии и в связи с ее первыми крупными победами, поворот середняка ускорился, вскоре середняк в массе, в подавляющем большинстве своем встал на сторону Советской власти.

3. Сибирский середняк был охвачен более глубокими и длительными колебаниями, чем среднее крестьянство центральных и поволжских районов страны.

4. Решающее большинство трудящихся крестьян, середняков Сибири на сторону Советской власти было завоевано к началу лета 1919 г.; к этому моменту вслед за центральными районами страны в Сибири завершилось формирование военно-политического союза рабочего класса и крестьянства.

5. Определенная часть сибирского трудового крестьянства (в основном его наиболее зажиточные группы) в большей или меньшей степени на разных этапах развития проявляли неустойчивость и колебания и в дальнейшем; окончательно сочувствие и поддержку всех слоев и групп трудящегося крестьянства Сибири Коммунистическая партия получила позднее.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 278, 283, 312.
[2] *Там же,* стр. 312.
[3] *Там же,* стр. 283.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 42, 87.

О ХАРАКТЕРЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ И РОЛИ СИБИРСКОГО ПОДПОЛЬНОГО БОЛЬШЕВИСТСКОГО ЦЕНТРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ РУКОВОДСТВА ИМИ

В исторической литературе имеет хождение точка зрения о том, что в тылу сибирской контрреволюции вооруженные крестьянские восстания до весны 1919 г. являлись стихийными. Отдельные авторы утверждают, что они не были направлены в русло борьбы за Советскую власть, проходили под эсеровскими лозунгами или, что политическую платформу повстанцев из-за отсутствия составленных ими документов установить невозможно. В действительности дело обстояло далеко не так. Сохранились некоторые воззвания руководства («Крестьянско-рабочего штаба») крупнейшего Славгородского (Чернодольского) восстания крестьян. Эти воззвания не оставляют сомнений в том, что восставшие крестьяне, рабочие, политзаключенные выступали в сентябре 1918 г. за восстановление Советской власти, за воссоединение с советской частью России. В одном из воззваний говорится: «Товарищи крестьяне и рабочие! Несмотря на все давления со стороны Временного Сибирского правительства, мы видим, что российский крестьянин и рабочий решил твердо, до последней капли отстаивать завоеванную нами свободу... Призываем всех объединиться в одно целое, чтобы защищать и спасти нашу жизнь и великую свободную Россию. Шлите вооруженных и безоружных людей с вашим выборным для устройства крестьянско-рабочей власти» [1].

Кроме как за возрождение утраченной Советской власти славгородцы драться не могли, ибо восстание готовили и проводили коммунисты-подпольщики и политзаключенные. Один из руководителей восстания коммунист С. Г. Светлов, критикуя вымысел историка Парфенова, писавшего о Славгородском восстании, будто бы происходившем не под советскими лозунгами, отмечал: «Чернодольцы, руководимые подпольным большевистским комитетом, все время держали связь с большевиками, заключенными в Славгородскую тюрьму, и освободили их в первую очередь, чтобы иметь твердое большевистское руководство и потому восстание носило организованный характер, и шли под лозунгами «Долой произвол белых банд», «Да здравствует власть Советов, власть рабочих и крестьян» [2].

Нами найден протокол состоявшегося в с. Вознесенском Павлодарского уезда 8 сентября (26 августа по ст. стилю) 1918 г. районного крестьянского съезда, на котором были представлены 12 восставших волостей. Павлодарцы, солидаризируясь со славгородскими повстанцами, делегация которых присутствовала на съезде, ставили целью свержение белогвардейской власти. Содержание, весь дух принятых на съезде решений свиде-

[1] Партизанское движение в Западной Сибири, стр. 158—161.

[2] *Там же*, стр. 158.

тельствовал о советской направленности восстания [1]. Ни в одном из документов славгородцев и павлодарцев нет каких-либо тезисов или лозунгов эсеровского толка.

Сохранились и такие документы, в которых характеризуются крестьянские восстания летом и осенью 1918 г. Так, в резолюции I Общесибирской (II Сибирской) большевистской подпольной конференции, состоявшейся в ноябре 1918 г., отмечалось: «Рабочие и бедняки Сибири ясно видят теперь возможность только или пролетарской диктатуры — Советской власти, или диктатуры буржуазии»; далее: «белогвардейский террор окончательно рассеял иллюзии «относительно демократии» приспешников буржуазии среди сибирского крестьянства и резко толкают мелкую буржуазию Сибири к пролетариату, в сторону Советской власти.

Волна крестьянских восстаний, прокатившаяся по всей Сибири, восстаний, даже стихийно возникающих, наблюдается резкий поворот в настроении середняка и беднейшего сибирского крестьянства» [2].

Эти документы дают основание говорить о том, что коммунисты Сибири считали, что восстания крестьян идут не под эсеровскими, а под советскими лозунгами. Это одно. И другое. По-видимому, общесибирская конференция считала, что среди проходивших крупнейших восстаний были и стихийные, и организованные.

Несомненно, документы и материалы показывают советский характер выступлений, организованную струю в крестьянских восстаниях Сибири, руководство крупнейшими из них со стороны местных коммунистов, подпольных организаций и групп, сочувствующих большевистской партии активистов. Вне советской платформы стояла лишь какая-то незначительная часть крестьян, как правило, те, которые не изжили еще колебаний и оказались в числе восставших случайно, главным образом в связи с проведением повстанческими штабами в ряде районов всеобщих мобилизаций в свои отряды. Следует иметь в виду, что летом и осенью 1918 г. в Сибири в центральные и местные органы власти входили преимущественно эсеры и меньшевики. Они упивались временными успехами в борьбе против Советской власти и не выступали против существовавшего тогда белогвардейского режима, не поднимали, не могли поднимать крестьян на вооруженные восстания. Те немногие члены мелкобуржуазных партий, которые оказались в числе восставших, принадлежали к их левому крылу, отчасти уже порвали с ними, встали или постепенно становились на советскую платформу. В связи с этим и тем, что некоторая часть восставших — беспартийных крестьян — не смогла еще отрешиться от отдельных псевдореволюционных мел-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 112, л. 24.

[2] Партизанское движение в Западной Сибири, стр. 62—63.

кобуржуазных лозунгов (о «народоправстве» и т. п.), в среде повстанцев и даже в их изданиях имели место путанные высказывания. Однако не это было характерным для повстанческого крестьянского движения в Сибири. В целом оно с самого начала имело советскую, большевистскую направленность.

Нельзя не видеть, что в первые месяцы на восстания поднимались преимущественно батраки и беднейшие крестьяне. Употребляющиеся, как правило, определения — «восстания трудового крестьянства» и т. п. страдают нечеткостью, требуют уточнения и конкретизации. При освещении крестьянских восстаний и выяснении состава их участников необходим дифференцированный подход, выяснение роли беднейшего крестьянства, которое и в Сибири в основной массе оставалось на советских позициях и все активнее поднималось на защиту Советской власти. Летне-осенние восстания крестьян Сибири, являвшиеся по социальному составу в основном батрацко-бедняцкими, были не чем иным, как продолжением все усиливающейся под воздействием общей контрреволюционной обстановки в крае борьбы, которая велась рабочими и низами деревни в защиту Советской власти в дни белогвардейских мятежей. Ленинское положение: «Пролетариат, при помощи деревенской бедноты, только он выдерживал борьбу против всех врагов»[1] имело отношение и к Сибири. В дальнейшем, особенно начиная с конца осени 1918 г., в революционную вооруженную борьбу стали включаться все более широкие слои среднего крестьянства Сибири. По своему социальному составу восстания становятся более широкими, массовыми, восстаниями «трудящихся крестьян» в целом[2].

Все это вместе взятое позволяет более правильно выяснить вопрос о складывании гегемонии сибирского пролетариата по отношению к крестьянским массам, устранить встречающиеся в исторической литературе нечеткие и ошибочные утверждения в этом отношении.

Рабочий класс Сибири выступал в роли гегемона крестьян-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 214.

[2] *Д. К. Шелестовым* в статье «О начале поворота сибирского трудового крестьянства в сторону Советской власти» (см. «История СССР», 1962, № 1, стр. 133) было высказано положение, что «Основной движущей силой» летне-осенних (1918 г.) восстаний в сибирской деревне «явилось трудовое крестьянство» и что в них не принимала участия лишь «зажиточная верхушка деревни — кулачество, торговцы, спекулянты». В кн.: «Героическое подполье» (стр. 80) мы выразили несогласие с этим выводом потому и в том смысле, что в тот период «основной движущей силой» являлось не «трудовое крестьянство» вообще, а его беднейшая часть и батрачество. Д. К. Шелестов в статье «Новейшая историография гражданской войны в СССР» (см. «Вопросы истории», 1968, № 11, стр. 159) пишет, будто мы считаем, что уже осенью 1918 г. кулачество в Сибири поднялось на антиколчаковскую борьбу. Из текста нашей книги этого совсем не следует. Наоборот, в книге отмечается, что часть продолжавших колебаться середняков и, тем более, кулаки, случайно вовлеченные местами в восстания в результате «всеобщих мобилизаций», которые тогда практиковались, лишь ослабляли движение, при первой возможности покидали повстанческие армии.

ских масс с дореволюционного периода, на протяжении Октябрьской революции и гражданской войны, но с той лишь разницей, что на отдельных этапах борьбы за ним шла только часть трудящегося крестьянства, порой даже не вся беднота, а на других,— к лету 1919 г.,— практически все крестьянство.

Вопрос о гегемонии пролетариата следует рассматривать в развитии, фиксируя, естественно, необычайно важный факт, исторический момент в Сибири, когда трудовое крестьянство в массе, практически все встало на сторону пролетариата, когда сложился военно-политический союз пролетариата и крестьянства.

В исторической литературе не выяснена еще в полной мере роль Сибирского областного (Центрального) подпольного комитета РКП(б), нередко ему приписываются ошибки, которые он в действительности не совершал. Распространено мнение, что до весны 1919 г. или, во всяком случае, до конца зимы деревня оставалась вне поля зрения областного комитета, что до этого момента он придерживался курса на подготовку и проведение только городских рабочих восстаний, с привлечением солдат. Бытует мнение, что якобы от этого курса обком партии стал с конца зимы 1918—1919 гг. отходить и с этого времени вырабатывает и начинает осуществлять новую тактику — вовлечение в революционную борьбу крестьян. Областному комитету даже противопоставляются местные комитеты, которые будто несколько раньше начали применять «новую и единственно правильную тактику» вовлечения в революционную борьбу не только рабочих и солдат, но и крестьян.

В основе ложного обвинения партийного центра в ошибках, в игнорировании деревни лежит недостаточный учет разных условий и возможностей для работы коммунистов, которые имелись до весны и с весны 1919 г., переоценка степени глубины и размаха поворота среднего крестьянства Сибири на сторону Советской власти осенью и зимой 1918 г. Недостатки, выявившиеся в восстаниях в городе и деревне в тот период, объяснялись только или почти только ошибками в тактике и практических действиях партийного центра.

Документы и материалы не подтверждают мнения об игнорировании Сибирским областным комитетом крестьянского движения. Не подтверждается и то, что обращение внимания на работу в деревне с начала или с весны 1919 г. было новой тактикой.

Хорошо известно, что документы, которые принимались на подпольных партийных конференциях, готовились ведущими членами общесибирского партийного центра. К. М. Молотов, составлявший резолюцию (тезисы) о текущем моменте к I Сибирской конференции, указывал, что в них были сформулированы следующие задачи: «Вооруженное восстание рабочих и солдатских масс в городах и крестьян в деревне», борьба

«за восстановление в Сибири Советской власти»[1]. II Сибирская конференция в резолюции по текущему моменту записала: «РКП берет на себя руководство всеми восстаниями, восстаниями рабочего класса и крестьянства, даже стихийно возникшими в Сибири, чтобы придать стихийным восстаниям организованный, планомерный характер. Ни одно восстание не должно идти помимо руководства и вмешательства партии»[2].

В том варианте резолюции, который опубликован и который мы цитируем, поставлена задача областному комитету и организациям на местах «подготовить в Сибири планомерное всеобщее восстание рабочего класса в целях нанести единый удар буржуазной диктатуре»[3]. Многие исследователи заключают из этого, что конференция ориентировала лишь на городские, рабочие восстания. В действительности в документ (один из экземпляров резолюции) вкралась ошибка. В резолюции, доставленной в Сибирское бюро ЦК, указанная часть документа сформулирована так: «подготавливать в Сибири планомерное всеобщее восстание рабочего класса, беднейшего крестьянства и солдатских масс в целях нанести удар буржуазной диктатуре»[4]. Этой установке соответствует и последний пункт резолюции: «Общесибирская конференция РКП предлагает всем комитетам на местах и ЦК организовать при партийных комитетах и ЦК:

а) военные организации, военные штабы, для подготовки восстания рабочих и солдатских масс;

б) крестьянские секции по организации восстания в деревнях»[5].

Следовательно, конференция не только давала установку на восстание и рабочих, и крестьян, и солдат, выдвигала правильную тактику, но и закрепляла это организационным пунктом, ориентирующим на практические действия по осуществлению тактической линии. В резолюции выдвигалась задача подготовки к восстанию крестьянской бедноты, ибо она была готова подняться на вооруженную борьбу, тогда как середняк в основной массе продолжал колебаться. Сибирскому партийному активу, вероятно, не была еще известна установка В. И. Ленина на прочный союз пролетариата с середняком.

Что касается резолюций III Сибирской конференции, то в них нашла развитие та же тактика, но, разумеется, с учетом дальнейших сдвигов в крестьянской среде: ставится задача вовлечения в восстание и партизанское движение всех трудящихся крестьян; руководству крестьянским движением вообще уделяется больше внимания.

Тактическая линия подполья практически была единой, пра-

---

[1] Партизанское движение в Западной Сибири, стр. 48—49.
[2] Там же, стр. 64.
[3] Партизанское движение в Западной Сибири, стр. 64.
[4] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 37.
[5] Партизанское движение в Западной Сибири, стр. 66.

вильной. Этими тактическими установками руководствовался областной и местные подпольные комитеты партии. Тот факт, что чего-то не удалось добиться действовавшему в сложнейших условиях областному комитету, вовсе не значит, что он игнорировал, «выпустил из своих рук деревню» и т. д. Областной комитет и в декабре 1918 г., и в январе — феврале 1919 г., когда под его руководством были организованы восстания в Омске, добивался единовременного выступления в других городах и районах. Обкомом была разработана специальная система связи на случай единовременного выступления. Посылались запросы о готовности к восстаниям в губернских городах и на периферии, в том числе в деревнях[1]. Эта задача решалась через местные (губернские, общегородские и другие) подпольные комитеты, организации и группы, в том числе и сельские. Областной комитет в декабре даже откладывал срок выступления в связи с тем, что местные комитеты, в частности, Томский, не успели подготовить массы к восстанию[2]. Местные комитеты готовили к восстанию не только рабочих и солдат, но и крестьян. Степень и размер этой подготовки зависели от того, насколько основательно была поставлена нелегальная партийная работа в деревне.

Нет оснований противопоставлять решения некоторых местных, в частности, барнаульской партийной конференции тактической линии областного комитета. Конференция в Барнауле состоялась во второй половине февраля 1919 г. Она действительно уделила большое внимание подготовке к восстанию как рабочих, так солдат и крестьян. Об этом нам известно из воспоминаний ее участников. Но нам от них же известно и то, что накануне конференции в Барнауле находился член областного комитета М. М. Рабинович, который, как отмечают бывшие председатель и член местного комитета и активные участники конференции И. В. Сурнов и Е. М. Кужелева, провел заседание партийного актива, на котором, в частности, выдвигал задачу тщательно проверить свою военную организацию, укрепить связь с рабочими города и партизанами, с крестьянами и со всей энергией готовить массовое революционное восстание к весне[3]. На деле здесь мы видим пример помощи областного комитета одной из крупнейших местных губернских организаций в усилении работы в деревне, а не расхождение в тактике обкома и одной из местных организаций.

В. С. Митряев (Дмитриев) — член областного (Центрального) комитета второго состава, единственный оставшийся после гражданской войны из этого состава обкома в живых — писал,

---

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 632, л. 8. Воспоминания В. С. Митряева; д. 603, л. 4. Воспоминания И. В. Сурнова (оба — бывшие в разное время члены обкома партии).

[2] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 632, л. 8.

[3] *Е. М. Кужелева.* Товарищ Михаил. В кн.: Сердца, отданные людям. Кемерово, 1966, стр. 165; Воспоминания И. В. Сурнова (ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 603, л. 4).

что томская организация в соответствии с установками областного комитета и Центрального штаба при нем готовилась к восстанию и в городе, и в рабочих поселках, и в селах губернии. Как только была получена телеграмма из Омска о конкретном сроке выступления, Томский комитет послал телеграммы в районы и направил для руководства на местах своих представителей. Они подняли крестьян ряда деревень, в частности, Святославки, но, получив сигнал о провале выступления в Омске, вынуждены были свернуть работу по организации восстания, перевести восставших на партизанское положение [1]. В руководстве всей этой работой принимал участие и член областного комитета В. С. Митряев. Среди направленных представителей Томского комитета был и его член К. П. Ильмер. Он побывал в селах Нарымского края, встречался с подпольщиками в Майково, Молчаново и других селах, известил их о восстании и необходимости его поддержки в назначенный срок. Некоторым коммунистам он передал распоряжение выехать в Томск для участия в выступлении в самом городе [2].

Томский комитет готовил к одновременному восстанию рабочих и крестьян и через подпольные комитеты Анжерки, Судженки, Тайги, Кольчугино, Мариинска и других крупных населенных пунктов. В Томске было проведено совещание представителей местных организаций, сообщено им о готовящемся общесибирском восстании и поставлены конкретные задачи о работе на местах. Члены Судженского подпольного комитета И. Лобов и А. Губов (нелегальные фамилии), вернувшись домой, направили командиру партизанского отряда Лубкову директивное письмо: «Мы были в Томске, принята резолюция в таком виде: Если центр, Омск, не отложит выступление на месяц, то немедленно сделать массовое выступление в деревнях. Судженка, Анжерка, Тайга должны взорвать Сибирский путь и выставить заслон на Мариинск, Томск, Новониколаевск. Томск сделает массовый террор, Омск выступит открыто. Боготол, Ачинск, Минусинск выступят открыто. Приезжай немедленно. Судженка. Скажи всем своим деревням быть готовыми к выступлению. Чтобы не выступали до Вашего приезда. Ждем. Немедленно приезжай» [3].

Имеются многочисленные и разнообразные документы и материалы, свидетельствующие о подготовке к всеобщему восстанию в Енисейской губернии — в Красноярске, Ачинске, Минусинске, Канске и других городах и селах, о большой работе коммунистов в деревне. В ночь с 26 на 27 декабря 1918 г. произошло восстание в Канске и Иланской (Канско-Иланское), которое являлось звеном в готовившемся и начавшемся было в Омске

---

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 632, л. 8.

[2] Партийный архив Томского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАТО), ф. 4204, оп. 2, д. 47, лл. 15—17.

[3] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 12, л. 23.

в ночь на 22 декабря всеобщем восстании. Произошли восстания и в селах, которыми руководили подпольщики-коммунисты, в ряде случаев представители городских большевистских комитетов, в том числе Красноярского. Длительное время в селах Ачинского уезда работал представитель Красноярского комитета коммунист Е. Т. Марутко. Перед восстанием в Омске он был вызван в Красноярск, принял участие в совещании. Марутко и представителю ачинской подпольной организации была дана установка на продолжение и усиление работы по подготовке крестьянских масс к восстанию[1]. В 20-х числах декабря 1918 г. восстание в селах Ачинского уезда началось[2]. 11 декабря началось восстание в Степно-Баджейской, спустя две недели — в Перовской, Рыбинской и других волостях Красноярского и Канского уездов. Следует заметить, что рыбинская и перовская подпольные организации ориентировались на совместное выступление с Красноярском, Канском, Иланской. Они имели конкретные указания о том, как действовать, и выступили по получении распоряжения с нарочным из Канска[3]. Спустя несколько дней, в ночь на 30 декабря, произошло крестьянское восстание в северных районах Канского уезда — в Тасеевской, Шеломковской, Михайловской и других волостях. Коммунисты, работавшие там, были связаны с подпольными организациями Канска и Иланской и подняли восстание по получении известия о Канско-Иланском восстании[4].

Эти примеры говорят о том, что под руководством областного и местных комитетов проводилась большая работа в целом ряде крупнейших районов по организации единовременного выступления рабочих, солдат и трудящихся крестьян. Немалая работа проводилась в селах Омского, Тарского и других уездов омской организацией под непосредственным руководством Омского комитета, в который входили и члены областного (Центрального) комитета. К марту 1919 г. Омский комитет, имевший крестьянский отдел, был связан с 50 деревнями. Только в Тарском уезде насчитывалось 150 человек с оружием[5]. Исключительно плодотворно с лета 1918 г. в селах среди переселенцев работали латышские организации и группы. Очевидно, восстание 22 декабря было бы поддержано частью крестьян Омского и других уездов Акмолинской области и Тобольской губернии (не говоря уже о Томской, Енисейской губерниях, Забайкальской области и других), не будь отменено.

Следовательно, нет оснований для упреков в адрес областно-

---

[1] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (в дальнейшем — ЦПА ИМЛ), ф. 70, оп. 3, д. 11, л. 3; ПАКК, ф. 64, оп. 4, д. 404, л. 37.

[2] Годы огневые. Сборник воспоминаний. Красноярск, 1962, стр. 231.

[3] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1421, лл. 18—19.

[4] Документвы героической борьбы, стр. 125—126; Годы огневые, стр. 294, 307.

[5] Колчаковщина. Сборник Истпарта при Уралобкоме РКП(б). Екатеринбург, 1924, стр. 168—169.

го комитета, а также двух первых сибирских партийных конференций и местных комитетов в том, что они игнорировали деревню и осуществляли до февраля — марта 1919 г. ошибочную тактику [1].

О ВОЗНИКНОВЕНИИ И ЗАДАЧАХ ОТДЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО БЮРО ЦК РКП(б) И ОРГАНИЗАЦИОННОГО БЮРО РКП(б) СИБИРИ

В публикациях, освещающих историю Сибирского бюро ЦК РКП(б), не получила специального освещения деятельность его отделения. В тех случаях, когда о нем идет речь, допускаются неточности и ошибки, основной из которых является сильная недооценка размаха деятельности и роли отделения бюро ЦК.

Остановимся на ряде моментов из истории отделения, привлекая новые документальные источники.

Известно, что Сибирское бюро Центральным Комитетом партии в конце марта 1919 г. было временно ликвидировано и до начала июня того же года как коллективный орган не функционировало.

Отделение бюро ЦК после ликвидации самого бюро стало готовить и посылать партийных работников и ходоков (связных и разведчиков) в те районы Урала, которые прежде находились в ведении бюро, а также в Сибирь и даже на Дальний Восток, которые ранее целиком были в ведении бюро (отделение прежде ограничивалось работой на Северном и Среднем Урале). Оно поставило целью налаживать работу большевистского подполья не только на Среднем и Северном, но и на Южном Урале и в значительной части Сибири, продолжало дело, начатое Сибирским бюро, в меру своих возможностей. Об этом свидетельствуют документы. В районы, выходящие за пределы Северного и Среднего Урала, отделение бюро направило Ф. Ф. Вожакова, Г. А. Кантуганова, Х. К. Богданова (в Челябинск) [2], И. С. Белостоцкого, Д. Т. Богатова, П. А. Фофанова, Н. А. Фофанова, И. П. Маликова (в Златоуст и его район) [3], С. Н. Горбушина (в Читу) [4], М. Б. Габова (во Владивосток) [5], С. А. Килина, А. Е. Емшанова (на Урал и в Сибирь в качестве разведчиков и связных) [6] и др.

---

[1] Часть вопросов, связанных с деятельностью Сибирского ОК, особенно его тактической линией, рассматривалась В. А. Кадейкиным (см. кн.: «Сибирь непокоренная»; ст.: «К вопросу об оценке тактической линии подпольных большевистских организаций Сибири в период гражданской войны»). Нам представляется, что точка зрения данного исследования по указанным вопросам является в целом правильной.

[2] Партийный архив Свердловского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАСО), ф. 41, оп. 1, д. 885, лл. 348—352; д. 504, лл. 90—92.

[3] Там же, д. 504, лл. 96—97, 103—114.

[4] Там же, л. 87.

[5] Там же, л. 60.

[6] Там же, д. 505, л. 178; д. 506, лл. 1—6, 39, 44—50.

Особенно важно указать на то, что отделение принимало меры для усиления и обеспечения руководства подпольной работой не только на Урале, но и в Сибири. С этой целью оно подготовило и в июне 1919 г. направило в Омск своего члена С. Ф. Баранова. В его анкете было указано, что он направляется в Сибирь для руководящей работы[1]. В другом документе говорится, что его задачей было: «Связаться с Омском и составить 2 маленьких центра для Сибири и Урала, связанных между собой; связать все организации, группы, отряды, взять руководство всей революционной борьбой в руки партии и т. д.»[2]. Вместе с Барановым в Сибирь были направлены В. Г. Романчук, И. П. Колесов, И. С. Дулесов[3]. Для руководящей работы отделение направило также В. И. Хотимского, а вместе с ним одну работницу под именем Н. А. Белопольской[4]. В докладе отделения бюро Центральному Комитету партии о работе, проделанной только к концу мая 1919 г., указывается, что «в Сибирь отправлено 5 человек»[5].

Следовательно, факты, документы говорят о том, что весной и летом 1919 г. отделение бюро ЦК подготовило и направило за пределы Северного и Среднего Урала, в том числе и в Сибирь, по меньшей мере, полтора десятка коммунистов и среди них своего члена для руководства большевистским подпольем в масштабах всей Сибири и Урала.

Необходимо указать и на следующее: сразу же (с начала апреля 1919 г.) после ликвидации бюро члены отделения стали называть свои органы не отделением, а «Урало-Сибирским бюро ЦК РКП(б)». Была изготовлена соответствующая печать. Как бюро ЦК, а не как отделение, оно именуется с этого времени и работниками ЦК партии[6], причем в том варианте («Урало-Сибирское бюро ЦК РКП(б)»), который нередко употреблялся членами бюро. Новое название отделения и его деятельность, выходившая за рамки очерченного прежде района, свидетельствовали о резком расширении круга задач. Это, безусловно, говорит о том, что функции отделения расширились, оно по мере возможностей стремилось выполнить задачи и свои, и ликвидированного бюро ЦК.

Есть основания полагать, что фактическое замещение ликвидированного бюро отделением, его шаги в этом направлении произошли не стихийно, а были в той или иной мере согласованы с ЦК партии и членами бюро ЦК.

В дни, когда решался вопрос о ликвидации Сибирского бюро,

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 50.

[2] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 4.

[3] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 15; оп. 4, д. 1028, лл. 4—5; оп. 6, д. 120, л. 76.

[4] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, лл. 113, 120.

[5] Там же, ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 251. Отделение готовило также для подпольной работы в Омске специальную разведгруппу во главе с резидентом.

[6] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 117; д. 883, л. 47; д. 885, л. 30.

его член Ф. И. Голощекин, который был делегирован на VIII съезд РКП(б), и члены отделения Н. И. Уфимцев и С. Ф. Баранов находились в Москве, в ЦК партии [1]. Трудно предположить, что вопрос о ликвидации бюро и о дальнейшей работе отделения решался помимо них, без беседы с ними, без встречи между членом бюро и членами отделения. Трудно представить, что, ликвидируя бюро и сохраняя отделение, член бюро и сотрудники ЦК не потребовали в той или иной форме от отделения, его руководителей, чтобы они позаботились о налаживании подпольной работы в тех районах, которые были прежде в ведении бюро.

О том, что дело скорей всего обстояло не так, может свидетельствовать такой факт. 27 марта 1919 г., т. е. через несколько дней после ликвидации бюро, Центральный Комитет направил в Вятку коммуниста В. И. Хотимского, которого предполагалось послать на руководящую работу в Сибирь. Ему был выдан документ следующего содержания: «ЦК РКП командирует тов. Хотимского [2] в Вятку в распоряжение Сибирско-Уральского бюро ЦК согласно предложения т. Голощекина» [3]. Этот факт говорит о том, что сразу же после ликвидации бюро Центральный Комитет по согласованию («по предложению») члена бюро направляет в Вятку видного работника, который должен был отправиться не на Северный или Средний Урал, что на отделение возлагалась забота о сибирском подполье, о переправе туда коммунистов. Обращает на себя внимание и то, как в документе именуется отделение — «Сибирско-Уральское бюро ЦК».

Еще один документ. С. Ф. Баранову — члену отделения бюро ЦК, находившемуся в те дни в ЦК партии, 26 марта был выдан мандат (удостоверение) такого содержания:

«Удостоверение.

Предъявитель сего тов. Баранов Сергей Фомич является представителем Урало-Сибирского бюро при ЦК РКП(б-ов)». Как видно, ЦК партии считал С. Ф. Баранова «представителем бюро ЦК». Очевидно, это свидетельствует все о том же: 1) ЦК обращался к отделению, как к бюро, рассматривая его члена, как представителя бюро в целом; 2) ЦК, его работники и, очевидно, Ф. И. Голощекин возложили на отделение часть задач только что ликвидированного бюро.

Третий документ. Примерно в конце мая 1919 г. председатель отделения бюро Н. И. Уфимцев приехал в Москву. Он передал в ЦК партии доклад о работе отделения, в котором говорилось и о направлении работников в Сибирь [4]. Одновременно он по-

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 117; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, лл. 4, 5; Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959, стр. 460.

[2] В документе допущена описка — «Хотинского».

[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 117; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, лл. 4, 5.

[4] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 7; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 35, лл. 71—72; ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 251.

сылает письмо Ф. И. Голощекину, который в то время был членом Реввоенсовета Туркестанской армии. В письме содержится подробная информация о проделанной работе, о планах на будущее. Кстати, там отмечается также, что работа отделения по созданию в тылу врага, в том числе в Сибири, подпольных разведывательных центров совпала с планами ЦК[1]. После этого работа по отправке коммунистов на Южный Урал и в Сибирь продолжалась и усиливалась. Разве это не свидетельствует о том, что данная работа отделением выполнялась так или иначе с согласия ЦК и одного из членов бюро ЦК, что отделение работало под руководством ЦК? К этому следует добавить, что члены отделения вообще не прекращали связей с членами бюро и не раз направляли в 5-ю армию, к И. Н. Смирнову, и в Туркестанскую армию, к Ф. И. Голощекину, своих представителей — коммунистов для переправы за линию фронта на участках этих армий.

Четвертый документ (скорее группа документов), который рассматривался выше, связан с подготовкой для руководства большевистским подпольем в Сибири и на Урале члена отделения С. Ф. Баранова. С. Ф. Баранов приехал в Москву вместе с Уфимцевым. Как и Уфимцев, в конце мая и в июне 1919 г. он находился в ЦК партии. Идея его посылки с сотрудниками в Сибирь была согласована с ЦК и, несомненно, санкционирована им. Не исключено, что эта идея вообще принадлежала ЦК и что он специально вызвал в Москву С. Ф. Баранова вместе с Н. И. Уфимцевым. Подготовка С. Ф. Баранова и группы сотрудников к подпольной работе была завершена, и переправа через линию фронта была осуществлена уже членами бюро, которое в первых числах июня 1919 г. было восстановлено. Вряд ли можно сомневаться в том, что и в данном случае отделение действовало не помимо ЦК и членов бюро ЦК, не без согласования с ними своих действий.

Следует подчеркнуть, что вообще ни в одном известном документе ЦК или Сибирского бюро ЦК нет данных или хотя бы какого-то намека на то, что они были не удовлетворены деятельностью отделения бюро весной и летом 1919 г., что оно действовало вопреки их указаниям и т. д. Все говорит о том, что с конца марта 1919 г., когда в ЦК находились Н. И. Уфимцев и С. Ф. Баранов, которые встречались с Ф. И. Голощекиным, работниками ЦК, в мае и июне, когда они вновь приехали в ЦК и отчитывались о работе, решали вопросы о своей дальнейшей деятельности, в промежутке между этими моментами, когда имела место переписка между ними и членами бюро и в последующий период,— что на протяжении всего этого времени отделение бюро работало под руководством и под непосредственным контролем ЦК, что меры по засылке коммунистов на Южный Урал и в

---

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, лл. 48—49.

Сибирь, по налаживанию революционной работы там осуществлялись отделением бюро не по своему произволу, самостийно.

Довольно сложным является вопрос о том, в соответствии с чьей идеей и под чьим руководством было создано отделение бюро ЦК. Отдельные авторы считают, что оно было организовано по указанию Я. М. Свердлова, но какого-либо документа, непосредственно подтверждающего это положение, не приводят. Такого документа и не встречается.

Приведем документы, которыми мы располагаем и которые позволяют внести в рассматриваемый вопрос определенную ясность. Известно, что в Вятку 1 января Я. М. Свердлов направил К. М. Ракая с поручением организовать связь с неприятельским тылом через сеть явочных квартир по лесничествам Северного Урала. По прибытии в Вятку К. М. Ракай предпринял усилия для создания такой линии связи, а затем включился в отделение бюро ЦК, сформированное в те дни. Однако нет оснований смешивать, тем более отождествлять работу К. М. Ракая по выполнению специального задания Я. М. Свердлова с решением и практическими мерами по созданию отделения бюро ЦК. В письме А. Г. Белобородову от 15 февраля 1919 г. члены бюро ЦК писали: «Какова роль Бакая (или как вы именуете — «Ракай»)? Тов. Бакаю поручено организовать связь с Сибирью через лесничества и лесничих Урала. Он в организации этой связи действует самостоятельно и, установив связь, передает ее Вашему бюро (имеется в виду отделение бюро ЦК.— *И. П.*). На эту работу дано 30 000 руб., и ему Смирновым выданы мандат и письмо к Филиппу (Ф. И. Голощекину.— *И. П.*). В Бюро Б[акай] не входит, имея совершенно определенное задание... тов. Бакай не только от т. Смирнова получил определение своих обязанностей, но и т. Свердлов в присутствии Смирнова (по согласованию с Смирновым) совершенно точно также очертил круг обязанностей Бакая: организовать связь через лесничества, работать в контакте, под руководством Сибирского бюро» [1].

Есть другой документ, в котором прямо говорится о том, что отделение бюро ЦК было создано членом бюро Ф. И. Голощекиным. 7 января 1919 г. он писал сибирским коммунистам: «Для постановки работы я организовал технический аппарат в Пермском направлении». Этот документ прежде ошибочно приписывался Я. М. Свердлову, поэтому было основание утверждать, что отделение бюро («технический аппарат в Пермском направлении») было создано лично Я. М. Свердловым или по его указанию. Между тем в своем письме сибирским коммунистам, написанном в те же дни (в 20-х числах декабря 1918 г.), Я. М. Свердлов говорил лишь о создании Сибирского бюро ЦК и не упоминал об отделении или «техническом аппарате в

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9.

Пермском направлении». В ряде документов говорится, что Ф. И. Голощекин в отделение бюро К. М. Ракая не включил. В письме в ЦК партии, в котором шла речь о работе бюро в январе 1919 г., его члены в первую очередь указали, что «для Пермского направления выделена тройка: тт. Уфимцев, Баранов и Килин, которым поручено организовать постоянную границу на Кунгур, Пермь и заводы Северного Урала»[1]. О том же говорится и в докладе, представленном в ЦК партии К. М. Ракаем[2]. Из этих и других документов можно заключить, что Ф. И. Голощекин, прибывший в Вятку еще до К. М. Ракая и действовавший вместе с руководителями Уралобкома партии (А. Г. Белобородовым и др.), решил создать его отделение — более крупный орган, работающий под руководством бюро. Не исключено, что он не знал о посылке Я. М. Свердловым и И. Н. Смирновым в Вятку К. М. Ракая с заданием наладить связь с тылом врага через лесничества и вести работу под руководством Сибирского бюро. Создается впечатление, что Ф. И. Голощекину принадлежала и сама идея организации отделения бюро ЦК, как такового.

Совершенно очевидно, что Я. М. Свердлов совместно с членом Сибирского бюро ЦК РКП(б) И. Н. Смирновым рассмотрел вопрос о налаживании системы связи с тылом противника через лесничества и занимался этим вопросом практически. Что касается роли Я. М. Свердлова в создании отделения бюро, то можно лишь предполагать, что он дал на этот счет указание Ф. И. Голощекину. Но, как нам представляется, имеется больше оснований для предположения о том, что мысль о создании в Вятке отделения бюро, вытекавшая из идеи Я. М. Свердлова об организации системы связи через линию Восточного фронта на его северном участке, из его идеи всемерного усиления помощи коммунистам-подпольщикам, возникла у самого бюро, у его члена Ф. И. Голощекина и руководителей Уралобкома партии, находившихся в Вятке. Вероятно, идея Свердлова, сформулированная в общей форме и нашедшая свое выражение в определении задания К. М. Ракаю, в дальнейшем была развита, конкретизирована, доведена до вывода о необходимости создания именно отделения бюро ЦК. В своем докладе члены бюро сообщили в ЦК, Я. М. Свердлову о создании «тройки». Следовательно, идея организации отделения была одобрена Я. М. Свердловым, так или иначе согласована с ним[3].

---

[1] Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920). Сборник документов, М., 1962, стр. 335.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 4. Будучи отозванным членами бюро из Вятки в Москву, К. М. Ракай Центральному Комитету партии заявил, что отделение бюро ЦК было организовано под его руководством (см. там же, л. 3). Это заявление не соответствовало действительности, находится в противоречии с приведенными выше документами и запиской Ф. И. Голощекина в ЦК партии, в которой дана оценка действиям Ракая (см. там же, л. 2).

[3] Исходя из приведенных документов, мы в книге «Героическое подполье»

Требует дополнительного изучения вопрос о возникновении, составе и задачах Организационного бюро РКП(б) Сибири, в основных чертах освещенный в печати. Известно, что Оргбюро было создано в середине июля 1918 г. в Тюмени и осталось в городе при оставлении его советскими войсками 20 июля.

Каковы были состав и задачи Оргбюро РКП(б) Сибири? В исторических работах в одном случае утверждается, что в него вошли М. И. Сычев (Франц Суховерхов), С. А. Черепанов, К. М. Молотов, в другом,— помимо данных лиц, И. С. Дмитриев, А. Я. Валек и другие.

По вопросу о составе Оргбюро известны лишь 2 источника на этот счет: воспоминания К. М. Молотова [1] и И. С. Дмитриева [2]. Следует учитывать и данные автобиографии последнего [3]. И. С. Дмитриев и в автобиографии, и в опубликованных воспоминаниях пишет, что в Тюмени была организована «группа» в составе 5 человек: Молотова, Суховерхова, Черепанова, Валека и его самого (Дмитриева). И на этом ставится точка. Следует заметить, что Дмитриев не употребляет выражения «Организационное бюро», а говорит о «группе». Не исключено, что это не одно и то же и, что Оргбюро было сформировано из состава группы видных коммунистов несколько позднее.

Есть данные, которые заставляют подходить к этим словам И. С. Дмитриева осторожно. А. Я. Валек, очевидно, в бюро не входил. После возвращения из Сибири в октябре 1918 г. в докладе «заведующему отделом Военного контроля управления Реввоенсовета республики» он именует себя «уполномоченным Штаба Берзина», командующего Северо-Урало-Сибирским фронтом (затем — 3-й армией) «для организации разведки и постановки боевой работы в тылу противника» [4]. В докладе нет и намека на то, что он был членом Оргбюро РКП(б) Сибири. Вдова А. Я. Валека Р. И. Валек, находившаяся в Сибири и прибывшая в Москву вместе с мужем, отрицает факт вхождения его в бюро. В воспоминаниях П. Г. Кринкина указывается, что он летом 1918 г. работал вместе с Валеком «в Информационно-разведывательной части штаба» и что он «вместе с т. Валек был назначен чрезвычайным уполномоченным от Западно-Сибирского и Уральского областного бюро ЦК [5] по организации и постановке партработы..., а также и организации боевых подрывных и

(стр. 119) писали: «Члены бюро по согласованию с Я. М. Свердловым решили создать отделение бюро на северном участке Восточного фронта». Думается, что такое высказывание отвечает существу и букве имеющихся документов и не является бездоказательным.

[1] *К. М. Молотов.* Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть. Саратов, 1921.

[2] *И. Дмитриев.* Большевики в тылу у Колчака. В. кн.: За власть Советов. Воспоминания. Документы. Новосибирск, 1947.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 597, лл. 1—6.

[4] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 61.

[5] Очевидно, речь идет об Уральском областном комитете РКП(б).

партизанских отрядов в тылу белых в окружности Омска и по всей Сибири» [1]. А. Я. Валек был направлен через линию фронта не из Тюмени, а из Екатеринбурга. Все это говорит о том, что Балек, как и Кринкин с их группой, получили специальное задание.

Относительно того, входил ли И. С. Дмитриев в Оргбюро, сведений не имеется, если не считать его собственных воспоминаний о вхождении в «группу». Единственным источником, и, безусловно, наиболее авторитетным, в котором прямо идет речь о возникновении Оргбюро и его составе, являются воспоминания К. М. Молотова — председателя Сибирского подпольного обкома РКП(б) первого состава. В 1921 г. он писал: «...В конце июля 1918 г. по мысли партийных работников Омска, Томска, Новониколаевска, Тюмени возникает Сибирское организационное бюро РКП(б)». В его состав, по данным автора воспоминаний, вошли: «С. Черепанов, Ф. Суховерхов — Сычев, К. Молотов» [2]. Очевидно, нет оснований оспаривать или игнорировать данные К. М. Молотова. Следует только иметь в виду, что после переезда Оргбюро из Тюмени в Томск оно, вероятно, было пополнено. Документальных данных на этот счет нам встретить не удалось. Не приводят их и другие исследователи.

Каковы же были основные задачи Оргбюро РКП(б) Сибири? В воспоминаниях К. М. Молотова и И. С. Дмитриева и автобиографии последнего задачи Оргбюро определяются широко. В воспоминаниях И. С. Дмитриева говорится, что бюро должно было: «...объехать промышленные центры Сибири, выявить уцелевшие организации и людей и произвести выборы на общесибирскую партийную конференцию» [3]. Из этого высказывания, по всей видимости, вытекает, что главная задача Оргбюро заключалась в создании подпольных организаций, в формировании сибирского подполья. В цитированной нами автобиографии И. С. Дмитриев говорит, что «группа» была создана «для партийной и военной работы в тылу белых». Наконец, обратимся к К. М. Молотову. Он прямо указывал, что в задачу Оргбюро «входит руководство и организация партийной нелегальной работы в Сибири», что оно «первой своей задачей считало создание нелегальных организаций в крупных рабочих центрах Сибири» [4].

Отсюда ясно, что Оргбюро, если говорить о главном его назначении, должно было прежде всего создавать, сплачивать подпольные организации, подготовить и провести областную подпольную партийную конференцию. Даже и при отсутствии приведенных выше авторитетных источников можно было бы предполагать, что Оргбюро поставило такие задачи, в частности,

[1] ПАСО, ф. 19, оп. 24, д. 56, л. 3.
[2] Партизанское движение в Западной Сибири, стр. 46.
[3] За власть Советов, стр. 42.
[4] Партизанское движение в Западной Сибири, стр. 46.

5 Заказ № 247

(и прежде всего) о консолидации партийных сил и создании нелегальных организаций, ибо подобные органы в условиях подполья обычно выполняют такие задачи. Оргбюро РКП(б) Сибири через своих членов и других активных партийных работников проделало в этом направлении большую работу.

О СИБИРСКИХ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ОБЛАСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ И СОВЕЩАНИЯХ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

К вопросам, нуждающимся в дальнейшем исследовании и уточнении, относятся и вопросы о сибирских большевистских конференциях и совещаниях.

Остановимся на времени работы 1 Сибирской (Западно-Сибирской) подпольной конференции РКП(б).

В литературе утвердилась точка зрения, что она состоялась 18—22 (или 19—23) августа 1918 г. Авторы опираются на воспоминания участников конференции К. М. Молотова и И. С. Дмитриева.

Рассмотрим вопрос о времени работы конференции, привлекая имеющиеся в нашем распоряжении источники, прежде всего документы.

С воспоминаниями К. М. Молотова и И. С. Дмитриева, датировавших работу конференции соответственно — 18—22 и 19—23 августа 1918 г., перекликается доклад красноярского коммуниста П. Рухлова, посланного осенью 1919 г. через линию фронта с информацией в Сибирское бюро ЦК РКП(б). П. Рухлов в составленном им докладе писал, что работа конференции продолжалась «с 15 до 20 августа»[1]. Автор доклада, написанного в ноябре или декабре 1919 г., т. е. через год с лишним после конференции, не был ее участником, пользовался данными, полученными от других коммунистов. Обращает на себя внимание, что некоторые приведенные в докладе сведения, фактические данные, являются неточными, смещены во времени и т. д. Так, П. Рухлов 2-ю Сибирскую конференцию относит к декабрю 1918 г., а 3-ю датирует 15 марта 1919 г., тогда как они состоялись соответственно — 23 ноября 1918 г. и 20—21 марта 1919 г. В связи с этим доклад П. Рухлова с точки зрения датировки событий требует к себе осторожного отношения. Обратимся к другим документам, составленным вскоре после событий, осенью и в начале зимы 1918 г.

В докладе ЦК РКП(б) Сибири, направленном в декабре 1918 г. из Омска в ЦК партии, говорится: «В конце августа в Томске была созвана партийная конференция Западной Сиби-

[1] Партийный архив Омского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАОО), ф. 19, оп. 24, д. 74, лл. 14—15; Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.). Сборник документальных материалов. Томск, 1957, стр. 482.

ри»[1]. К. Т. Свердлова (Новгородцева) в письме Е. Д. Стасовой от 8 октября 1918 г. сообщала, что получена информация о состоявшейся 1 сентября нелегальной большевистской конференции в Томске. С этой информацией Свердлова направила к Стасовой «одну девушку из Сибири»[2]. Приехавший из Сибири в Москву в первой половине октября 1918 г. один из организаторов и делегатов конференции А. Я. Валек в докладе, составленном в те же дни, писал о «конференции западно-сибирских коммунистов, состоявшейся в Томске 1-го сентября»[3].

Таким образом, все три документа, относящиеся к октябрю и декабрю 1918 г., свидетельствуют о том, что конференция работала не в середине августа, а несколько позднее.

Приведем четвертый документ, косвенно также доказывающий, что 18—22 августа конференция не могла состояться. М. И. Сычев (Ф. Суховерхов) — активный участник конференции 25 августа 1918 г.— написал и направил из Черемхово письмо в Томск областному комитету профсоюза горнорабочих Западной Сибири, М. М. Рабиновичу. В письме М. И. Сычев указывал, что в Черемхово он находится уже «несколько дней»[4]. Автор письма, будучи делегатом конференции, якобы закончившей свою работу 22 или 23 августа, не мог к 25 августа оказаться в условиях развала на железнодорожном транспорте Сибири в Черемхово, да еще пробыть там к моменту написания письма «несколько дней». И само содержание письма, несомненно, свидетельствует о том, что к тому времени конференция еще не состоялась. Есть основания полагать, что М. И. Сычев был делегирован на конференцию именно в те дни черемховскими коммунистами.

Следовательно, целая группа документов, исходивших от сибирского партийного центра, организаторов и участников конференции, свидетельствует о том, что конференция состоялась позднее, чем принято считать. Нельзя не учитывать и того, что различные материалы, в которых содержатся данные о возвращении делегатов конференции в свои города, информировании местных коммунистов о ее работе и т. п., говорят о том же[5].

Нам представляется, что этим данным не противоречат и воспоминания К. М. Молотова, И. С. Дмитриева и в какой-то степени доклад П. Рухова. Нельзя не обратить внимания на то, что Молотов в воспоминаниях дважды указывает на «чудесные осенние дни», в которые работала конференция. Представляется, что К. М. Молотов датировал работу конференции по старому стилю, которым в тот период еще широко пользовались, наряду с новым. 18 августа (день открытия конференции) в переводе на новый стиль исчисления и является 1-м сентября. Вероятно, конферен-

---

[1] Партизанское движение в Западной Сибири, стр. 60.
[2] «Вопросы истории», 1956, № 10, стр. 98.
[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 64.
[4] «Борцы за власть Советов», вып. 1, Томск, 1959, стр. 217.
[5] ПАНО, ф. 5, оп, 2, д. 1014, лл. 4, 5, 16. Воспоминания И. В. Сурнова.

ция работала 1—5 сентября (18—22 августа по старому стилю) 1918 г.[1].

До недавнего времени считалось установленным, что в тылу интервентов и белогвардейцев на востоке страны состоялось три нелегальных большевистских конференции (в августе, ноябре 1918 г. и в марте 1919 г.) и одно совещание (в ноябре 1919 г.). В связи с этим и тем, что в апреле 1919 г. общесибирский подпольный центр (Сибирский областной комитет РКП(б)) был разгромлен колчаковцами, утверждалось, что в конце весны, летом и осенью таковой отсутствовал и был восстановлен только в конце ноября 1919 г. Такая точка зрения в исторической литературе господствует и в настоящее время. Однако она не может считаться правильной.

Иную точку зрения впервые высказал А. Г. Солодянкин. Он отметил, что в июне и ноябре 1919 г. в Иркутске были проведены IV и V сибирские подпольные большевистские конференции и уже на первой из них был восстановлен подпольный обком партии[2]. Данная точка зрения вызвала возражения со стороны отдельных исследователей, другие не оспаривают, но и не воспринимают ее. Источники свидетельствуют, что действительно в июне 1919 г. в Иркутске состоялось совещание представителей ряда подпольных партийных организаций и на нем был создан Сибирский областной комитет партии, который действовал до момента разгрома врага в основном в Восточной Сибири.

Сведения о наличии и деятельности Сибирского областного комитета РКП(б), воссозданного в июне 1919 г. в Иркутске и руководимого Х. Я. Суудером (А. Сирулем), содержатся в докладе В. М. Аврамова (посланца сибирских подпольных организаций) Сибирскому бюро ЦК партии в ноябре 1919 г.[3]. О деятельности партийного центра, находившегося в Иркутске, Сибирскому бюро ЦК РКП(б) стало известно уже летом 1919 г. Так, находившийся некоторое время в бюро ЦК и переправленный им в тыл врага некто Оглоблин, сдавшийся в плен колчаковцам и сообщивший им о деятельности бюро, говорил, что «в Иркутске есть организация, объединяющая несколько организаций»[4]. О наличии в Иркутске «Центральной большевистской организации» летом 1919 г. писали и пытались (безуспешно) ее раскрыть и колчаковцы[5]. О том, что в июне 1919 г. собравшиеся в Иркут-

---

[1] В двух из приведенных нами документах называется 1 сентября, что скорей всего означает день открытия конференции. В докладе сибирского подпольного центра, составленном позднее, точной даты нет. Сообщение о том, что конференция была созвана «в конце августа» не исключает предположения, что к работе делегаты приступили 1 сентября.

[2] *А. Г. Солодянкин.* Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной, стр. 57, 66; *он же.* Предисловие к кн.: Годы огневые, годы боевые (стр. 25, 28). В первой из указанных работ, в отличие от второй, говорится не о конференциях, а совещаниях.

[3] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 626; д. 627, лл. 2, 15.

[4] Там же, оп. 4, д. 1079, л. 2.

[5] ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 20-а, лл. 5—6; ф. 296, оп. 1, д. 1-б, л. 279.

ске представители различных сибирских партийных организаций создали Сибирский комитет, указывается в специально составленной в 1927 г. активными иркутскими коммунистами справке, которая носит характер документа[1]. Об этом говорится и в целом ряде ранних воспоминаний бывших подпольщиков. В частности, коммунист Д. Ф. Пешников подробно описал, как он осенью 1919 г. был послан Алтайским (Барнаульским) губернским подпольным комитетом в Иркутск «для связи с Сибкомом и выяснения, как они смотрят на совместную работу с эсерами и меньшевиками» и как ему удалось выполнить это задание[2].

Конкретные и подробные данные о совещании в июне, о создании областного комитета во главе с Х. Я. Суудером содержатся в воспоминаниях участника этого совещания, члена обкома И. В. Сурнова, написанных в 20-х годах[3]. Эти воспоминания с большими сокращениями и определенными редакционными изменениями позднее, через два десятилетия после смерти И. В. Сурнова, были опубликованы[4]. О ноябрьском совещании рассказывается в воспоминаниях его участников И. В. Сурнова, А. А. Ширямова и автобиографии последнего[5]. Представляется, что в воспоминания Ширямова вкрались ошибки, заключавшиеся в том, что он, описывая ноябрьское совещание, утверждал, что, во-первых, на нем были представлены 4 комитета (организации): Иркутский, Томский, Новониколаевский и Владивостокский, во-вторых, будто впервые областной комитет был воссоздан только в этот момент. Многие историки опираются только на воспоминания А. А. Ширямова и повторяют его высказывание. А между тем источники говорят о том, что комитет был создан еще в июне 1919 г. (задолго до приезда А. А. Ширямова в Иркутск) и что ноябрьское совещание носило характер заседания двух оставшихся членов областного комитета — И. В. Сурнова и К. И. Миронова с участием представителя Владивостокской (Приморской) организации А. А. Ширямова и только что бежавшего из Александровской тюрьмы бывшего томского партийного работника М. И. Сумецкого с целью кооптации двух последних в состав комитета, что и было сделано.

После выхода в свет воспоминаний Ширямова Сурнов написал свои воспоминания, указав на упоминавшиеся нами неточно-

---

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 156, л. 20.

[2] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1018, лл. 57—58.

[3] Там же, д. 603, лл. 1—10.

[4] *И. В. Сурнов.* Последний этап борьбы с колчаковщиной. В сб.: Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии (Воспоминания активных участников Великой Октябрьской социалистической революции). Иркутск, 1957.

[5] Ссылки на воспоминания И. В. Сурнова выше даны. Автобиография А. А. Ширямова хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 2165 л. 16. Его воспоминания помещены в кн.: Последние дни колчаковщины. Сборник документов. М.— Л., 1926, стр. 21 (название воспоминаний: «Борьба с колчаковщиной») в журнале «Борьба классов», 1935, № 1—2 (название — «Конец колчаковщины»).

сти, которые были допущены Ширямовым[1]. Следовательно, только при изучении всей совокупности имеющихся источников можно выяснить подлинную картину рассматриваемых событий в деятельности большевистского подполья Сибири. Возникает вопрос о том, являлись ли встречи делегатов в Иркутске конференциями или они были совещаниями. На этот счет в исторической литературе высказываются противоречащие друг другу точки зрения. Выше указывалось, что А. Г. Солодянкин в одной из работ именует их сибирскими конференциями. В предисловии к кн.: «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии» ноябрьское совещание названо IV Общесибирской партийной конференцией[2]. Противоречивый характер носят и источники. В справке, составленной иркутскими коммунистами, июньское совещание названо «IV Сибирской нелегальной конференцией»[3]. И. В. Сурнов июньское совещание именует и конференцией, и совещанием, но ноябрьское — только совещанием. По прочтении опубликованных воспоминаний А. А. Ширямова И. В. Сурнов писал: «В действительности дело обстояло так: 4-я по счету нелегальная конференция имела место в июне 1919 г., где и был сконструирован Сибирский комитет» и, что в ноябре было «проведено совещание»[4]. А. А. Ширямов в опубликованных воспоминаниях именует ноябрьское совещание «совещанием», а в автобиографии — «Сибирской конференцией»[5].

Исходя из содержания и характера источников, из крайне незначительного представительства, оба совещания, на наш взгляд, следует именовать «совещаниями». Говорить о них (особенно о последнем) как о «конференциях» можно лишь совершенно условно (в том смысле, что так они называются в некоторых источниках и отдельных публикациях[6]). Таковы же моменты, которые мы намерены были рассмотреть в связи с сибирскими подпольными большевистскими конференциями и совещаниями в 1918—1919 гг.

О НЕКОТОРЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ВЕСЕННЕГО ПРОВАЛА ПОДПОЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ и С. М. РОГОЗИНСКОМ (КАРПОВИЧЕ)

Авторами исторических работ принято считать, что причиной выявления и ареста колчаковцами в Омске в апреле 1919 г. руко-

---

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 603, лл. 1—2, 10—11.

[2] Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии, стр. 28.

[3] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 156, л. 20.

[4] Там же, д. 603, лл. 1—2.

[5] *А. А. Ширямов.* Борьба с колчаковщиной. В кн.: Последние дни колчаковщины, стр. 21; он же. Конец колчаковщины.— «Борьба классов», 1935, № 1—2, стр. 89; ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 2165, л. 16.

[6] В этом смысле в наших публикациях и было употреблено обозначение «конференции», наряду с наименованием их «совещаниями». См. И. Ф. Плотников. Героическое подполье, стр. 262—265, 336; он же. Большевистское подполье в Сибири в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.), стр. 92—93.

водителей сибирско-уральского большевистского подполья, многих активных партийных работников было проникновение на 3-ю Сибирскую подпольную конференцию в качестве делегата вражеского агента-контрразведчика Карповича (С. М. Рогозинского). При этом авторы ссылаются на отдельные документы.

В каких же документах и материалах и в какой конкретной форме говорится о провокаторской роли Карповича (Рогозинского)?

Член Сибирского подпольного обкома С. И. Дерябина в докладе о работе 3 Сибирской конференции, составленном по ее освобождении в середине июля 1919 г. Красной Армией из екатеринбургской тюрьмы, писала, что «после вскрылось, что челябинский делегат конференции был провокатор, подосланный с подложным мандатом колчаковской контрразведкой, воспользовавшейся провалом печати челябинской организации»[1]. В информационном письме П. Ф. Парнякова в ЦК указывалось, что «Провокатор, проваливший — из Челябинска, расстрелян»[2]. Данные о провокаторстве, а также обстоятельствах возникновения обвинения против Карповича содержатся в воспоминаниях бывшего члена Омского общегородского комитета П. Г. Кринкина. В 1926 и 1931 гг. он отмечал, что по его запросу в тюрьму от К. П. Козак и других была получена записка о предателях Шамшине и Карловиче, на основании которой последний был «изъят», а первого «не удалось поймать»[3].

Из этих документов и материалов следует, что, во-первых, в провокаторстве обвинен был не только Рогозинский, но и Г. И. Шамшин, арестованный колчаковцами в Челябинске и привезенный в Омск; во-вторых, Рогозинского (Карповича) считали агентом контрразведки, попавшим на подпольную конференцию по подложному мандату, оформленному после захвата колчаковцами печати челябинской организации, т. е. после ее провала. Рассмотрим вопрос по существу, привлекая основную часть известных нам документов и материалов.

Из заявления бывшего видного челябинского подпольщика коммуниста, хозяина важнейшей конспиративной квартиры, через которую осуществлялась связь с Сибирским областным и Омским нелегальными комитетами, И. В. Шмакова в Челябинский городской комитет партии (1925 г.), из воспоминаний челябинской коммунистки-подпольщицы Е. Л. Киржнер[4], бывшего члена

---

[1] Паргизанское движение в Западной Сибири, стр. 67. В 1927 г. советскими органами было выяснено, что печать Челябинской организации колчаковцами была захвачена при аресте З. И. Лобкова и А. А. Григорьева на квартире И. В. Шмакова в последних числах марта 1919 г. (ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 123, л. 28).

[2] Омские большевики в борьбе за власть Советов, стр. 166.

[3] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1421, л. 11; ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 56, л. 26.

[4] Партийный архив Челябинского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАЧО), ф. 596, оп. 1, д. 335, л. 148; Письмо Е. Л. Киржнер С. Г. Черемных.

Челябинского общегородского подпольного комитета, в дальнейшем — члена горкома партии А. Н. Зыкова [1], видного омского коммуниста-подпольщика А. Поворотника [2] следует, что челябинский делегат, известный омским работникам как Карпович (Карлович) — это Станислав Матеушевич Рогозинский.

Из этих и других источников, в том числе документов челябинской партийной организации [3], видно, что С. М. Рогозинский был членом Челябинской партийной организации и вел активную партийную работу в Челябинске еще до Октябрьской революции, а затем по захвате этого города врагом, в его тылу. Е. Л. Киржнер свидетельствует: «Я... знала Рогозинского еще до подполья. Он был в ближайшем, так сказать, окружении крупного уральского большевика Самуила Цвиллинга, часто бывал у них в семье на квартире, где я жила тогда. Это была вторая половина 1917 года, первая — 1918 года» [4]. В заявлении И. В. Шмакова говорится, что он «знал Рогозинского очень близко», «в конце июня и в начале июля он уже начинает нащупывать, как бы собрать оставшихся уцелевших товарищей и начать работу. И ему это удается. В августе у них уже был сорганизован комитет партии и военно-революционный штаб. В комитет входили сначала Гершберг, Соня Кривая и Рогозинский» [5]. Об этом же пишет А. Н. Зыков и некоторые другие участники челябинского подполья. После провала челябинской партийной организации в марте 1919 г. колчаковцам стало известно о работе Рогозинского в качестве члена общегородского комитета. В «Списке лиц, установленных предварительным следствием по делу о раскрытии большевистской организации в Челябинске», указывается: «Рогозинский Станислав, казначей организации, был делегатом на Всесибирской конференции большевиков в г. Омске в половине марта с. г. (не задержан)» [6]. Имя Рогозинского, как активного работника, интересующего колчаковцев, фигурировало в материалах судебного процесса над арестованными челябинскими подпольщиками [7].

В приведенных документах и материалах указывается на то, что С. М. Рогозинский был делегирован челябинской организацией на 3 Сибирскую партийную конференцию. А. Поворотник отмечал, что будучи посланным из Омска областным комитетом в Челябинск для приглашения делегата на конференцию, он

---

[1] *А. Н. Зыков.* О Станиславе Рогозинском («Карловиче») — ПАЧО, ф. 596, оп. 2, д. 1, лл. 18—20.

[2] ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 110-а. Стенограмма воспоминаний Сибирского землячества 17 января 1933 г. Выступление А. Поворотника (Поворотникова).

[3] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 106, л. 214; д. 107, л. 269. Списки членов Челябинской организации РСДРП(б).

[4] Письмо (воспоминания) Е. Л. Киржнер С. Г. Черемных.

[5] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 335, л. 148.

[6] ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 24.

[7] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 835, л. 79. Протокол допроса З. И. Лобкова, А. А. Григорьева и С. А. Кривой.

вместе с Рогозинским, получившим мандат делегата, выехал в Омск и поселил его на своей квартире. О посылке на конференцию делегата челябинской организацией, которую возглавил с первой половины марта 1919 г. З. И. Лобков, сообщал в опубликованных воспоминаниях Г. И. Шамшин [1]. Сам З. И. Лобков на допросе во время судебного заседания в Уфе в ответ на вопрос, знает ли он Рогозинского, ответил: «Я знаю Рогозинского, живет у Камеляка» [2]. (В заявлении И. Н. Шмакова также указывается, что Рогозинский жил на квартире Камеляка).

Следовательно, выясняется, что С. М. Рогозинский — один из организаторов и руководителей челябинской организации — был направлен на подпольную конференцию в Омск в середине марта 1919 г. партийным активом во главе с представителем Сибирского бюро ЦК РКП(б) З. И. Лобковым. Никаким агентом колчаковской контрразведки он не был. Ему был вручен подлинный мандат. И в этот момент, и в дни работы 3 Сибирской конференции (20—21 марта) провала челябинской большевистской партийной организации не было.

Провал произошел несколькими днями позже. Он начался в связи с арестом колчаковцами руководителя левоэсеровско-анархистской группы, сотрудничавшей с большевистским подпольем, Н. Г. Образцова и других 20—24 марта. Образцов («Маруся»), как явствует из колчаковских документов, материалов допроса арестованного в 1927 г. советскими органами бывшего следователя челябинской контрразведки В. Гурского-Горского [3], многочисленных воспоминаний челябинских коммунистов, совершил предательство, стал провокатором, сотрудником контрразведки. В научной литературе этот факт считается совершенно установленным. Образцов, входивший в качестве начальника отдела мобилизации и строя в Военно-революционный штаб при Челябинском общегородском комитете РКП(б), знал все руководство организацией, целый ряд конспиративных квартир, места хранения оружия и т. д. С помощью Образцова и сведений, полученных в результате следствия, колчаковцы произвели многочисленные аресты наиболее активных коммунистов Челябинска, получили нити к другим организациям Урала и Сибири, в том числе и омской [4]. Под видом подпольщиков с конца марта из Челябинска в другие города стали посылаться контрразведчики для выявления партийных организаций [5].

---

[1] *Г. Шамшин.* В плену у врагов.— «Сибирские огни», 1939, № 6, стр. 135—137.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 835, л. 79.

[3] ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 123, л. 26.

[4] ЦГАОР, ф. 176, оп. 4, д. 60, лл. 23—24. Донесение начальника Уфимского края генерала Вишневского Колчаку от 18 апреля 1919 г.; Гражданская война на Южном Урале (1918—1919). Сборник документов и материалов. Челябинск, 1962, стр. 254. Список членов подпольной большевистской организации г. Челябинска, арестованных в марте 1919 г.

[5] В Екатеринбург был послан офицер челябинской контрразведки Ива-

О Челябинской, а также омской организациях колчаковская охранка и контрразведка получали сведения и от провокатора А. Барболина (подполья кличка «Ветров»), значившегося у колчаковцев под кличкой «Никольский». Приехав из Челябинска в Омск, Барболин (Никольский) 1 марта 1919 г. стал сотрудником Акмолинского областного управления государственной охраны Министерства внутренних дел, а несколько позднее — и центральной контрразведки. Барболин проник в омскую организацию, установил связь с целым рядом видных партийных работников, выявил отдельные конспиративные квартиры и явки, через которые осуществлялась связь с челябинским комитетом, выдал многих коммунистов. Провокаторская роль Барболина была раскрыта много позднее, и 30 апреля 1919 г. он был убит [1].

Обо всем этом арестованные в начале и в середине апреля члены Сибирского обкома РКП(б) и другие видные партийные работники не знали. В то же время им было ясно, что контрразведка использовала данные, полученные в результате провала челябинской организации, в частности, те каналы, через которые поддерживались связи между омскими и челябинскими коммунистами. Вот почему в провокаторстве подозревались все, кто появлялся из Челябинска: С. М. Рогозинский, Г. И. Шамшин и даже Р. А. Костяновская, выслеженная и выданная Барболиным и оказавшаяся в числе других арестованных. Только после того, как Костяновская была приговорена колчаковским судом к смертной казни (расстреляна 2 июня 1919 г.), отношение к ней резко изменилось и обвинение отпало [2]. Г. И. Шамшина Омский комитет, так же как и Рогозинского, решил расстрелять, но не смог его найти. После гражданской войны по заявлению Шамшина было проведено следствие и в итоге 22 августа 1925 г. Новониколаевский губернский суд признал его невиновным «за отсутствием против него улик» [3].

Судьба С. М. Рогозинского сложилась иначе. После 3 Сибирской конференции он выехал в Челябинск, но там уже шли арес-

---

нов (под видом подпольщика), в связи с чем и произошел провал местной организации (ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 24, лл. 6—7. Доклад начальника центральной контрразведки). Э. М. Одынь, арестованная в ночь со 2 на 3 апреля 1919 г. с А. А. Масленниковым и другими руководителями сибирского подполья, отмечает, что перед этим на их квартире побывал «представитель» челябинского подполья, но, что это был не Рогозинский, которого она хорошо знала в лицо (в дни работы конференции она была на той квартире, где протекала ее работа). (Письмо Э. М. Одынь, Ф. Н. Петрову и С. Г. Черемных).

[1] ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 23, лл. 1—29. Доклады, агентурные сводки, донесения, переписка между госохраной и контрразведкой. О провокаторской роли Барболина говорили в воспоминаниях П. Г. Кринкин (ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 56, л. 6), А. Поворотник (там же, д. 110-а) и др.

[2] ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 23, лл. 24—25. Доклад начальника управления государственной охраны Акмолинской области; Письмо (воспоминания) Е. Л. Киржнер, С. Г. Черемных.

[3] ПАНО, ф. 6, оп. 2, д. 3736-а, л. 174. Постановление Новониколаевского губернского суда.

ты и он, подобно ряду других членов общегородского комитета (О. П. Хотеенкову, М. С. Иванову, А. Н. Зыкову), из города скрылся. И. В. Шмаков указывал, что числа 23—24 марта «Рогозинский вернулся из Омска... а здесь в это время уже шел тарарам, уже начались аресты... 26-го арестовали Камеляка, у которого жил на квартире Рогозинский... нам было ясно, что Рогозинский успел скрыться... Выдать что-либо не мог... Жил не у себя, а у приятеля Залевского, а потом переоделся и уехал»[1].

Приехав в Омск, Рогозинский вновь поселился у А. Поворотника, таким образом избежал ареста колчаковцами. 12 апреля он, вопреки возражениям Поворотника, был вызван в землянку А. А. Улыбина и там в соответствии с ранее принятым постановлением Омского комитета расстрелян группой подпольщиков. А. Поворотник и в тот момент и особенно после разоблачения и расстрела с его участием подлинного провокатора А. Барболина заявлял о том, что Рогозинский ни в чем не повинен, что он действительно являлся делегатом челябинской организации, а не провокатором[2]. Следует отметить, что колчаковцы имели в Омске исключительно многочисленную и активную агентуру, которая и до 12 апреля, и в дальнейшем добывала сведения о большевистском подполье (через агентов «Штабного», «Беззубого», «Глазного», «Малину», «Бланка», «Поручика», «Костю», «Брюнета» и др.)[3]. В частности, 12 мая «от секретного сотрудника» были получены данные о деятельности и планах на дальнейшее Омского комитета[4], затем о латышской организации, в результате чего последовали новые многочисленные аресты[5].

Следует подчеркнуть, что ошибочность обвинения Рогозинского в провокаторстве доказывается и тем фактом, что колчаковские контрразведывательные и охранные органы не имели ни в марте — апреле, ни позднее более или менее конкретных данных о 3 Сибирской конференции. Получив от Барболина сведения о намечавшейся в Омске конференции во второй половине, затем о работе ее в 20-х числах марта в невыясненном месте города[6], контрразведка и охранка стали проверять эти сведения, для чего вновь использовали Барболина. 16 апреля Барболин сообщил, что конференция якобы состоялась «в период от 12-го по 15 апреля в Омске»[7]. Начальник особого отдела департамента

---

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 335, лл. 152—153. Следует подчеркнуть, что ни у одного из арестованных и остальных членов челябинской подпольной организации никогда не возникало подозрений в предательстве или провокаторстве со стороны С. М. Рогозинского.

[2] ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 110-а.

[3] ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 17, л. 3; д. 19, л. 2; д. 24, л. 1; д. 26, л. 2; д. 29, лл. 1—2; д. 32, л. 1. Агентурные сводки и донесения.

[4] ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 29, л. 9.

[5] ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 23, лл. 26—32.

[6] ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 23, лл. 20—21; д. 120, лл. 2—3; ф. 236, оп. 1, д. 228-б, л. 64.

[7] ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 23, л. 13.

милиции, получив эти сведения, 6 мая начальнику контрразведки при штабе верховного главнокомандующего сообщил об этом, добавляя, что «место состоявшейся конференции и принимавших в ней лиц не установлены»[1]. На другой же день начальник контрразведки ответил: «Сведения о состоявшейся конференции между 12 и 15 апреля с. г. не соответствуют действительности. Конференция вообще не состоялась и была перенесена в г. Екатеринбург»[2].

Из этих документов, свидетельствующих о том, что контрразведка и охранка были в полном неведении о состоявшейся конференции, следует, что ни Рогозинский, ни кто-либо другой из ее участников не были провокаторами.

Обратимся к документам колчаковского Департамента милиции, Акмолинского областного управления государственной охраны и Центрального контрразведывательного отделения при ставке Колчака, которые в данном случае нельзя недооценивать. Эти документы: доклады, донесения, переписка, материалы следствия и т. п. — являлись официальными и сугубо секретными, рассчитанными на собственное, внутреннее «потребление», и свидетельствуют о том, что контрразведка настойчиво стремилась выяснить подлинную личность убитого, его имя, местожительство и получить нити к большевистскому подполью. Исследователи и советские органы, выясняя вопросы причастности или непричастности тех или иных лиц к провокаторству, никогда не игнорировали подобных документальных источников. Все крупные провокаторы в большевистской партии были выявлены после Октябрьской революции в результате изучения фондов царской охранки.

Приступим к освещению документов колчаковских охранников. 17 апреля 1919 г. во время перевозки типографии и нелегальной литературы (листовок, отчасти напечатанной газеты «Правда коммуниста») колчаковцами был задержан и арестован А. А. Улыбин. Контрразведка 3 мая выяснила, что он был причастен «К убийству неизвестного, труп коего 3 сего мая был обнаружен во время обыска вблизи Городнического луга»[3]. 8 мая начальник контрразведки запрашивает начальника милиции 2-го района Омска: «Прошу уведомить меня, кому направлено дознание по делу об убийстве 12-го апреля с. г. в землянке на Городищенском лугу неизвестного звания человека, труп коего был обнаружен в сарае Алексея Улыбина, владельца означенной землянки»[4].

11 мая начальник контрразведки, выяснив, что следствие ведется 8-м судебным участком, запросил копию протокола судебно-медицинского вскрытия трупа «неизвестного звания челове-

---

[1] ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 23, л. 35.
[2] Там же, л. 39.
[3] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 14, ч. 1, л. 459.
[4] Там же, л. 461.

ка». «К сему присовокупляю,— добавлял он,— что означенное убийство совершено на партийной почве по постановлению Омского областного комитета Российской Коммунистической партии»[1]. Следовательно, понадобилось время, прежде чем (в ходе допросов подпольщиков) контрразведка выяснила, что убийство совершено по партийным мотивам. Доставленный в контрразведку протокол вскрытия гласил, что рост убитого составлял 2 аршина 7 вершков, ему было около 30 лет, убит был тремя револьверными выстрелами[2].

5 мая начальник контрразведки на имя начальника Омской уголовной милиции писал, что «мужчина, отысканный по указанию Улыбина в его землянке убитым, есть Карпович и что убийство Карповича учинено Будилиным (он же Усов) и Березовским-Парняковым»[3]. В ответ на запрос мирового судьи 8 участка 18 мая контрразведка сообщила: «Препровождая при сем копии актов дознания, касающихся убийства неизвестного звания человека, делегата Челябинской большевистской организации по кличке «Валентин», фамилия точно не установлена, Карловича или Карповича, сообщаю, что убийство это совершено по постановлению Омского комитета Российской Коммунистической партии (большевиков), заподозревавшего названного Карловича или Карповича в предательстве, причем Карлович или Карпович был заманен в землянку Улыбина на Городищенском лугу и там лишен жизни Александром Николаевичем Усовым, он же Будилин, Пантелеймоном Парняковым, он же Березовский и сожительницей Улыбина Валентиной Федоровной Елесиной.

Улыбин и Усов находятся в Омской Областной тюрьме и числятся содержанием за прифронтовым судом, Парняков ранен при задержании и находится на излечении в хирургическом отделении Омской городской больницы. Елесина же скрылась и розыск ее производится. Об установлении личности убитого «Карповича» сообщено по телеграфу начальнику Челябинского отделения контрразведки»[4].

Из содержания документа вытекает очень важный вывод, что допрашивавшиеся партийные работники сообщали, что Рогозинский был лишь «заподозрен» в предательстве.

Начальник контрразведки направил телеграфный запрос не только в челябинскую контрразведку. 19 мая было направлено письменное распоряжение начальнику отделения контрразведки при штабе Курганского военного округа. В нем говорилось: «При сем препровождаю фотографическую карточку убитого 12 апреля с. г. по приговору Омского областного комитета Российской Коммунистической партии челябинского делегата означенной пар-

---

[1] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 14, ч. 1, л. 262.
[2] Там же, л. 465.
[3] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 14, ч. 1, л. 466.
[4] Там же, л. 468.

тии, кличка «Валентин» — Карповича или Карловича на предмет установления его личности.

Приложение: фотографическая карточка»[1].

Подобные материалы имеются в ряде дел контрразведки и департамента милиции[2].

Очевидно, что большое количество и сам характер документов говорят об одном: Рогозинский был неизвестен ни контрразведке, ни охранке, он не был их агентом, они прилагали все силы, чтобы установить его личность. Многочисленные документы и материалы говорят о том, что С. М. Рогозинский был видным коммунистом. Оставшиеся в живых челябинские коммунисты-подпольщики, омские работники, те, кто знали Рогозинского, сами подвергались аресту или были знакомы с обстоятельствами провалов, указывали и указывают на то, что Рогозинский был честным коммунистом и погиб по ложному обвинению (И. В. Шмаков, Е. Л. Киржнер, А. Н. Зыков, А. Поворотник, К. П. Козак (Ларозе), Э. М. Одынь, С. Г. Черемных и др.)[3]. Воспоминания этими лицами написаны в разное время, включая 20-е и 30-е годы. Часть из них была составлена несколько лет тому назад, когда активные участники подпольной борьбы в тылу Колчака решили специально рассмотреть причины и обстоятельства ареста руководителей сибирских партийных организаций. Это значительно продвинуло вперед изучение рассматриваемого вопроса. Выяснилась ошибочность обвинения Рогозинского в провокаторстве[4].

Попытки отдельных историков писать о С. М. Рогозинском (Карповиче) в прежнем духе, утверждать о том, что факт, будто он с подложным мандатом был подослан на подпольную конференцию, как провокатор, был установлен «с абсолютной точностью», несостоятельны. Приведенные нами документы и материалы позволяют взглянуть на роль С. М. Рогозинского, как и на причины и обстоятельства ареста руководителей сибирско-

---

[1] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 14-ч. 1, л. 468.

[2] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 19-а; д. 292; ф. 147, оп. 15, д. 23, д. 31.

[3] Э. М. Одынь предполагает, что К. П. Козак (Ларозе) указала в списке на провокатора без указания имени, имея в виду того приезжего делегата из Челябинска, который побывал на их квартире накануне ареста, а находившиеся на свободе партийные работники, знавшие как делегата из Челябинска Карповича (Рогозинского), решили «убрать» именно его. Сама К. П. Ларозе — автор записки, как утверждает С. Г. Черемных, бывший член Омского общегородского подпольного комитета, говорила, что она высказывала свои подозрения, но лишь относительно Г. И. Шамшина и, что оснований для обвинения Карповича в предательстве и провокаторстве она не видела и не видит.

[4] На это мы указывали в книге «Героическое подполье» (стр. 179, см. подстрочное примечание). Сложный вопрос о причинах и обстоятельствах провала в Омске в апреле 1919 г. выяснен еще не полностью и требует дальнейшего изучения. Что касается вопроса о Рогозинском, то, по нашему мнению, как мы отмечали в названной книге, в материалах упоминавшегося совещания старых большевиков «убедительно показывается непричастность С. Рогозинского к провалу подпольных организаций», а также «вскрывается предательская роль А. Барболина».

уральского подполья и многих местных коммунистов с иной точки зрения.

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ УРАЛА И СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Периодизации истории большевистского подполья на Урале и в Сибири в целом, во всяком случае ее специального обоснования, до последнего времени в исторической литературе не давалось. Отдельные авторы в работах по истории рабочего или крестьянского, или революционного (чаще всего партизанского) движения в целом в Сибири, в тех или иных ее районах выделяли отдельные главы в историко-хронологическом плане, тем самым создавали определенные условия для разрешения проблемы.

Впервые специально вопрос о периодизации истории большевистского подполья в Сибири поставил и рассмотрел М. И. Стишов. Он дает такую периодизацию и следующим образом ее обосновывает: «1. Июнь — октябрь 1918 г.— образование нелегальных организаций РКП(б) в Сибири и начало их деятельности, рост рабочего движения, первые крестьянские восстания против Сибирского «правительства». 2. Ноябрь 1918 г.— февраль 1919 г.— развертывание деятельности большевистского подполья, большевики во главе антиколчаковских восстаний рабочих и солдат, зарождение партизанского движения в Сибири. 3. Март 1919 г.— январь 1920 г.— большевистское подполье — руководитель массовой борьбы сибирских рабочих и крестьян против белогвардейцев и интервентов, развертывание и подъем народного партизанского движения в Сибири» [1].

Периодизация, данная М. И. Стишовым, имеет под собой серьезную научную основу и знаменует важный шаг в решении вопроса. Однако с некоторыми его положениями трудно согласиться, другие требуют определенного уточнения.

Мы предлагаем несколько иную периодизацию истории большевистского подполья, причем в рамках всей Сибири и Урала [2]. Суть ее такова: 1. Возникновение и начало борьбы большевистских подпольных организаций во главе трудящихся масс против интервентов и белогвардейцев (конец мая — середина ноября 1918 г.). 2. Большевики во главе революционной борьбы трудящихся против колчаковщины (вторая половина ноября 1918 — вторая половина апреля 1919 гг.). 3. Большевистское подполье в период разгрома Колчака (конец апреля 1919 — март 1920 гг.).

Следует отметить, что, очевидно, любая периодизация большевистского подполья Урала и Сибири обязательно должна была совпасть: 1) в начале подполья, совпадающего с началом ино-

---

[1] *М. И. Стишов.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны, стр. 39—40.

[2] Вопрос о периодизации большевистского подполья нами кратко был рассмотрен в кн.: Героическое подполье (стр. 7—8).

странной интервенции в этих районах, с началом их захвата интервентами и белогвардейцами, уходом коммунистов в подполье; 2) в конце подполья (конец периодизации), когда Сибирь была освобождена, колчаковщина разгромлена, коммунисты вышли из подполья; 3) в начале второго периода, который историками гражданской войны обычно и давно относится к ноябрю 1918 г., поскольку для этого есть общепризнанные основания. В этом отношении периодизация М. И. Стишова и наша в хронологическом отношении и по существу во многом сходны. Однако полного совпадения у нас и в этих пунктах нет, точки зрения определенно отличаются.

М. И. Стишов начало большевистского подполья относит к июню, мы — к концу мая 1918 г. Мы считаем, что не следует упускать часть мая, когда началось восстание белочехов и белогвардейцев, когда они захватили (до начала июня) ряд крупных городов, железнодорожных станций, обширные районы, в которых коммунисты приступили к нелегальной деятельности. М. И. Стишов конец подполья датирует январем, мы — мартом 1920 г. Январем 1920 г. заканчивать историю большевистского подполья Сибири нельзя, ибо некоторые ее огромные районы еще находились под пятой интервентов и белогвардейцев и против них продолжалась борьба, которая привела к освобождению Восточной Сибири и Сибири вообще лишь к началу весны 1920 г., т. е. практически к завершению на этой территории нелегальной деятельности коммунистов. Исключение составляла лишь небольшая часть Восточной Сибири («Читинская пробка»). М. И. Стишов ограничил территориальные рамки исследования лишь частью Сибири. Так, он опустил Якутскую и Забайкальскую области. Это привело к тому, что описание подпольной деятельности сибирских коммунистов прервано на декабрьско-январских событиях в Иркутске и его районе. Территориальное ограничение привело к хронологическому сужению истории сибирского большевистского подполья в период иностранной военной интервенции и гражданской войны.

Как было отмечено выше, мы не считаем оправданным ограничение первого периода октябрем. В действительности он продолжался до середины ноября 1918 г.

Нам представляется, что наибольшие расхождения в периодизации могут быть в определении конца второго и начала третьего периодов. Вопрос может быть решен в зависимости от того, как автор проанализирует историческую обстановку, положение в колчаковском тылу, на Восточном фронте и в стране в целом. Так, как указывалось выше, М. И. Стишов видит конец второго периода в феврале, а мы — во второй половине апреля 1919 г. Другие предлагаемые нами хронологические рамки конца второго и начала третьего периодов вытекают из иного подхода к оценке событий, развертывавшихся в стране, к деятельности подпольных организаций Сибири и Урала в то время.

М. И. Стишов специального обоснования своей периодизации не дал; оно содержится лишь в тех его трех тезисах, которые приведены выше. Мы считаем их недостаточными, а в некоторых моментах не совсем удачными. В частности, вряд ли правильно характеризовать второй период, как период «антиколчаковских восстаний рабочих и солдат», а третий, как период «борьбы сибирских рабочих и крестьян», ибо на первом из указанных этапов выступали не только рабочие и солдаты, но и трудящиеся крестьяне, а на последнем, наряду с рабочими и крестьянами, продолжали выступать (причем все чаще и активнее) и солдаты. В целом же периодизация М. И. Стишова является интересной, заслуживающей высокой оценки.

На наш взгляд, в основе периодизации истории большевистского подполья Урала и Сибири должны лежать следующие факторы: положение партии и страны в целом, обстановка на Восточном фронте, в тылу белогвардейцев, изменения в расстановке классовых сил, поведение среднего крестьянства, размах антиколчаковского, в том числе повстанческого и партизанского движения, которые определяли тактику и всю практическую деятельность коммунистов-подпольщиков.

В основе каждого из предложенных нами периодов лежат факторы, определившие своеобразие тактики подпольных организаций и размах революционной борьбы в тылу белогвардейцев. До 18 ноября 1918 г. существовал белогвардейский политический режим, буржуазная диктатура, прикрывавшаяся лживыми псевдодемократическими лозунгами мелкобуржуазных партий. Часть трудящихся, в основном крестьяне-середняки, в массе своей находились в плену мелкобуржуазной идеологии. Приход к власти крайней реакции во главе с Колчаком, усиление кровавой контрреволюционной диктатуры ускорили полевение трудящихся масс и привели к дальнейшему и резкому обострению классовой борьбы. После прихода Колчака к власти большевистские подпольные организации на 2-й Сибирской конференции разрабатывают решения, соответствующие новым, более сложным условиям борьбы. Время работы конференции (23 ноября 1918 г.) совпадает с моментом дальнейшего усиления реакции. Таким образом, во второй половине ноября 1918 г. обозначается конец первого и начало третьего периодов истории большевистского подполья.

К концу апреля 1919 г. произошли огромные изменения в обстановке страны в целом и на Востоке ее в частности. В основном завершался процесс полевения середняка и поворота его на сторону Советской власти, что на Урале и в Сибири явственно выразилось в невиданном нарастании революционной борьбы в деревне, в размахе партизанского движения. Все это особенно четко проявилось после того, как во второй половине апреля захлебнулось новое наступление Колчака, и вскоре началось наступление Красной Армии, ею была выхвачена стратегическая

инициатива и прочно удерживалась до конца и начался полный и окончательный разгром контрреволюции на Урале и в Сибири. С этого времени коммунисты усиливают руководство трудящимися массами, их вооруженными выступлениями и партизанским движением, нараставшим с каждым месяцем, готовят и успешно проводят восстания в городах, в сельской местности в глубоком тылу врага и в непосредственной близости от фронта. Конечно, можно было бы в качестве водораздела между вторым и третьим периодами указать и март 1919 г., учитывая, что во второй половине этого месяца состоялись VIII съезд партии и 3-я Сибирская подпольная конференция РКП(б). Но, во-первых, решения съезда и Сибирской конференции были доведены до подпольных комитетов и организаций, тем более до трудящихся масс, и дали практические результаты значительно позднее. Во-вторых, поражение Колчака и стремительное наступление советских войск в конце апреля — начале мая 1919 г. буквально всколыхнули трудящиеся массы Урала и Сибири на самоотверженную революционную борьбу, привели к завершению перехода крестьян-середняков на сторону Советской власти и формирования военно-политического союза пролетариата и крестьянства Сибири и Урала. Поведение их во многом предопределялось положением на фронте и успехами Красной Армии. Следовательно, нужно учитывать и общее положение в стране, и особенно специфику обстановки в белогвардейском тылу, прежде всего соотношение классовых сил, взаимоотношения пролетариата и крестьянства. Одним словом, необходимо учитывать те процессы, которые вели к радикальным изменениям обстановки в тылу белогвардейских войск и самым непосредственным образом влияли на тактику большевистских партийных организаций, на всю деятельность и революционную борьбу трудящихся.

Таковы основные мотивы, обоснования предлагаемой нами периодизации истории большевистского подполья Урала и Сибири в период иностранной интервенции и гражданской войны.

* * *

В данной статье рассмотрены некоторые из вопросов, по которым существуют различные, противоречащие одно другому суждения. Часть из них носит теоретический, принципиальный характер, другие относятся к фактическим, но также значительным по своему месту и значению в освещении истории большевистского подполья в тылу сибирско-уральской контрреволюции. Мы, привлекая новые документы и материалы, стремились в какой-то степени содействовать дальнейшему решению общей задачи историков-исследователей, занимающихся вопросами гражданской войны на Востоке страны, однако не претендуя на полное их выяснение.

Рассмотренные, а также многие другие подобные вопросы требуют дальнейшего обстоятельного и всестороннего изучения, больших усилий исследователей.

Свердловский ордена Трудового Красного Знамени
Горный институт им. В. В. Вахрушева

Вып. 4 Из истории уральских и сибирских партийных организаций 1970

А. С. СТЕПАНОВ

РСФСР, ДВР И МОНГОЛИЯ (1920—1922 гг.)

Советско-монгольские отношения в 1920—1922 гг., вылившиеся в нерушимую дружбу двух братских народов, складывались в нелегкой борьбе против общих врагов — белогвардейцев и иностранных интервентов.

Дореволюционная Монголия была типичной колониальной страной, влачившей крайне жалкое существование. Двойной гнет — своих и иноземных эксплуататоров — превратил Монголию в страну, в которой «с угрожающей быстротой умножалось количество нищих и бродяг» [1]. Незадолго до народной революции феодалы (7,8% населения) владели 49,5% скота в стране, в то время как араты (92,2% населения) имели 50,5% скота [2]. Общее количество скота у феодала было в среднем в 40 раз больше, чем у арата [3].

Монгольский народ терзали не только местные феодалы, но и чужеземные поработители. Одна только китайская ростовщическая фирма ежегодно угоняла из Монголии 70 тыс. лошадей и 500 тыс. баранов, отобранных у аратов для погашения ссуд и процентов [4].

С победой Октябрьской революции в России началась новая полоса в развитии советско-монгольских отношений.

Нерасторжимая дружба двух братских народов родилась, возмужала и окрепла в совместной борьбе с иноземными поработителями и их приспешниками — русской контрреволюционной белогвардейщиной.

Революция в Монголии была первым победным эхом Октябрьской революции.

---

[1] *Г. С. Матвеева.* Из опыта формирования рабочего класса в Монгольской Народной Республике — «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 44.

[2] Монгольская Народная Республика. 1921—1961. Сборник статей. М., 1961, стр. 61.

[3] *В. И. Писарев.* МНР на пути к завершению строительства социализма. М., 1964, стр. 5.

[4] Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг. М., 1957, стр. 531.

Важную роль в нормализации советско-монгольских отношений должна была сыграть торговля.

Само собой разумеется, что РСФСР и Дальневосточная республика (ДВР) желали торговать со странами Дальнего Востока на взаимовыгодной основе. Вместе с тем развитие торговых отношений между этими странами облегчало борьбу против экономической экспансии международного империализма, особенно японского и американского, в Китае и Монголии. В выполнении этой задачи немалую роль призваны были сыграть внешнеторговые органы ДВР и РСФСР, в частности, «Центросоюз». В феврале 1921 г. «Центросоюз» в тезисах «О работе на Дальнем Востоке» так определил свои главные задачи: «В интересах закрепления связей Дальнего Востока с Россией и ослабления монопольного положения Японии необходимо, несмотря на тяжелое положение Советской России, выделение для Дальнего Востока хотя бы небольшого кадра достаточно авторитетных представителей заинтересованных комиссариатов и соответствующих средств для развития на Дальнем Востоке активных операций общероссийского значения в пределах и формах, обусловленных политической обстановкой на Дальнем Востоке» [1].

Создав широкую сеть своих отделений в ДВР и на территории Монголии и Китая, «Центросоюз», а также внешнеторговые органы РСФСР и ДВР развернули активную торговлю с этими странами, в частности, по закупке продовольствия для ДВР и РСФСР. Из Монголии вывозился для РСФСР главным образом скот, а для ДВР — мясо и масло [2].

Но нормализация торговли с Китаем и Монголией проходила с большими трудностями.

Серьезной помехой в развертывании торговли Монголии с ДВР и РСФСР служила обструкция со стороны китайских властей, чинивших всевозможные препятствия. Действуя под нажимом Вашингтона и Токио, они стремились во что бы то ни стало сорвать намечавшиеся торговые связи ДВР с Монголией. Чтобы запугать легковерных, китайские власти обвиняли в «большевизме» лиц, осмелившихся торговать с русскими [3]. А быть заподозренным в «большевизме» в глазах китайских реакционеров — значило потерять все.

Китайские власти в Монголии выдавали разрешения представителям РСФСР и ДВР на закупку товаров только при том условии, чтобы в их составе «не было большевиков» [4].

Естественно, что запугивание «большевизмом» не могло не повлиять на темную и забитую массу населения, имевшую весьма смутное, а большей частью превратное представление о Со-

---

[1] Центральный государственный архив народного хозяйства (в дальнейшем — ЦГАНХ), ф. 484, оп. 7, д. 50, л. 86.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 151, л. 31.

[3] ЦГАНХ, ф. 413, оп. 3, д. 701, л. 1.

[4] Там же.

ветской России. Это, конечно, сказалось отрицательно на торговых отношениях с Монголией. Если летом 1919 г. «Центросоюзу» все же удалось закупить в Монголии 6 тыс. голов рогатого скота и 10 тыс. голов овец [1], то в 1920 г. объем закупок резко сократился. Вследствие вмешательства главным образом китайских властей, всячески препятствовавших торговле ДВР с Монголией, летом 1960 г. удалось закупить всего лишь 800 голов [2] скота вместо предполагавшихся 100 тыс. голов. Но это продолжалось до тех пор, пока в Монголии хозяйничали китайские милитаристы. На протяжении всех последующих лет монголам, так же как русским рабочим и крестьянам, пришлось с оружием в руках отстаивать свободу и независимость своей родины от посягательств иностранных империалистов, мечтавших превратить Монголию в свой плацдарм для военных атак против Советского государства. Трудящиеся Монголии, преодолев неимоверные трудности, сломив отчаянное сопротивление предателей и изменников, победили в этой борьбе. А борьба была неравная. В 1919 г. Монголию оккупировали войска китайских империалистов. Они тотчас же ликвидировали автономию Монгольской республики, полученную в 1911 г., установили в стране жесточайший режим полицейского террора и насилия. Повсюду стали сколачиваться бандитские отряды и группы, беспощадно расправлявшиеся со всеми сторонниками народовластия. Пекинская клика Чжан Цзо-лина действовала не без помощи и указки своих японских друзей и покровителей.

Китайский наемник получал также щедрую поддержку и со стороны белогвардейцев. Бывший царский консул в Монголии Лавдовский скупал у дезертиров и предателей оружие и передавал его белогвардейцам, которые занимались грабежами и всевозможными провокациями на советско-монгольской границе [3]. Газета «Прибайкалье» в одном из номеров рисует страшную картину грабежей и насилий, чинимых северо-китайскими бандами в Монголии: «Китайские войска начали в Урге и его окрестностях повальные грабежи всего населения: монгол, бурят, русских. Было ревизировано буквально все: лошади, седла, сбруя, дрова. Солдаты даже выдергивали серьги и кольца у монгол, а встретившихся на улице русских арестовывали, раздевали и разували. Была разграблена контора Центросоюза. На многих домах появились американские и английские флаги» [4].

Режим, установленный китайскими милитаристами в Монголии, представлял собой типичную военную диктатуру. Предприняв против монгольских масс и всех слоев общества целый ряд агрессивных действий, сопровождаемых разгромом монастырей,

---

[1] ЦГАНХ, ф. 413, оп. 3, д. 701, л. 8.

[2] Там же.

[3] Архив внешней политики СССР (в дальнейшем — АВП СССР), ф. 490, папка 19, оп. 1, д. 3, лл. 128—129.

[4] «Прибайкалье», 9 января 1921 г.

убийствами, грабежами и насилиями, «китайские власти рассчитывали всеми этими мерами удержать в страхе и повиновении монгольские массы, но, конечно, достигали как раз обратных результатов» [1].

В этой сложной обстановке трудящиеся Монголии приходили к выводу, что спасение Монголии от иностранной кабалы заключается в дружбе и сотрудничестве с Советской Россией. Еще осенью 1920 г. вожди и организаторы монгольского народа Сухэ-Батор и Чойбалсан возглавили подготовку вооруженного народного восстания против иноземных захватчиков. Так, в силу исторических обстоятельств переплелась борьба монгольских и русских пролетариев, вливаясь в единое русло революционной борьбы за торжество правого дела трудового народа.

В марте 1921 г. образовалась Монгольская народно-революционная партия (МНРП). На своем первом съезде она выработала следующую программу: уничтожение феодальной системы, отстранение духовенства от участия в государственных делах и активная борьба с китайскими милитаристами за восстановление автономии Монголии «на началах народовластия в контакте с истинными революционными элементами Китая и соседних народов» [2]. На этом же съезде были обсуждены вопросы: «Об итогах переговоров монгольской делегации, приезжавшей в Москву», «Задачи Коминтерна и вопросы помощи освободительному движению в Монголии». Делегаты съезда просили назначить постоянного представителя Дальневосточного секретариата Коминтерна при Центральном Комитете РКП(б) [3]. Разоблачая захватнические планы империалистов и их наймитов, МНРП отмечала, что в настоящее тревожное и трудное время будет благом всего монгольского народа сохранение согласно старым традициям добрых отношений с Россией и Китаем, так как в данный момент русский народ, устранив угнетателей, не только предоставляет свободу самоопределения входящим в состав государства Российского большим и малым народам, но и оказывает всяческую помощь угнетенным малым народам и государствам. Партия особенно подчеркивала то неоспоримое положение, что «если народы Китая, России и Монголии найдут между собой общий язык, не так трудно будет достигнуть укрепления дела национального возрождения и счастья монгольского народа» [4].

МНРП заявляла, что она будет принимать все меры «к уста-

---

[1] «Бюллетени Дальневосточного секретариата Коминтерна», 20 марта 1921 г., стр. 12.

[2] «Бюллетени Дальневосточного секретариата Коминтерна», 20 марта 1921 г., стр. 11.

[3] Первое время нашим уполномоченным в Монголии был С. С. Борисов. В. И. Юдин. У истоков Монгольской народной революции. В кн.: «Монгольский сборник. Экономика, История, Археология». М., 1969, стр. 117.

[4] «Бюллетени Дальневосточного секретариата Коминтерна», 20 марта 1921 г., стр. 16.

новлению дружественных связей и контакта с революционными организациями России, Китая и других стран, стремящихся к уничтожению деспотизма, к прогрессу и утверждению власти народа»[1]. На состоявшейся 13 марта 1921 г. конференции представителей революционных воинских частей и населения было принято постановление об образовании Временного народного правительства, которому поручалось «освободить страну от китайских милитаристов, очистить и от русских белогвардейских отрядов и от всех прочих вооруженных банд, от шаек воров и грабителей и обеспечить тесную связь между монгольским народом и дружественными народами соседних государств»[2].

В октябре 1920 г. в пределы Монголии из Забайкалья вторглись белогвардейские банды атамана Семенова и его сообщника барона Унгерна. В марте 1921 г. они заняли столицу Монголии г. Ургу. Вторжение белогвардейских банд в Монголию сопровождалось неподдающимся описанию зверствами[3]. Унгерн тотчас же огласил программу, поражающую своим цинизмом и убожеством. Он не скрывал, что его цели — создание монархического государства в Центральной Азии под протекторатом Японии, восстановление монархии в России, Китае, Монголии и борьба с большевизмом[4]. Барон-садист отдал изуверское распоряжение — поголовно уничтожать «всех большевиков», предусматривая единственную для них меру наказания — «смертная казнь разных степеней»[5].

Используя японо-китайские противоречия, сей белогвардейский выродок выступил в роли некоего «борца» за независимость Монголии, попранную китайскими милитаристами. Объявив себя монгольским подданным, Унгерн провозгласил, что его цель — «изгнание китайцев и создание независимой Монголии». Дальневосточный орган Исполкома Коминтерна так объяснял сложившуюся ситуацию в Монголии: «Столь по существу парадоксальное превращение бандита Унгерна в «освободителя» Монголии, несомненно, находится в тесной связи с событиями последних месяцев на Дальнем Востоке и с теми перипетиями японо-китайских взаимоотношений, которые характеризуются стремлениями Японии наложить свою опеку на Китай для использования живых и мертвых ресурсов против своих империалистических конкурентов в Китае, на Дальнем Востоке и против революционной России и нежеланием Китая играть роль прислужницы и холопа Японии»[6].

---

[1] *Х. Чойбалсан.* Краткий очерк истории Монгольской Народной Революции. 1952, стр. 43.

[2] Революционные мероприятия Народного правительства Монголии в 1921—1924 гг. Документы. М., 1960, стр. 9—11.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 446, л. 200.

[4] *Б. Цибиков.* Разгром унгерновщины. Улан-Удэ, 1947, стр. 64.

[5] Народы-братья. Воспоминания и статьи. М., 1965, стр. 24.

[6] «Бюллетени Дальневосточного секретариата Коминтерна», 20 марта 1921 г., стр. 16.

Подавляющая масса трудящихся Монголии хорошо понимала, что «Унгерн помогает монголам не ради их освобождения, а лишь для того, чтобы снять одну, душившую их петлю, и еще крепче затянуть другую»[1]. Правящие круги Японии преследовали далеко идущие цели. Они рассматривали Монголию в качестве удобного обширного плацдарма, обосновавшись на котором легко будет разворачивать агрессию во всех направлениях. «Несомненно, авантюра Унгерна имеет в своей основе японскую инспирацию и преследует двоякую цель: прежде всего авантюра Унгерна, создавая серьезные осложнения в Монголии, должна повлиять на Китай в смысле большей уступчивости по отношению притязаний Японии, а за сим, та же авантюра, ее удачный исход, должны при известном стечении обстоятельств втянуть Монголию в русло японского влияния, что прямым образом соответствует агресивным планам Японии против РСФСР и ДВР»[2].

Центральное местоположение, экономические и культурно-политические связи Монголии с соседними странами делали ее важным политико-стратегическим пунктом.

Исключительно выгодное стратегическое положение Монголии явилось для японской военщины соблазнительной приманкой, обойти которую они никак не могли. «Из анализа создавшегося положения в Монголии и Дальнем Востоке,— указывалось в «Бюллетене Дальневосточного секретариата Коминтерна»,— ясно и определенно вытекают следующие выводы: молодому революционному движению в Монголии грозит серьезная опасность со стороны русско-японских реакционных элементов и мобилизующего свои силы монгольского феодализма; на Дальнем Востоке накопляется новая реакционная угроза РСФСР, этой твердыне и пока единственной опоре международного пролетарского движения»[3]. Это обстоятельство весьма осложняло нормализацию советско-монгольских отношений.

Как справедливо писал тогда И. М. Майский, «для Советской России создалось чрезвычайно трудное положение, с одной стороны, она не может равнодушно смотреть на то, как белогвардейский гнойник разбухает на территории Монголии, раздавить который китайцы, видимо, не в состоянии, не может безразлично она относиться и к судьбам монгольского народа, которому грозят разорение и порабощение,— с другой стороны, ей в высшей степени нежелательно портить налаживающиеся отношения с Китайской республикой. Пока есть еще надежда, что события благополучно разрешатся сами собой. Но, если эта надежда обманет, Советской России придется изыскать пути и средства, не ссорясь с Китаем, ликвидировать белогвардейщину в Монголии

[1] «Прибайкалье», 20 мая, 1921 г.

[2] «Бюллетени Дальневосточного секретариата Коминтерна», 20 марта 1921 г., стр. 16.

[3] «Бюллетени Дальневосточного секретариата Коминтерна», 20 марта 1921 г.

и вместе с тем охранить туземное население от грозящих ему бедствий»[1]. И действительно, Советское правительство изыскало такие пути и средства взаимоотношений с Монголией, при помощи которых была обеспечена национальная независимость и свобода монгольского народа.

10 апреля 1921 г. Временное народное правительство Монголии обратилось к Советскому правительству с официальной нотой, в которой просило об оказании помощи в борьбе с бесчинствующими белогвардейскими бандами, действующими одновременно и против советского и против монгольского народов. Эта просьба была воспринята Советским правительством. Командование вооруженными силами Советской республики и Дальневосточного «буфера» отдало соответствующий боевой приказ. В конце мая 1921 г. части Красной Армии и Народно-Революционной Армии ДВР перешли в наступление и нанесли сокрушительный удар по белогвардейским бандам Унгерна под Троицкосавском и в районе озера Косгол, а затем, выполняя просьбу правительства Монголии, вступили на территорию Монголии.

Дальбюро ЦК РКП(б) и правительство ДВР придавали большое значение своевременной помощи братскому монгольскому народу. Разгром белогвардейских банд они рассматривали не только как свой патриотический, но и как интернациональный долг перед народами Монголии и Китая. На совместном заседании Дальбюро ЦК РКП(б), правительства ДВР и членов Реввоенсовета НРА, состоявшемся 1 июня 1921 г., отмечалось: «Монгольская операция важна как демонстрация силы ДВР и Советской России, как обеспечение нашего тыла... и поддержки революционных слоев Китая и Монголии. Цель операции — полный разгром Унгерна, без вмешательства во внутренние дела Монголии»[2].

Воины Красной Армии и НРА, вступившие в пределы Монголии, проявляли исключительный такт и уважение к трудовому монгольскому народу, к его национальным обычаям и традициям, к памятникам национальной культуры и т. п., а также необходимую осторожность при встрече с китайскими отрядами, действовавшими на территории Монголии. В телеграмме Г. В. Чичерина, направленной правительству ДВР 23 июня 1921 г., говорилось: «Следует с особым вниманием относиться к нравам, быту и взглядам монгольских масс, ничем не оскорблять ни их религии и суеверий, в особенности бережно относясь к буддийским храмам. В случае, если где-либо произойдет встреча с китайскими властями или отрядами, следует относиться к ним, как к союзникам, интересы которых мы соблюдаем, когда ведем борьбу против насильников Унгерна»[3].

---

[1] «Советская Сибирь», 26 января 1921 г.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 63, л. 26.
[3] Там же, д. 65, л. 281.

В воззвании Реввоенсовета 5-й Армии от 2 июля 1921 г. говорилось об освободительной миссии советских войск, вступивших в пределы Монголии по просьбе Временного народного правительства Монголии: «Ваши города и юрты, ваши монастыри и храмы, ваш скот и ваши пастбища будут для нас неприкосновенны. Мы не будем указывать вам, как жить: живите, как жили. На великом народном собрании всей страны вы сами установите свои порядки, такими, какими хочет весь народ монгольский. Все, что было награблено Унгерном и его бандитами, будет возвращено их прежним владельцам» [1].

Воины НРА и Красной Армии как подлинные освободители братского монгольского народа вместе с монгольскими патриотами громили белогвардейские банды Унгерна. В специальном обращении командования соединений НРА и Красной Армии к монгольскому народу подчеркивалось: «Рабочие и крестьяне России протягивают руку братской помощи и симпатии к угнетавшемуся до сих пор монгольскому народу. Нам безусловно и окончательно чужды какие бы то ни было завоевательные помыслы, они не хотят навязывать свое господство никакому народу и хотят жить в мире и дружбе со всеми другими народами мира» [2]. Бескорыстная помощь и поддержка Советской Республики и ДВР сыграли решающую роль в завоевании свободы и независимости монгольского государства. Эта помощь и поддержка, по словам маршала Х. Чойбалсана, «явились для нас огромной моральной силой, укрепившей уверенность в победе» [3].

Восторженно встреченные монгольским народом [4], вооруженные силы Советской республики и Дальневосточного «буфера» продолжали успешно развивать наступательные операции, начатые еще на территории Забайкалья. Натиск их был настолько силен и стремителен, что белогвардейские банды уже 8 июня без боя оставили свою главную опорную базу — монгольскую столицу Ургу. Остатки разбитой белогвардейской армии, укрывавшиеся в пограничной полосе, продолжали заниматься грабежами. НРА совместно с частями Красной Армии без особых трудностей добили эти мелкие шайки бандитов [5]. Несколько позже, 21 октября 1921 г., Дальбюро ЦК РКП(б) в обращении к воинам НРА и флота ДВР дало высокую оценку освободительной миссии Красной Армии в Монголии: «Победа над унгерновцами и освобождение Монголии от их банд есть великая победа освобожденного трудового народа от наймитов буржуазии всех стран» [6]. 10 июля в освобожденной Урге состоялась передача власти в руки Народ-

[1] Цит. по след. изданию: *Ю. Цеденбал.* Избранные статьи и речи, т. 1. М., 1962, стр. 357—358.

[2] Цит. по след. изданию: *А. Осипов.* Монгольская Народная Республика. М., 1963, стр. 19.

[3] *В. Масленников.* Современная Монголия. М., 1961, стр. 11.

[4] Народы-братья. Воспоминания и статьи. М., 1965, стр. 8.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 460, л. 39.

[6] Там же, д. 50, л. 206.

ного монгольского правительства, а на следующий день на массовом митинге была торжественно провозглашена Монгольская Народная Республика. «В истории Монголии началась новая эпоха,— пишет Ю. Цеденбал,— эпоха независимого и суверенного развития и быстрого социального прогресса»[1].

Монгольский народ никогда не забудет, что вооруженная помощь Советской России в его борьбе с иностранными интервентами сыграла большую роль в победе народной революции. Маршал Чойбалсан говорил по этому поводу: «Только великий русский народ, Советская Армия, их непосредственная помощь обеспечили изгнание из пределов Монголии иностранных захватчиков и установление народной власти в стране»[2].

Советское правительство высоко оценило подвиг монгольского народа и его руководителей в разгроме унгерновщины. Приказом Реввоенсовета Республики за высокие революционные заслуги в разгроме унгерновских банд орденом Красного Знамени были награждены Главнокомандующий войсками Монголии Сухэ-Батор, его заместитель Чойбалсан, командир армейской группы Хатан-Батор-ван[3].

Победа монгольской народной революции с глубоким удовлетворением была встречена и в соседней Дальневосточной республике. Газета «Красное Прибайкалье», приветствуя образование Народно-революционного правительства Монгольской Народной Республики, с полным основанием отмечала: «Народно-революционная Монголия и ДВР — родные сестры, в судьбах которых много общего, сходного. Но каковы бы ни были трудности для молодой революционной власти, опыт революции показывает, что в революционные моменты самые отсталые, забитые гнетом трудовые массы проявляют необычайно громадный организаторский размах и революционную энергию». Газета выражала твердую уверенность в том, что братская поддержка и взаимопомощь со стороны Советской России и Дальневосточной республики помогут Народной Монголии стать крепко на ноги и выведут ее на верную дорогу.

Советское правительство вместе с правительством Дальневосточной республики продолжало оказывать необходимую помощь и поддержку народной Монголии в защите ее свободы и национального суверенитета. В августе 1921 г. Г. В. Чичерин указывал в телеграмме министру иностранных дел ДВР Я. Д. Янсону на то, что крайне важно, чтобы Монголия все время опиралась только на Советскую Россию в своих отношениях с иностранными державами[4]. В том же месяце 1921 г. Советское правительство обра-

---

[1] *Ю. Цеденбал.* Революционная партия и общественное преобразование. «Проблемы мира и социализма», 1966, № 2.

[2] Цит. по след. изданию: *Д. Б. Улымжиев.* Нерушимая братская дружба советского и монгольского народов. Улан-Удэ, 1961, стр. 26.

[3] Советско-монгольские отношения. 1921—1966. Сборник документов. М., 1966, стр. 17.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 69, л. 34.

тилось к народу и правительству Внешней Монголии с посланием, в котором предлагало установить дипломатические отношения и заявляло, что вся власть в Монголии «должна принадлежать монгольскому народу» и что «ни один иностранец не вправе вмешиваться во внутренние дела Монголии» [1].

Советское правительство, кровно заинтересованное в установлении добрососедских отношений между всеми странами Востока, выступило бескорыстным посредником в нормализации монголо-китайских отношений. 10 сентября 1921 г. Монгольское правительство, учитывая факт совместного освобождения Монголии от белых банд, а также общую заинтересованность в установлении мирного сотрудничества между русским, китайским и монгольским народами, обратилось к Советскому правительству с просьбой принять на себя посредничество в деле установления взаимоотношений Монголии с Китаем. При этом Монгольское правительство объясняло выбор Советского правительства в качестве посредника между Китаем и Монголией тем, что Советская Россия — «единственная страна», не заинтересованная в захватах территории соседних народов, что хорошо известно и правительству Китайской Республики» [2]. 14 сентября в ответной телеграмме Председателю Совета Министров Монголии Бодо Наркоминдел ДВР, приветствуя освобождение Монголии, выразил благодарность Народно-Революционному правительству «за дружественное чувство и доверие» и высказал надежду, «что уже предпринятое им посредничество между Монголией и Китаем увенчается успехом на условиях осуществления права монгольского народа на самоопределение» [3].

В тот же день, 14 сентября, Наркоминдел РСФСР выступил с обращением к урянхайскому народу. Урянхайский край, находившийся между Россией и Монголией, был в свое время превращен в царскую колонию. Советское же правительство заявило, что оно не считает Уранхайский край русской территорией и предоставляет туземному народу полное право определения своей судьбы [4]. При этом Советское правительство указывало, что во-первых, временный ввод советских войск в Урянхай преследует исключительно цель очищения края от белых банд и что по мере выполнения возложенных на них задач войска будут выведены; во-вторых, пребывание в крае русских граждан не явится источником притязаний на вмешательство во внутреннюю жизнь края; в-третьих, ради защиты безопасности русских рабочих и крестьян в Урянхае правительство РСФСР считает необходимым войти в соглашение с местными властями [5].

Все эти факты — убедительное свидетельство подлинно добро-

---

[1] История Монгольской Народной Республики. М., 1954, стр. 239.
[2] Годовой отчет НКИД IX съезду Советов. М., 1922, стр. 146—147.
[3] Годовой отчет НКИД IX съезду Советов, стр. 147.
[4] Там же.
[5] Там же.

желательных отношений со стороны Советского правительства к монгольскому народу. Об этом же официально заявил и советский посланник в Пекине А. Иоффе. В ответ на злобные антисоветские измышления зарубежной реакционной печати Иоффе вновь подчеркнул, что Россия не преследует в Монголии корыстных целей.

Единство целей и задач обусловливало стремление обоих народов к единству действий, к развитию прочных дружеских связей. Летом 1927 г. в Иркутск прибыла делегация Монгольской Народно-Революционной партии во главе с Сухэ-Батором для переговоров с представителями Народного комиссариата иностранных дел Советской России. «К мирному строительству» — основной лозунг обеих стран. «К тесному взаимному союзу» — необходимый лозунг в борьбе против империализма»,— писала по этому поводу газета «Прибайкалье»[1].

Начатые в Иркутске советско-монгольские переговоры успешно завершились в Москве. За время пребывания в Москве члены делегации Монгольской Народно-Революционной партии встречались и беседовали с В. И. Лениным. Эти встречи произвели на Сухэ-Батора и других монгольских товарищей неизгладимое впечатление. Владимир Ильич с гениальной простотой и убедительностью доказал монгольским друзьям историческую неизбежность и закономерность победы социализма, объяснил им жизненную необходимость тесного единения и сплочения революционных сил всех народов. В. И. Ленин подчеркивал при этом, что единственно правильным путем для всякого трудящегося вашей страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России. Ленин разъяснил монгольским гостям вопросы стратегии и тактики освободительной борьбы народов, указал путь создания массовой политической марксистской партии, пути развития классовой, пролетарской солидарности с рабочими и крестьянами других стран. Ленин обратился к монголам с ободряющими словами. Он говорил, что не монголам жаловаться на «бесперспективность революции», что «темп развития революции Монголии рисуется таким, какого еще не знали «великие» революции Европы. За этот короткий срок, определяемый буквально месяцами, базируясь на пролетарскую революцию в России, трудящиеся Монголии наверстали то, что другие страны проделывали в течение сотен лет»[2].

Трудно переоценить значение ленинских указаний для трудящихся Монголии, для победы и упрочения народной власти в этой стране. Адъютант Сухэ-Батора Мягмар так рассказывал об этой незабываемой встрече: «Я видел: вот самый умный человек на

---

[1] «Прибайкалье», 26 ноября 1921 г.

[2] Цит. по. след. изданию: *Г. Кунгуров* и *И. Сороковиков*. Аратская революция. Исторический очерк. Иркутск, 1957, стр. 123—134.

земле разговаривает с нами не только как учитель, но и как самый близкий друг, родной и ласковый. Я вытирал глаза и снова смотрел, все смотрел ему в лицо, в прищуренные глаза и понимал, что за этого человека можно пойти на любые копья, на любую муку, только бы он жил и работал».

Беседы В. И. Ленина с монгольскими революционерами стали для них школой революционной борьбы за создание независимой социалистической Монголии.

Империалисты не раз пытались сбить их с единственно правильного пути разного рода посулами, политическим шантажом и прямым военным давлением. Однако сделать Монголию ареной своих реакционных замыслов против Советской России и ДВР им не удалось. Так при поддержке и бескорыстной помощи Советской России монгольский народ отстоял и упрочил завоевания революции, защитил честь, свободу и независимость своей Родины, построил новое народное государство.

Логическим завершением в развитии советско-монгольских отношений явилось официальное установление дипломатических отношений Советской России с Монголией 2 июня 1922 г.

В августе 1921 г. после разгрома Унгерна большая часть советских войск была выведена из столицы Монголии. Однако по просьбе Народно-Революционного правительства[1] там была оставлена небольшая воинская часть[2], так как было ясно, что полный отвод «русских войск из Урги был бы на руку только японским империалистам. Наемник японской военной клики, некоронованный король Маньчжурии генерал Чжан Цзо-линь, быстро устроил бы похороны по первому разряду монгольской свободе и отдал бы страну во власть японского капитала»[3]. И действительно, империалисты и их агенты приложили немало усилий для того, чтобы свернуть народ Монголии с избранного пути.

Устраненные от власти монгольские ламы и князья отправили за помощью своих ходатаев — одних в Японию, других — в Америку[4]. Американские империалисты тотчас же стали предпринимать экстренные меры, направленные на свержение народного правительства в Монголии. С сентября 1921 г. в столицу Монголии Ургу хлынули «иностранные представители». Первым прибыл в Ургу американский консул в Калгане Сокобин, который сразу же стал общаться с ламами и князьями[5]. «С этого времени началась усиленная подпольная работа иностранцев в

---

[1] «Новый восток», 1922 г., № 2, стр. 174.

[2] *Ю. Цеденбал.* Сорок лет великого Октября и монгольский народ. М., 1957, стр. 28.

[3] «Международная жизнь», 1921, № 1, стр. 122.

[4] *Х. Чойбалсан.* Избранные статьи и речи. М., 1961, стр. 175—176.

[5] «Бюллетени информационного отдела Дальневосточного секретариата Коминтерна», 1 ноября 1921 г.

среде князей и лам, имевшая целью свергнуть Народно-революционное правительство и установить в Монголии феодально-теократическую монархию, которая могла бы обеспечить им возможность хозяйствовать в Монголии» [1].

Агенты США готовили правительственный переворот, назначенный на 25 октября. Однако и этот коварный замысел окончился провалом. Было точно установлено, что подготовлявшийся контрреволюционный государственный переворот в Монголии был целиком связан с приездом в Ургу американского консула и некоторых других иностранцев [2]. По приезде в Ургу Сокобин усиленно добивался посредничества Америки в монголо-китайском вопросе, подкрепляя свое предложение заманчивыми и «выгодными» сделками. Но усилия Сокобина оказались тщетными. Не только трудящиеся массы, но даже феодальная теократия не оказала поддержки агентам американского империализма. Это объяснялось тем, что широкие массы трудящихся смотрели на Народно-Революционное правительство как на действенную силу, способную очистить страну от всевозможных разбойничьих банд и дать Монголии возможность приступить к мирной созидательной работе [3].

В условиях, когда внутренняя и внешняя политика Народно-Революционной партии Монголии получила полную поддержку со стороны широких народных масс, феодальная верхушка и ламство не рискнули открыто выступить против демократического режима в МНР. Как подчеркивал Дальневосточный секретариат Коминтерна в своем обзоре событий от 1 декабря 1921 г., «борьба за демократический порядок успела пробить брешь даже в дотоле непроницаемой толще феодальной теократии, дав демократическим элементам Монголии, если не активных, то пассивных пока сторонников в лице мелкого чиновничества и среднего ламства» [4]. Правда, реакционеры в конце 1922 — начале 1923 гг. пытались оказать сопротивление, но, не получив поддержки народных масс, потерпели полный крах [5].

Монгольская Народно-Революционная партия, твердо стоявшая на позициях пролетарского интернационализма, прилагала немало усилий к нормализации отношений с Китаем. В воззвании ЦК МНР к китайскому народу от 25 марта 1921 г. подчеркивалось, что «междоусобная борьба между Китаем и Монголией, возникающая по прихоти авантюристов и военных узурпаторов, в настоящий момент и в будущем будет крайне вредна для обеих сторон и поведет неизбежно к иностранному вмешательству и

---

[1] «Бюллетени информационного отдела Дальневосточного секретариата Коминтерна», 1 ноября, 1921.

[2] Там же.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 296, л. 99.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 296, л. 100.

[5] *Г. С. Матвеева, П. П. Старицын.* Народная демократия и строительство социализма в МНР. М., 1965, стр. 53—54.

усилению их власти над Республикой»[1]. Милитаристская клика Ужан Цзо-лина игнорировала разумные предложения Монголии. Так, опираясь на помощь и поддержку РСФСР и ДВР и преодолевая огромные трудности, молодое монгольское государство сумело отбить агрессивные наскоки милитаристов, отстоять свою свободу и независимость и выйти на широкую дорогу социалистического развития.

---

[1] «Народы Дальнего Востока», 1921, № 1, стр. 98—99.

Свердловский ордена Трудового Красного Знамени
Горный институт им. В. В. Вахрушева

Вып. 4 Из истории уральских и сибирских партийных организаций 1970

М. И. ЧЕРНЫШЕВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА ПО ВОСПИТАНИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ТРУДА В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Воспитание социалистической дисциплины труда является составной частью социалистического и коммунистического строительства. Весной 1918 г. в работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин писал: «Надо закрепить то, что мы сами отвоевали, что мы сами декретировали, узаконили, обсудили, наметили,— закрепить в прочные формы повседневной трудовой дисциплины. Это — самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только решение ее даст нам социалистические порядки»[1]. В авангарде формирования новой трудовой дисциплины выступает рабочий класс как руководящая социальная сила общества. Направляет этот процесс Коммунистическая партия.

Исключительное значение воспитание социалистической дисциплины труда приобрело в период первой пятилетки. Индустриализация страны сопровождалась, с одной стороны, техническим перевооружением народного хозяйства, которое предъявляло повышенные требования к дисциплине и самодисциплине трудящихся, с другой — численным ростом рабочего класса, пополнением его рядов за счет мелкобуржуазных слоев населения, которые вносили в рабочую среду элементы анархичности и расхлябанности.

Большая работа по воспитанию новой трудовой дисциплины проводилась на предприятиях Урала, который начал превращаться в мощную индустриальную базу страны. За годы первой пятилетки в Уральской области в строй вступило 149 новых предприятий, 95 предприятий подвергалось коренной реконструкции. Технический уровень хозяйства неизмеримо повысился. Изменился и состав рабочего класса. Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве увеличилась более чем в два раза — с

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 202—203.

614,1 тыс. в 1928 г. до 1448,2 тыс. человек в 1932 г.[1]. Основным социальным источником нового пополнения было сельское население. Так, только в 1931 г. в результате организованного набора рабочей силы на основе договоров с колхозами заводы, фабрики, шахты и стройки Урала получили 314 тыс. человек,[2] в 1932 г.— 154872 человека[3]. На новых предприятиях выходцы из крестьян составляли большую часть трудящихся. Например, из 621 рабочего челябинского завода ферросплавов, вступившего в строй в 1931 г., 506 человек (или 81%), имели крестьянское происхождение[4]. Не обладая надлежащей организованностью, такие рабочие допускали прогулы, опоздания, небрежно обращались с материалами, оборудованием и нарушали другие правила внутреннего распорядка предприятий. При изучении данной проблемы нельзя не учитывать и особенности жизни потомственных рабочих Урала. Многие из них к началу пятилетки были связаны с землей, имели личные хозяйства, что нередко отвлекало их от общественного производства.

Нарушения трудовой дисциплины, особенно прогулы, тормозили выполнение производственных планов. За 1927—1928 гг. по тресту «Уралмет» было зарегистрировано 461000 прогулов. Потери от них составляли 5190000 рублей. Кроме того, сами рабочие не дополучили заработной платы из-за этих прогулов на сумму 1029000 рублей[5].

Во главе воспитания социалистической дисциплины труда выступили партийные организации. Предполагая значительный приток новых рабочих преимущественно из деревни и из числа кустарей и ремесленников, IX областная партийная конференция при утверждении пятилетнего плана развития народного хозяйства Урала признала важнейшей обязанностью парторганизаций обеспечить «коренное перевоспитание вновь пришедших на заводы рабочих и привлечение их к активному и сознательному участию в социалистическом строительстве»[6]. В постановлении бюро обкома партии (1931) об итогах выполнения промфинплана на Урале за особый квартал говорилось, что «особой задачей парторганизаций должна быть борьба за внедрение трудовой и производственной дисциплины и персональной ответственности среди рабочих»[7]. Не сходил с повестки дня этот вопрос и в низовых партийных организациях. Так, при обсуждении итогов XV съезда ВКП(б) в 1928 г. коммунисты одного из цехов Нижнетагиль-

---

[1] «Хозяйственное и культурное строительство на Урале». Свердловск, 1934, стр. 163.

[2] ГАСО, ф. 88, оп. 14, д. 50, л. 917.

[3] ЦГАОР, ф. 5515, оп. 17, д. 399, л. 157.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3761, л. 66.

[5] ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 305, л. 55.

[6] IX Уральская областная конференция ВКП(б). Изд. Уралобкома ВКП(б), Свердловск, 1929, стр. 402.

[7] Итоги выполнения промфинплана на Урале за особый квартал. Изд. Уралобкома ВКП(б), Свердловск — Москва, 1931, стр. 4.

ского металлургического завода постановили усилить борьбу «с разгильдяйством» и безответственностью, с нарушениями производственной дисциплины путем создания вокруг этих вопросов широкого общественного мнения»[1]. В феврале 1929 г. бюро партколлектива Златоустовского механического завода специально рассматривало вопрос о прогулах. Было принято решение обсудить этот вопрос на партийном активе, на собраниях партийных ячеек, общих собраниях рабочих, провести беседы, развесить лозунги и плакаты, диаграммы прогулов за квартал и месяц; включить в борьбу с прогулами печать, радио; клубам организовать показательный товарищеский суд над прогульщиками[2]. Аналогичные решения были приняты на партсобрании построечной ячейки «Химстроя» в Березниках в августе 1929 г.[3] и других организациях.

Значительный подъем в партийно-массовой работе обычно наблюдался во время важнейших хозяйственно-политических кампаний: при подготовке к празднованию знаменательных дат, к партийным съездам, конференциям. Например, накануне XI областной конференции вопросы трудовой дисциплины были обсуждены в партийных ячейках крупносортного цеха ВИЗа, электромонтажной группы Уралмашстроя[4]. При обсуждении тезисов докладов к XVII общепартийной конференции в 1932 г. во всех организациях «Уралмашстроя» прошли открытые партийные собрания, в которых приняли участие 1437 человек. В прениях выступило 157 человек. Многие из них говорили о коммунистическом отношении к труду, о состоянии и мерах улучшения производственной дисциплины[5].

Плодотворное влияние на постановку работы оказали партийные группы. Партийная группа шахты им. В. Володарского сумела перевоспитать злостного прогульщика забойщика Козлонова[6]. Полностью изжила прогулы на ВИЗе в 1932 г. партгруппа т. Дорощенко в динамном цехе, систематическую работу с нарушителями трудовой дисциплины проводили партгруппа т. Дьякова в сутуночном цехе и т. Успенских на электропечи[7]. На Уралмашзаводе показательной работы достигла сменная партгруппа в сталелитейном цехе во главе с партгрупоргом т. Надзирадзе. Каждую пятидневку партгруппа обсуждала выполнение производственной программы и роль коммунистов на производстве. Все члены партгруппы участвовали в социалистическом соревновании. Когда в мае 1932 г. коммунист Бабурин совершил прогул, то его поступок был осужден в партгруппе и по настоянию това-

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 82, л. 34.
[2] ПАСО, ф. 4, оп. 7, д. 131, л. 27.
[3] ПАСО, ф. 4, оп. 7, д. 122, л. 49.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3761, л. 6.
[5] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 823, л. 138—139.
[6] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3761, л. 10.
[7] *Н. Масленников.* «Большевики ВИЗа в борьбе за экономическую независимость СССР». Свердловск — Москва, 1932, стр. 52, 55, 56.

рищей провинившийся был лишен ударного удостоверения [1]. Изжила прогулы и опоздания партгруппа механических мастерских на Губахинском коксохимстрое [2].

Повышалась авангардная роль коммунистов. Многие члены и кандидаты в члены партии воздействовали на окружающих словом и личным примером безупречного соблюдения трудовой дисциплины. Такими были коммунисты Фирсов и Шишкин на сепараторном заводе им. Ф. Э. Дзержинского в г. Перми, которые систематически следили за состоянием трудовой дисциплины. Многотиражная газета «Сепаратор» призывала читателей последовать их достойному примеру [3]. Положительно зарекомендовала себя член ВКП (б) Николаева на «Уралмедьстрое». Будучи профоргом в бригаде каменщиков и бетонщиков, она сама образцово соблюдала дисциплину и добилась ликвидации прогулов в производственном коллективе [4].

Большая роль в воспитании нового отношения к труду отводилась профсоюзным и комсомольским организациям. Наиболее эффективной организованной формой решения этой сложной и трудной задачи по профсоюзной линии были производственные совещания. Они занимались не только конкретными вопросами производства, в их постоянном внимании находились и вопросы дисциплины. Так, за семь месяцев 1932 г. на производственных совещаниях «Уралмашстроя» было рассмотрено 259 вопросов о дисциплине, не считая проблем выполнения производственной программы, качества продукции, соревнования, организации заработной платы и труда, которые также способствовали формированию социалистического отношения к труду [5]. Участие рабочих в работе производственных совещаний из года в год возрастало. Если в 1927—1928 гг. в производственных совещаниях по Уральской области участвовало 10—20% рабочих, то в 1929 г. во время смотра работы производственных совещаний, организованного газетой «Правда», в них участвоваво до 60% рабочих, а в Златоустовском, Нижнетагильском, Свердловском и Пермском округах — даже до 75% [6]. После XVI съезда партии широкое развитие получили групповые производственные совещания в бригадах и на участках. В результате за второе полугодие 1930 г. и 1931 г. участие рабочих в них только по объединению «Востокосталь» возросло с 18 тыс. до 57212 тыс. человек [7]. Следовательно, возможности влияния производственных совещаний расширялись.

Комсомольские организации создавали комсомольские по-

---

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 832, л. 49.
[2] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 793, л. 153.
[3] «Сепаратор». Орган парткома и завкома сепараторного завода им. Ф. Э. Дзержинского, 22 июня 1931 г.
[4] «Гигант». Орган Красноуфимского РК ВКП(б), 27 июня 1932 г.
[5] ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 242, л. 18.
[6] ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 166, л. 51.
[7] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3761, л. 11.

сты, контролировавшие работу уральских строек. Для ведения массово-разъяснительной работы по месту жительства формировались особые комсомольские бригады. В период подготовки к майскому Пленуму ЦК ВЛКСМ 1931 г., обсуждавшему участие уральского комсомола в создании Урало-Кузбасса, комсомольцы Высокогорского рудника организовали пять таких бригад. Они боролись с прогульщиками, пьянством, рваческими настроениями среди отдельных рабочих[1].

Активное участие в укреплении трудовой дисциплины принимали женщины. В Свердловске, Нижнем Тагиле, Перми к концу 1931 г. насчитывалось 152 женские бригады по борьбе с прогулами, браком и другими отрицательными явлениями, мешавшими нормальной производственной жизни[2].

Методы воспитания социалистической дисциплины труда были разнообразными. Первыми среди них были меры убеждения. Этой цели служили разъяснение необходимости укрепления дисциплины для развития социалистического хозяйства, наглядная агитация, печать. Интересная работа в 1929 г. проводилась в г. Асбесте. По инициативе коммунистов и с полного одобрения рабочих здесь было введено «дисциплинированное положение». По случаю этого события на одно из воскресений назначался «праздник труда», во время которого предполагалось организовать демонстрацию и митинг, принять трудовую присягу комсомола, отметить героев труда. Для выявления нарушений дисциплины время от времени организовывались «боевые тревоги» рабочих корреспондентов, выпускавших стенгазеты и листки о трудовой дисциплине»[3].

Массовый характер носили прогулы на почве пьянства и соблюдения религиозных праздников. Поэтому областная газета «Уральский рабочий» организовывала в предпраздничные дни многочисленные рейды по предприятиям, знакомилась с настроениями рабочих. Материалы рейдов широко освещались на страницах газеты. В марте 1930 г. в связи с приближением религиозного праздника пасхи «Уральский рабочий» призывал: «Против пасхи, за пятилетку в четыре года!», «В дни пасхи ни одного прогульщика!»[4]. На предприятиях в такие дни проводились беседы и лекции на антирелигиозные и антиалкогольные темы, в клубах — вечера отдыха, демонстрировались кинофильмы. Во время больших религиозных праздников в отдельных районах по настоянию коммунистов запрещалась продажа спиртных напитков.

Важным средством повышения трудовой активности масс является социалистическое соревнование. Оно служит повыше-

---

[1] «Как готовится уральский комсомол к Пленуму ЦК». Свердловск, 1931, стр. 23.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3761, л. 12.

[3] «Уральский рабочий», 24 мая, 1929 г.

[4] «Уральский рабочий», 1930 г., 28 марта.

нию производительности труда, воспитанию сознательного отношения к труду.

Соревнование на Урале из года в год расширялось, охватывало все новые и новые слои трудящихся; совершенствовались и его формы.

В январе 1931 г. соревнованием в промышленности было охвачено 51%, а к январю 1933 г., т. е. к концу пятилетки,— 55,8% [1]. Повсеместно возникали ударные и хозрасчетные бригады, развивалось движение за встречный промфинплан, «общественные буксиры». Порой партийные и профсоюзные организации связывали массовую работу по развитию соревнования непосредственно с укреплением дисциплины. Так было, в частности, на «Уралмашстрое» в 1930 г., когда работа по освобождению ударных бригад от «лжеударников» (что само по себе повышало авторитет добросовестного и безупречного труда) сопровождалась кампанией за стопроцентную явку на работу. Широко использовались здесь и различные меры поощрения. В течение этого же года за примерную дисциплину было выплачено 5500 руб. премий.

Не меньшее значение имело создание благоприятных условий труда и быта для трудящихся. Пятилетним планом предусматривалось для уральской промышленности, не считая новостроек, 2,3 млн. руб. специальных средств на улучшение условий труда и обеспечение техники безопасности [2]. Одновременно неуклонно повышалась заработная плата, развертывалось жилищное строительство, улучшалось общественное питание, а также снабжение рабочих продуктами питания и промышленными товарами. Положительную роль сыграло и совершенствование организации труда, выразившееся в ликвидации обезлички, в закреплении за каждым рабочим оборудования и инструментов. Это усиливало личную ответственность рабочих, повышало их организованность. Примером может служить бригада лысьвенского сталевара Труханова, отличавшаяся четкой организацией труда внутри бригады и спаянностью коллектива. Каждый рабочий в этой бригаде знал свои обязанности и рабочее место. На работу приходили заблаговременно и знакомились с обстановкой до начала смены. Перед началом работы проводили краткое совещание и уточняли задание. После окончания смены снова собирались на 10—15 минут, обсуждали результаты труда. Бригада не только не имела прогулов, опозданий и каких-либо других нарушений производственной дисциплины, но и поставила на правильный путь молодых своих членов — Мухатетнурова и Юзганова. Первый в прошлом был осужден за хулиганские действия, однако впоследствии стал первым подручным сталевара в бригаде. Имея ранее плохую репутацию, Юзганов в бригаде

---

[1] «Хозяйственное и культурное строительство на Урале», стр. 166.
[2] ПАСО, ф. 1020, по. 6, д. 5, лл. 29, 30.

Труханова освоил производство и стал вторым подручным сталевара[1].

В воспитании социалистической дисциплины труда большое место занимала борьба с ее нарушениями с помощью общественного воздействия и административных мер. Прогульщики резко критиковались на собраниях и совещаниях, в печати и «живых газетах». Проводились собрания жен рабочих, демонстрации школьников против прогулов. На ряде заводов существовали специальные «ворота прогульщиков» с соответствующим художественным оформлением, на «Челябтракторострое» велась борьба «с лежебоками» в бараках, в Калате, Златоусте и других городах инсценировались «похороны прогульщиков», на «Уралмедьстрое» практиковались «черные доски», «черные столбы»; фамилии прогульщиков помещались на домах, где они жили, прогульщикам преподносили рогожные знамена и т. д. Злостные прогульщики представали перед товарищескими судами.

На машиностроительном заводе в Перми общественные организации противопоставляли передовиков и ударников производства лодырям и рвачам, сочетая созидательное и критическое направление в трудовом воспитании. Рядом с галереей передовиков здесь можно было увидеть «кладбище прогульщиков», портреты прогульщиков наклеивались на спичечных коробках, портреты пьяниц — на винных бутылках. И эти меры оказывали свое воздействие. Неисправимым прогульщиком слыл рабочий Петров. Его портрет помещали и на «кладбище прогульщиков», и на спичечных коробках, и демонстрировали в кино. Нашел в себе силу воли этот человек и исправился. Постепенно он втянулся в общественную работу и стал одним из лучших ударников производства. Так же сложилась судьба рабочего Подшивалова и многих других[2]. Неплохих результатов добились горняки Челябинских копей во время культмесячника накануне XI областной и XVII всесоюзной партконференций. Культмесячник являлся своеобразным смотром работы культурных учреждений предприятий. Прогулы снизились за время месячника с 5 до 0,7 дня на одного рабочего[3].

Однако меры убеждения не были единственными в воспитании новой дисциплины. В. И. Ленин в свое время требовал объявления беспощадной войны, войны не на жизнь, а на смерть, против лодырей, тунеядцев и всех тех, кто хотя бы на время отлынивал от общественного труда и тем препятствовал продвижению советского общества по пути социализма. Поэтому вполне оправданными были административные меры наказания: постановка на вид, выговоры и увольнения. Например, по тресту

---

[1] «Хозяйственное и культурное строительство на Урале», стр. 168.
[2] Журнал «Уральский коммунист», 1932, № 6, стр. 23—28.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3761, л. 124.

«Уралмет» за нарушения внутреннего распорядка, включая и невыходы на работу без уважительных причин, в 1929 г. ежемесячно выносилось около 11 тыс. выговоров, а уволено с работы за октябрь, ноябрь, декабрь — 4416 человек[1]. На Златоустовском металлургическом заводе в 1931 г. было уволено по этой причине 2111 человек[2]. Более того, в ноябре 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «об увольнении за прогул». В инструкции к этому постановлению говорилось, что увольнение производится сразу после установления неуважительного характера причины невыхода на работу. В личных документах увольняемого указывалась причина увольнения.

Таким образом, возглавляя процесс социалистических преобразований, партийные организации Урала сделали немало в воспитании социалистического отношения к труду, формировании новой трудовой дисциплины, основанной не на кнуте и голоде, как это было при крепостническом и капиталистическом строе, а на убежденности в значимости своего труда. Результатом этих усилий был рост трудовой активности рабочего класса, укрепление дисциплины на уральских предприятиях. Если в 1925—1926 гг. в среднем на одного рабочего в крупной промышленности приходилось 11,7; в 1926—1927 гг.— 10,0; в 1927—1928 гг.— 8,2 прогула, то в первый год пятилетки (1929 г.) на одного рабочего приходилось 6,6 прогула, в 1930 г.— 6,1; в 1931 г.— 6,8; в 1932 г.— 5,3[3]. Конечно, нарушения трудовой дисциплины были еще весьма значительны, но тенденция к их сокращению была несомненной.

Воспитание социалистической дисциплины труда не утратило своего значения и в период коммунистического строительства. Сознательная дисциплина — залог умножения общественного богатства, роста материального благосостояния и культурного уровня советских людей. Прежний опыт по ее укреплению может быть использован и в настоящее время.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3768, л. 172.

[2] Подсчитано по данным ПАСО, ф. 4, оп. 10, д. 382, л. 51.

[3] Уральское хозяйство в цифрах 1930 г. Выпуск III. Труд на Урале. Свердловск, 1929, стр. 129; Уральское хозяйство в цифрах 1931—1932 гг. Свердловск. 1933, стр. 142.

Свердловский ордена Трудового Красного Знамени
Горный институт им. В. В. Вахрушева

Вып. 4 Из истории уральских и сибирских партийных организаций 1970

А. П. ЧЕРНЫХ

БОРЬБА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИСПАНИИ ПРОТИВ СЕКТАНТСКОЙ ПОЛИТИКИ АНАРХИСТОВ[1] В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЙНЫ (ИЮЛЬ 1936 г.— МАЙ 1937 г.)

18 июля 1936 г. мирное развитие буржуазно-демократической революции в Испании было прервано. Реакционная военщина подняла мятеж. Опираясь на поддержку фашистских правительств Германии и Италии, она намеревалась ликвидировать Народный фронт и установить в стране военно-фашистскую диктатуру.

Замыслы мятежников встретили решительный отпор со стороны народных масс. Трудовая Испания, руководимая Коммунистической партией (КПИ) и другими организациями рабочего класса, единодушно поднялась против фашистской угрозы. В первые же дни мятежа на сборные пункты явилось более 300 тыс. мужчин и женщин[2]. Созданные рабочими организациями отряды народных милиций в несколько дней подавили очаги мятежа в основных промышленных центрах страны, и лишь начавшаяся итало-германская интервенция спасла мятежников от полного поражения.

Движение в защиту республики сопровождалось широкой инициативой масс по обновлению государства и революционно-демократическому преобразованию общества. Власть на местах переходила в руки антифашистских комитетов. Одновременно трудящиеся овладевали имуществом бежавших фашистов, помещичьей землей, крупной промышленностью. Но раздробленность рабочего движения и беспомощность левореспубликанского правительства привели к тому, что организованная различными партиями и группировками борьба приняла хаотический

[1] Под анархистами в данной статье подразумеваются как члены Федерации анархистов Иберии (ФАИ), так и члены руководимого ими профсоюзного центра — Национальной конфедерации труда (НКТ).

[2] *Х. Гарсиа.* Испания XX века. М., 1967, стр. 214.

характер. Каждая область, а внутри нее каждая партия, профсоюз, вели борьбу на свой страх и риск. Между тем, интервенция создала новую обстановку в стране. Испанская республика поставлена была перед необходимостью ведения «большой» войны. Регионализм и местничество, противопоставление корпоративных интересов отдельных организаций общим задачам антифашистской борьбы грозили поражением республики. В таких условиях организация борьбы против фашизма являлась не столько военной, сколько политической проблемой. Победа могла быть достигнута только при единстве политического руководства и сплочении всех антифашистских сил. Эту проблему КПИ выдвинула на первый план и подчинила ей всю свою деятельность [1].

Укрепление единства антифашистских сил в первый период войны упиралось прежде всего в сектантские действия НКТ — ФАИ. Поэтому преодоление их и вовлечение анархо-синдикалистских масс в единый фронт борьбы против фашизма занимали большое место в деятельности КПИ.

Трудность решения этой задачи определялась тем, что длительное влияние анархистов породило в рабочем движении Испании устойчивые сектантские настроения. Накануне решающей схватки с фашизмом лидеры НКТ поставили эту крупнейшую организацию рабочего класса вне рядов Народного фронта. Развал государственного аппарата на местах и в центре с началом мятежа и вовлечение в борьбу миллионов масс, в значительной мере стихийное, усилили питательную почву для процветания анархии. Но главная трудность состояла в том, что коммунисты и анархисты имели глубокие разногласия в оценке характера войны и революции.

Анархисты не признавали буржуазно-демократического характера революции и отрицали необходимость защиты пролетариатом демократической республики [2]. Разгром мятежников они считали делом предрешенным, поэтому основные усилия их были направлены не на организацию сопротивления фашизму, а на свершение «социальной революции», то есть на захват власти и средств производства в свои руки. Целью «социальной революции» они считали создание в стране анархо-коммунистического общества, что означало «...уничтожение частной собственности, государства, принципа власти и, следовательно, классов...» [3]. Экстремистские вожди ФАИ, опираясь на специальные группы, а также на деклассированные и уголовные элементы, которые были постоянными спутниками анархистского движе-

---

[1] *М. Эрколи.* Борьба испанского народа против фашистских мятежников. «Большевик», 1936, № 19, стр. 17.

[2] См. статью «Бесполезность правительства» в «Solidaridad Obrera» за 3 сентября 1936 г. J. Peirats. La CNT en la Revolucion Española. T. I—III. Toulouse, 1951—1953, t. 1, p. 207—209.

[3] См. решения Сарагосского съезда НКТ (май, 1936 г.), там же, p. 122.

ния, ускоренными темпами стали вводить «анархистский коммунизм» на местах. На практике это вылилось в насильственные «коллективизации» в городе и деревне, в сопротивление созданию регулярной армии, в бесчинства в тылу и т. п. Группы ФАИ усиленно готовились ко «второму туру» революции, то есть к борьбе против Народного фронта и политических партий, имея целью даже путем военного столкновения с другими антифашистскими силами навязать Испании открытую анархистскую диктатуру [1].

Рядовые члены НКТ и многие функционеры в первое время искренне верили, что осуществление анархистской программы — революционная задача настоящего момента. Виднейший представитель революционного крыла анархизма Б. Дуррути заявил М. Е. Кольцову, бывшему в те дни корреспондентом «Правды» в Испании, что после взятия Сарогоссы он провозгласит там свободную коммуну, которая не будет подчиняться ни Мадриду, ни Барселоне, а если ему помешают в этом, то пойдет и на Мадрид [2]. Заблуждаясь относительно целей борьбы, революционные массы НКТ, тем не менее, признавали необходимость сотрудничества с другими антифашистскими силами для окончательного разгрома фашизма. Отражая эти настроения и считаясь с возможностями анархистов [3], большинство руководства НКТ и часть вождей ФАИ официально высказались за сотрудничество. Это не означало, что они отказались от программы-максимум или от поддержки анархистских экспериментов. Нет, они рассчитывали навязать свою гегемонию другим антифашистским силам обходным путем — созданием организаций типа Центрального комитета милиции Каталонии [4]. (См. ниже).

В отличие от анархистов Коммунистическая партия занимала ясные позиции в вопросе о характере войны и революции. Еще до мятежа она разъясняла массам, что борьба в Испании идет между демократией и фашизмом и что задачей момента является не завоевание пролетариатом власти, а защита республики и демократических свобод [5]. В первом с начала войны программном документе — Манифесте ЦК от 18 августа 1936 г.— компартия делала важнейший вывод о том, что начавшаяся в стране гражданская война между демократией и фашизмом преврати-

[1] *Д. Ибаррури.* Единственный путь. М., 1962, стр. 367.

[2] *М. Кольцов.* Избранные произведения. М., 1957, т. 3, стр. 40.

[3] «В смысле революционном (читай: анархистском.— *А. Ч.*) Каталония — оазис в Испании»,— признается в одном из первых после мятежа документов Каталонского обкома НКТ (J. Peirats. Op. cit., t. 1, p. 94). Виднейшая анархистка Ф. Монтсени говорила позже: «Если бы 19 июля мы пошли на всеобщую реализацию наших идеалов, дело имело бы катастрофические последствия» (Ibid., t. II, p. 157).

[4] Война и революция в Испании. 1936—1939 гг. Т. I. Настоящий труд подготовлен комиссией под председательством Долорес Ибаррури. М., 1968, стр. 324.

[5] Х. Диас. Под знаменем Народного фронта. Речи и статьи. 1935—1937 гг. М., 1937, стр. 103.

лась в войну за национальную независимость, приобрела национально-революционный характер. На основе анализа характера войны излагались цели и задачи борьбы, выдвигался лозунг расширения Народного фронта[1].

Стратегическая линия коммунистов нашла полное отражение в решениях мартовского (1937 г.) Пленума ЦК КПИ. Она исходила из того, что главный вопрос революции — вопрос о власти — решался в ходе национально-революционной войны. Только военная победа могла открыть путь для завершения буржуазно-демократической революции и завоевания власти пролетариатом. Поражение в войне означало бы поражение революции. Таким образом, вооруженная борьба против фашизма являлась главной революционной задачей момента[2]. Борьбу за национальную независимость, защиту интересов всего народа коммунисты рассматривали как исторический долг пролетариата, который отвечал его классовым интересам.

В решениях Пленума линия компартии была выражена четкой формулой: «Выиграть войну — таков высший закон, определяющий действия нашей партии в данный момент»[3]. КПИ оставалась верна этой линии на протяжении всей войны. Этой линии соответствовала военно-политическая программа коммунистов, намеченная в Манифесте ЦК от 18 августа 1936 г. и конкретизированная затем (18 декабря 1936 г.) в воззвании ЦК КПИ «Восемь условий победы».

Но для победы необходимо было расширить социальную базу борьбы внутри страны и базу международной солидарности[4]. Лозунг социалистической революции был бы преждевременным. Основным условием для того, чтобы привлечь широкие массы рабочих, крестьян и мелкой буржуазии к вооруженной борьбе, являлось, по мнению коммунистов, развитие революции путем преобразования буржуазно-демократической республики в демократическую республику нового типа, в которой была бы уничтожена материальная база реакции и фашизма, а массы обладали подлинной политической демократией. «...Лозунг демократической и парламентской республики нового типа и нового социального содержания,— говорилось в решениях мартовского Пленума,— является тем лозунгом, вокруг которого могут и должны сплотиться все трудящиеся...»[5].

Стратегическая линия КПИ определяла тактику, которая

---

[1] «Mundo Obrero», 18. VIII, 1936.

[2] «Решающее — выиграть войну,— говорил X. Диас на митинге 9 мая 1937 г.,— выигрывая ее, мы выигрываем революцию». «Коммунистический интернационал», 1937, № 5, стр. 66.

[3] Испанская компартия борется за победу. Сборник материалов. М., 1938, стр. 43.

[4] *X. Диас.* Учение Сталина — путеводная звезда испанских коммунистов. «Коммунистический Интернационал», 1939, № 11—12, стр. 73.

[5] Испанская компартия борется за победу. Стр. 42—43.

была направлена на обеспечение единства рабочего класса с широкими непролетарскими массами от крестьян до отдельных слоев средней буржуазии[1] и на достижение революционного единства рядов самого пролетариата, как важнейшего условия его гегемонии в антифашистском блоке. Наилучшей политической формой сотрудничества антифашистских сил коммунисты считали Народный фронт. Целостность Народного фронта, по мнению КПИ, являлась «гарантией и основным политическим условием победы»[2]. Эта форма еще до мятежа получила признание народных масс. Не случайно в первые дни мятежа революционное единство масс вылилось в создание широкой сети комитетов Народного фронта вместо старых органов власти или параллельно с ними. В ряде районов это движение увлекло за собой и анархо-синдикалистов[3]. Создание комитетов Народного фронта способствовало подчинению корпоративных интересов отдельных организаций и партий задачам общей борьбы с фашизмом и этим в какой-то мере компенсировало беспомощность центрального правительства в начале войны. Компартия рассматривала комитеты Народного фронта как опорные пункты по организации поддержки народными массами усилий правительства, направленных на отпор врагу, и «боролась за то, чтобы движение Народного фронта стало могучим рычагом в революционной мобилизации масс»[4]. Коммунисты призывали к созданию таких комитетов по всей стране[5].

Единство Народного фронта прежде всего зависело от единства рабочего класса, от сотрудничества его партий и организаций. Поэтому, борясь за расширение и укрепление Народного фронта, КПИ одновременно добивалась создания единой партии пролетариата, единого профсоюзного центра, единой пролетарской молодежной организации.

Успех проведения стратегической линии в жизнь зависел в конечном счете от деятельности самой коммунистической партии, от ее способности правильно применить марксистско-ленинское учение о революционной войне к конкретной обстановке антифашистской борьбы в Испании, от ее умения дать массам правильные лозунги и мобилизовать их на выполнение выдвинутых обстановкой задач, от гибкости ее тактики.

К началу мятежа компартия превратилась в крупную политическую силу страны. С февраля по июль 1936 г. ее ряды увеличились с 30 тыс. до 102 тыс. членов. 17 депутатов представляли КПИ в парламенте[6]. Однако коммунистам приходилось дей-

---

[1] *Х. Диас.* Учение Сталина — путеводная звезда испанских коммунистов. «Коммунистический Интернационал», 1939, № 11, 12, стр. 75.

[2] Испанская компартия борется за победу. Стр. 42.

[3] Война и революция в Испании. Стр. 256.

[4] *Х. Диас.* Учение Сталина — путеводная звезда испанских коммунистов.— «Коммунистический Интернационал», 1939, № 11—12, стр. 76.

[5] «Mundo Obrero», 26. VIII, 14. IX 1936.

[6] Война и революция в Испании. Стр. 89—90.

ствовать в трудных условиях. Во-первых, они имели слабые позиции в профсоюзах — большинство организованного пролетариата находилось под влиянием анархистов и «левого» крыла Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП). Это обстоятельство порождало у некоторых руководящих деятелей НКТ — ФАИ и ИСРП пренебрежительное отношение к КПИ[1]. С другой стороны, пытаясь сохранить свою монополию на руководство профсоюзными центрами и рабочим движением в целом, анархисты и социалисты всячески препятствовали работе коммунистов в профсоюзах, армии, обвиняя их в «прозелитизме», то есть «ловле душ».

Другим «узким местом» в деятельности КПИ была малочисленность теоретически подготовленных кадров марксистской интеллигенции[2]. Для работы в армии и госаппарате, в промышленности и в деревне, в профсоюзах и комитетах Народного фронта — повсюду требовались партийные кадры, способные разобраться в сложной обстановке и увлечь за собой массы. Партии приходилось решать задачи, с какими она до сих пор не сталкивалась. Между тем, теоретическая работа в партии отставала от быстрого роста ее рядов. Мартовский (1937 г.) Пленум ЦК КПИ признал усиление теоретической работы внутри партии безотлагательной и чрезвычайной задачей»[3]. В условиях войны и острой внутриполитической борьбы теоретическая слабость кадров порождала порою промахи, перегибы или сектантские настроения[4]. Однако эти ошибки и недостатки, хотя и затрудняли деятельность КПИ, не могли оказать большого влияния на ход войны и ее развязку. В целом КПИ располагала боевыми инициативными кадрами, в нее вливалась лучшая, наиболее политически зрелая часть рабочего класса, которая в борьбе приобретала опыт и вносила элементы организованности, дисциплины и духа единства в ряды антифашистских борцов. Большую помощь в разработке программы и тактики КПИ оказывал Коминтерн[5].

Успешной борьбе КПИ за укрепление единства антифашистских сил способствовало создание организации Объединенной

---

[1] Анархистская газета «НКТ» писала о коммунистах (сентябрь, 1936 г.): «...Чужаки, находящиеся в смехотворном меньшинстве, хотят, чтобы мы признали их мандаты. Они «неконтролируемые массами» хотят руководить, а мы только повиноваться». (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 99, л. 19).

[2] *Д. Ибаррури.* Единственный путь. М., 1962, стр. 374.

[3] «Коммунистический Интернационал», 1937, № 4, стр. 79. В сб. «Испанская компартия борется за победу» (стр. 52) переведено: «практически важная задача».

[4] *М. Т. Мещеряков.* Коммунистический Интернационал и борьба Компартии Испании против фашизма (1936—1939 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1969, № 2.

[5] *М. Т. Мещеряков.* Коммунистический Интернационал и борьба Компартии Испании против фашизма (1936—1939 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1969, № 2.

социалистической молодежи (ОСМ)[1] и Объединенной социалистической партии Каталонии (ОСПК). Кроме того, что они были проводниками политической линии КПИ, огромное значение имел и сам факт объединения. В борьбе против анархистской стихии особенно велика роль ОСПК. Она действовала в цитадели испанского анархизма — в Каталонии.

ОСПК образовалась 23 июля 1936 г. на основе принципов марксизма-ленинизма в результате слияния Коммунистической партии Каталонии, каталонской секции ИСРП, Социалистического союза Каталонии и Каталонской пролетарской партии. То была исторически необходимая мера, выразившая стремление пролетарского авангарда Каталонии к революционному единству. Последующие события подтвердили своевременность такого объединения: ОСПК стала основной силой в борьбе за вовлечение Каталонии в общий фронт борьбы с фашизмом, главной преградой на пути губительных «социальных» экспериментов ФАИ. Важнейшим результатом создания ОСПК явился сдвиг рабочего движения Каталонии в истинно революционное направление, что нашло свое выражение в быстром росте рядов ОСПК и руководимого ею Всеобщего союза трудящихся Каталонии (ВСТК). Если четыре рабочие партии до объединения насчитывали вместе взятые 6 тыс. членов, то в июле 1937 г. в ОСПК их было уже около 60 тыс.[2]. В ВСТК перед мятежом состояло 60 тыс. человек, в сентябре 1936 г.— уже 350 тыс., почти столько же, сколько и в НКТ (361 тыс. в октябре 1936 г.)[3]. Таким образом, с созданием ОСПК прекращено монопольное положение анархо-синдикалистов в руководстве рабочим движением в наиболее развитом промышленном районе страны.

Занимая противоположные позиции по основным вопросам войны и революции, КПИ и ОСПК не могли не столкнуться с анархистами как в постановке общих политических проблем (Народный фронт, единство организаций пролетариата), так и в решении практических задач[4].

Сектантская позиция анархистов в постановке политических проблем в первый период войны была охарактеризована Х. Диасом на Пленуме ЦК КПИ (март 1937 г.) как эволюция от лозунга «самодовлеющей» НКТ через лозунг «революционного союза ВСТ и НКТ» к образованию правительства профсоюзного типа

---

[1] ОСМ создана 1 апреля 1936 г. в результате объединения коммунистической и социалистической молодежи. Организационное оформление осуществлено 1 сентября 1936 г.

[2] *Л. В. Пономарева.* Каталонский пролетариат в борьбе за единство. Образование социалистической партии Каталонии. Сб. «Испанский народ против фашизма». М., 1936, стр. 318.

[3] Там же, стр. 320.

[4] В настоящей статье не рассматриваются вопросы борьбы КПИ за Народную армию и установление революционного порядка в тылу, борьбы против экспериментов и дезорганизаторской деятельности групп ФАИ.

с целью немедленного осуществления «социальной революции»[1]. Какой бы софистикой и «революционной» фразой не прикрывались эти лозунги, суть их сводилась к тому, что они были направлены на разрушение Народного фронта и на раскол рабочего движения, так как отталкивали от пролетариата его союзников и натравливали одни группы пролетариата на другие. Это была губительная политика и она, естественно, встретила противодействие КПИ. Причем в первый период войны, когда другие политические партии не проявляли никакой активности[2], основная тяжесть борьбы против раскольнической деятельности НКТ — ФАИ легла на плечи коммунистов.

Два подхода в решении политических проблем особенно явно обнаружились в первые же дни войны в Каталонии. Здесь, как и в других республиканских районах, антифашистские силы по инициативе рабочих партий, составивших затем ОСПК, пытались повысить роль Народного фронта путем создания более представительного Автономного правительства Каталонии (Генералидада), но анархисты помешали этому. Руководители НКТ — ФАИ навязали другим организациям создание Центрального комитета милиции, в руки которого перешла вся фактическая власть. Формально было сохранено каталонское правительство и соблюдена видимость сотрудничества, представители некоторых антифашистских организаций были включены в состав Комитета милиции. Но на деле это был захват власти анархистами, они господствовали в Комитете милиции и до конца сентября 1936 г. диктовали свою политику Генералидаду. Аналогичные комитеты милиции были установлены в ряде провинций Каталонии[3]. В результате деятельность Народного фронта в Каталонии была парализована, область распалась на десятки обособившихся кантонов, не подчинявшихся ни центральному, ни каталонскому правительству, ни даже руководству НКТ — ФАИ.

Установление анархистского диктата в Каталонии явилось следствием неблагоприятного соотношения сил. Большинство организованного пролетариата, сыгравшего авангардную роль в подавлении мятежа, состояло в НКТ. Используя численный перевес милицейских сил и захваченное в ходе боев оружие[4], руководство НКТ — ФАИ оказывало давление на республиканские партии и правительство Каталонии. ОСПК только еще создавалась и не в силах была сама противостоять домогатель-

[1] «Mundo Obrero», 19. III 1937 г.

[2] Только в январе 1937 г. лидеры ИСРП заявили, что социалисты «возвращаются к политической активности», причем «по линии теории и тактики левого крыла» (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 165, л. 40; см. также: К. Л. Майданик. Испанский пролетариат в национально-революционной войне. 1936—1937 гг. М., 1960, стр. 261).

[3] Война и революция в Испании. Стр. 321—324, 333, 337, 341—342.

[4] «Мы были вооружены до зубов»,— хвалился виднейший деятель ФАИ Г. Оливер. (J. Peirats. Op. cit., t. I, p. 163).

ствам анархистов. Она предлагала свою помощь президенту Компанису в установлении и поддержании порядка[1], но он капитулировал перед анархистами. «Компанис,— пишет К. Коломер,— был пленником анархистов»[2].

Образование ОСПК встревожило вождей НКТ — ФАИ. В объединении рабочих партий они не без основания увидели возникающую преграду своему господству. В рядах ФАИ укреплялось мнение, что конфликт между анархистами и коммунистами неизбежен. «Я знаю,— заявил коммунистам Г. Оливер,— вы хотите устранить нас, как русские большевики устранили своих анархистов. Это вам не удастся»[3]. Анархисты не только готовились к новым боям, создавая склады оружия, но и развернули активную террористическую деятельность против активистов ОСПК и ВСТК, сопровождавшуюся сотнями убийств»[4].

Однако ОСПК не дала себя спровоцировать. Ее усилия по организации борьбы с фашизмом и наведению порядка в тылу, борьбы против сепаратизма за установление тесных связей с центральным правительством привлекали симпатии революционных пролетарских масс. Одновременно расширяет свое влияние ВСТК. В короткий срок к нему присоединяются «профсоюзы оппозиции», ранее порвавшие с НКТ, и целый ряд автономных профсоюзов, а после издания декрета об обязательной синдикализации — десятки тысяч ранее неорганизованных рабочих.

С этим не могли не считаться анархисты. 11 августа 1936 г. они дали согласие на создание комитета связи между НКТ — ФАИ и ОСПК — ВСТК. Выразитель экстремистских взглядов анархизма Х. Пейратс вынужден был признать, что ВСТ «начал играть некоторое значение в Каталонии»[5].

Предметом острой политической борьбы между анархистами и коммунистами был вопрос о характере правительства и госаппарата. Позиция КПИ в этом вопросе отвечала задачам укрепления Народного фронта и обеспечения пролетариату союзников в борьбе. Компартия выступала за сильное центральное правительство и готова была поддержать любые меры по упрочению власти и любое по составу правительство, способное вести войну[6]. В начале мятежа КПИ заявила правительству Хираля, что в борьбе против мятежников оно может полностью рассчитывать на поддержку коммунистов[7]. Однако леворесписпубликанское правительство оказалось неспособным объединить усилия разнородных антифашистских сил и организовать отпор фашизму.

[1] *Д. Ибаррури*. Единственный путь, стр. 288.

[2] *E. C. Colomer*. Historia del Anarquismo español. Barcelona, 1956, t. II, p. 218.

[3] *М. Кольцов*. Избранные произведения. М., 1957, т. 3, стр. 21; см. также речь Ф. Монтсени. (J. Peirats. Op. cit., t. II, p. 157).

[4] Война и революция в Испании, стр. 330—331.

[5] J. Peirats. Op. cit., t. I, p. 202.

[6] *Д. Ибаррури*. Единственный путь, стр. 299.

[7] Война и революция в Испании, стр. 259.

В условиях того времени авторитетное правительство могло быть создано только на базе включения в него представителей рабочего класса, решающее влияние которого на ход событий на фронте и в тылу было очевидно для всех.

4 сентября 1936 г. было создано новое правительство, во главе которого стал лидер «левого» крыла ИСРП и один из руководителей Всеобщей конфедерации труда (ВСТ) Ларго Кабальеро. Наряду с представителями других партий Народного фронта в это правительство в качестве министров сельского хозяйства и народного образования вошли коммунисты — Л. Кабальеро согласился возглавить правительство лишь при условии, что в нем будет представлена КПИ [1]. Компартия согласилась на участие в правительстве, руководствуясь лишь интересами достижения победы в войне. Республика нуждалась в правительстве, пользующемся доверием широких общественных слоев. Базой его мог быть только Народный фронт. Состав правительства, в котором большинство принадлежало представителям рабочего класса, отвечал характеру социально-экономических преобразований, происшедших в стране после мятежа. В то же время не исключалось представительство республиканских и национальных сил. Такое правительство, по мнению коммунистов, могло укрепить боевое единство антифашистских сил внутри страны и было бы правильно понято в международном плане [2].

КПИ призвала все партии и организации тесно сотрудничать с правительством Народного фронта, увеличивать его авторитет и силу. Лозунг КПИ «Все с правительством и все через правительство!» означал не только концентрацию всех ресурсов в руках правительства и централизацию руководства войной, но и политическое единство всех антифашистов от баскских националистов до НКТ [3]. Коммунисты считали, что вопрос о сотрудничестве с анархо-синдикалистами должен быть решен и «в верхах» путем привлечения представителей НКТ в центральное правительство, поэтому они настаивали перед Л. Кабальеро сделать все возможное для этого [4].

Коммунистам, конечно, известен был аполитизм доктрины анархистов, но не менее известно им было и то, что в руководящих кругах анархистского движения идет ожесточенная борьба по вопросам тактики. Война убеждала наиболее сознательных в политическом отношении вождей НКТ — ФАИ, что без координации усилий в национальном масштабе победить фашизм невозможно, и компартия приветствовала всякий правильный их шаг к единству. Предложение КПИ о включении представителей НКТ в правительство имело в виду помочь этим склоняющимся к единству лидерам, которые, как правило, были тесно связаны

---

[1] Война и революция в Испании, стр. 263.
[2] «Mundo Obrero», 9 IX 1936.
[3] Ibidem.
[4] История Коммунистической партии Испании, М., 1961, стр. 160.

с рядовыми членами НКТ, преодолеть их сектантские позиции. Создание правительства Народного фронта повсюду было встречено с энтузиазмом, даже в Арагоне[1]. Руководители НКТ не могли не знать этих настроений. И если умеренные лидеры ФАИ все еще считали образцом единства Центральный комитет милиции в Барселоне[2] и не оставляли надежд навязать такое же «единство» Мадриду, то синдикалистски настроенные вожди НКТ все более склонялись к блоку профорганизаций НКТ — ВСТ, направленному как против фашизма, так и против политических партий Народного фронта. Этими разногласиями в руководстве и объясняется противоречивость позиции НКТ в период формирования правительства. В ходе переговоров представители НКТ домогались 6 министерских постов[3], но получили отказ. В конце концов руководящее ядро НКТ — ФАИ решило оставить незапятнанным мундир аполитизма и согласилось лишь на поддержку правительства, которая была оговорена 2 условиями: во-первых, созданием в каждом министерстве совещательных комиссий («хунтос асесорес») из представителей НКТ, ВСТ, Народного фронта и делегатов от правительства; во-вторых, невмешательством государства «в социальный прогресс, осуществляемый и трудящимися Каталонии и Леванты»[4]. Реально разговор шел об установлении контроля профсоюзов над деятельностью правительства, о свободе проведения анархистских «социальных» экспериментов.

Правительство и Народный фронт приняли эти условия[5].

---

[1] «Mundo Obrero», 7. IX 1936. Арагон — провинция Испании, превращенная в одну из крепостей ФАИ.

[2] Выступая по радио 31 августа 1936 г., Ф. Монтсени заявила, что «анархисты в Каталонии дают пример единства». («Mundo Obrero». 1/IX 1936 г.).

[3] Война и революция в Испании, стр. 367.

[4] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 91, л. 124.

[5] В книге «Война и революция в Испании» (стр. 367) утверждается, что «предложение НКТ было единодушно всеми отвергнуто, даже делегатами ВСТ». Однако близкая в то время к Л. Кабальеро газета «Кларидад» признавала несколько дней спустя, что правительство согласилось на создание «хунт», но лидеры НКТ сами охладели к этой идее. Более того, «Кларидад» предлагала НКТ отказаться от их плана создания Национального совета обороны и вернуться к идее «хунт» (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 99, л. 29—30). Нам кажется, в сообщение «Кларидад» можно поверить, исходя из следующих соображений: во-первых, замечание об охлаждении лидеров НКТ к идее «хунт» подтверждается их возросшими требованиями; во-вторых, Л. Кабальеро, определявшему политику правительства, как и другим лидерам ВСТ, идея синдикализации правительства была близка, не случайно «Кларидад» критикует не столько идею профсоюзного правительства, сколько несвоевременность постановки такого вопроса, а также упрекает НКТ в частой смене проектов (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 99, л. 8); в-третьих, «Мундо обреро» (7 сентября 1936), перепечатывая статью из анархистской газеты «НКТ», в которой тоже упоминается о согласии Народного фронта и правительства на создание «хунт», не сочла нужным оспаривать это положение; наконец, передовая статья «Мундо обреро» за 31 октября 1936 г. прямо указывала, что анархисты сами отказались от идеи «хунт».

Положение республики осложнялось. Фашистские войска, снабженные всеми видами вооружения последних немецких и итальянских образцов, вплоть до танков, подошли вплотную к Талавере. Начались бомбардировки Мадрида. С созданием правительства Народного фронта связывались надежды на изменение военной обстановки в стране, и условия анархистов казались не слишком дорогой платой за согласие их сотрудничать с правительством, тем более, что вопрос о степени контроля оставался открытым.

Для анархистов же идея «хунт» была временным выходом, «пробным шаром» синдикалистов. Поддержка правительства без участия в нем могла обернуться против них; она усилила бы роль центральной власти в ущерб децентрализации, кантонолизму, то есть подрывала бы почву, на которой произрастал анархизм. Авторы статьи «Бесполезность правительства», опубликованной в «Информационном бюллетене» НКТ — ФАИ 3 сентября 1936 г. выражали явную тревогу по поводу того, что создание правительства широкой коалиции антифашистских сил сделает невозможным дальнейшее проведение социальной революции [1]. Руководство НКТ — ФАИ боялось, что неучастие в правительстве при поддержке его поставит анархистов в невыгодное положение по сравнению с другими антифашистскими силами. «НКТ хочет вмешаться в разрешение стоящих в стране вопросов...» — говорил от имени НК НКТ Х. Лопес на митинге в Мадриде 20 сентября 1936 г. [2]. Это стремление НКТ — ФАИ к власти, к распространению своей гегемонии на всю страну толкало их идти дальше «хунт». Нужна была активная роль в центре. Уступчивость правительства и Народного фронта подавала надежды.

Сразу же после формирования правительства анархистская печать выступила с лозунгом «революционного рабочего союза». Он не был новым. Еще Сарагосский съезд НКТ (май 1936 г.), подчиняясь общему настроению масс, вынужден был сделать шаг в сторону единства рабочего движения и поручил руководству обратиться к ВСТ с предложением о заключении революционного союза НКТ—ВСТ. Предложение не было принято, так как ВСТ предлагали отказаться от парламентских и политических соглашений и признать необходимость уничтожения существующего социального и политического режима [3]. Напомним: у власти находилось правительство, поддерживаемое Народным фронтом. Это было до мятежа. Но и теперь предлагаемый анархистами рабочий союз преследовал те же цели. Газета «НКТ», ссылаясь на пример Каталонии, требовала создания союза НКТ—ВСТ в масштабе всей страны и не скрывала при этом, что таким путем анархисты надеются распространить «свободный коммунизм» на

---

[1] См. J. Peirats. Op. cit., t. I, p. 207—209.
[2] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 99, л. 11.
[3] J. Peirats. Op. cit., t. I, p. 116.

территорию всей республики [1]. Выступление «НКТ», обычно придерживающейся фаистских взглядов, являлось показателем того, что умеренные вожди ФАИ приняли план синдикалистов. Так, с позиций непримиримого аполитизма руководство НКТ—ФАИ переходит на позицию: «Мы не войдем ни в какое правительство, сохраняющее буржуазно-демократические формы» [2].

Реальным выражением этой новой позиции явилось предложение НКТ о реорганизации правительства, принятое на Пленуме областных организаций НКТ 17/IX 1936 г. Смысл его сводился к замене правительства Народного фронта Национальным советом обороны (НСО) в составе 5 представителей от НКТ, 5 — от ВСТ и 4 — от леворреспубликанских партий. Повторялись известные уже требования о передаче в пользование профсоюзов социализированных средств производства и обмена, о свободном проведении социальных экспериментов. Здесь же были пункты о преобразовании министерств в департаменты, о создании единой народной милиции для охраны государственного порядка и т. п. Для реализации указанных мер Пленум НКТ предлагал ВСТ национальный союз на основе этой программы-минимум [3]. Национальный совет обороны, — комментирует Х. Пейратс, — был бы правительством только с другим названием, ибо «НКТ желала принять участие в правительстве, но смягченном эффектом своей принципиальной поправки» [4]. Но дело было не только в стремлении руководства НКТ — ФАИ завуалировать свое отступление от доктрины аполитизма. Создание НСО означало бы на деле отстранение политических партий от руководства страной и передачу их прав профсоюзам. Ближайшим результатом его был бы разрыв союза пролетариата с мелкой буржуазией. Предложение НКТ было направлено также и против коммунистической партии. Это сказалось уже в преамбуле документа, опубликованного после Пленума НКТ: к участию в переговорах о создании НСО приглашались лишь социалисты и республиканцы. Но особенно антикоммунистическая направленность предложения НКТ раскрылась в ходе последующей устной и печатной полемики. В течение полутора месяцев анархисты вели шумную кампанию в пользу НСО, не останавливаясь даже перед запугиванием правительства [5]. А между тем, в Каталонии произошло событие, чреватое далеко идущими последствиями. На Пленуме местных и окружных комитетов НКТ Каталонии (24—26 сентября 1936 г.) было принято решение о вступлении НКТ в Автономное правительство и роспуске Центрального комитета милиции. Самое поразительное было то, что каталонские анархисты вступали в пра-

---

[1] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 91, л. 126—127.
[2] Там же, д. 99, л. 12. Из речи Х. Лопеса, члена НК НКТ.
[3] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 99, л. 3—4.
[4] J. Peirats. Op. cit., t. I, p. 212.
[5] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 99, л. 41.

вительство, создаваемое не на профсоюзной основе, а на базе единства всех сил Народного фронта и НКТ.

В чем причина вступления анархистов в Автономное правительство, которое отныне в угоду анархистам должно было называться Советом Автономного правительства? Почему в Каталонии НКТ отошла от проекта НСО, но продолжала настаивать на нем в общенациональном плане?

Причины, вызвавшие эволюцию лозунгов Национального руководства НКТ, были присущи и Каталонии. Это — и убеждение ходом войны, что без координации усилий всех антифашистских сил невозможно победить фашизм, а значит осуществить свою революцию, и давление рядовых членов, грозящее отходом их от анархистских лозунгов, и, наконец, стремление использовать правительственные посты для утверждения своей гегемонии, для сохранения и расширения позиций в экономике. За прошедшее время соотношение сил здесь сильно изменилось. Это давало возможность ОСПК и ВСТК более энергично выступать против засилья групп ФАИ. В политическом манифесте от 9 сентября 1936 г. они смело протестовали против произвола, царящего в области, требовали установления в Каталонии единовластного правительства Народного фронта и координации его действий с правительством Мадрида [1]. Состоявшаяся через день демонстрация показала, что массы поддерживают идеи манифеста. С усилением ОСПК и ВСТК смелее стали держать себя и республиканские партии, тоже требуя наведения порядка [2]. Центральный комитет милиций дискредитировал себя, и сохранение его подрывало позиции НКТ в массах. Он сыграл свою роль: утвердил господство анархистов в экономике Каталонии. Теперь, чтобы удержать завоеванное и сохранить влияние на массы, требовался переход на новые позиции. «В убеждении того, что толчок, данный нами и народом, — пишет ярый экстремист Абад де Сантильян, — не мог исчезнуть... из новой экономической жизни, мы оставили комитеты милиции, чтобы вступить в Генералидад и другие департаменты» [3]. К тому же каталонская экономика, которую господство анархистов довело до краха, нуждалась в поддержке государства. «Если государство не окажет помощи, — говорил на Пленуме один из руководителей экономического Совета Каталонии Х. П. Фабрегас, — я не знаю, как мы выйдем из создавшегося положения» [4].

Одной из целей проекта НСО было стремление НКТ нейтрализовать возрастающее влияние КПИ. Руководство ВСТ состояло из одних социалистов, преимущественно «левых», поэтому лидеры НКТ надеялись, что смогут навязать ВСТ свою программу и так-

---

[1] Война и революция в Испании, стр. 354.
[2] Там же, стр. 355.
[3] Цит. по: J. Peirats. Op. cit., t. I, p. 217.
[4] Цит. по: Война и революция в Испании, стр. 356.

тику, тем более, что среди руководителей «левого» крыла ИСРП было немало их единомышленников [1]. Но эта цель теряла свой смысл в Каталонии, так как ВСТК возглавлялся ОСПК, коммунистами. Пока НКТ преобладала в области, она под прикрытием комитета связи рабочих организаций проводила свою политику. Последние события показали, что ВСТК отнюдь не собирается следовать по «фарватеру» НКТ. Надеяться на обратное — означало бы заниматься самообманом. Поэтому Каталонской федерации НКТ оказалось легче отступиться от плана НСО.

27 сентября 1936 г. было создано новое правительство Каталонии. Анархисты укрепились прежде всего в департаментах народного хозяйства и снабжения и с новых позиций продолжали свою прежнюю линию. Под их давлением Совет Генералидада признал анархистский Экономический совет своим органом. 10 октября 1936 г., вопреки протестам ВСТК и ОСПК, анархисты провели через правительство декрет о реорганизации муниципалитетов, которые отныне должны были формироваться пропорционально представительству партий и организаций в правительстве. Это решение было направлено против ОСПК и ВСТК — их влияние на местах было значительно большим, чем процент занимаемых в правительстве постов [2]. И все-таки, несмотря на эти отрицательные моменты, создание в Каталонии правительства на основе широкого фронта антифашистских сил было крупным шагом вперед на пути укрепления единства и создало прецедент для решения этого вопроса в общенациональном масштабе.

24 октября 1936 г. в передовой статье «НКТ» было заявлено о согласии анархистов вступить в центральное правительство. С этого времени вопрос приобрел новый аспект: анархисты начали торг за министерские посты. Наконец, усилия по привлечению НКТ к сотрудничеству завершились. 4 ноября 1936 г. Л. Кабальеро сформировал новое правительство, в которое вошли 4 представителя НКТ — ФАИ. С установкой «мы не войдем ни в какое правительство, сохраняющее буржуазно-демократические формы», было покончено. В эволюции испанского анархизма был сделан новый, по оценке академика И. М. Майского, «подлинно революционный шаг» [3].

В переходе руководства НКТ — ФАИ на позиции правительственного сотрудничества активную роль сыграла КПИ. Несмотря на антикоммунистическую направленность проекта НСО, КПИ гибко подошла к его оценке. 28 сентября 1936 г. ЦК КПИ направил руководству НКТ письмо. В нем ЦК приветствовал признание анархистами необходимости «действительной координации сил» и единого органа для руководства страной, а также указал целый ряд пунктов, по которым возможно соглашение. Подчерк-

---

[1] Война и революция в Испании, стр. 362.
[2] «Mundo Obrero», 12. IX 1936.
[3] *И. М. Майский.* Испанские тетради. М., 1962, стр. 125.

нув, что центральной идеей коммунистов является боевое единство рабочего класса и народных масс, ЦК тем самым отвергал идею создания правительства на профсоюзной основе. В письме предлагалось созвать совещание всех антифашистских партий и организаций для выработки конкретных мер и достижения взаимопонимания [1]. Линия ЦК КПИ стала проводиться в коммунистической печати. При этом КПИ избегала обострения дискуссии. «Мундо обреро» убеждала лидеров НКТ — ФАИ в том, что отстранение от борьбы непролетарских слоев ослабит антифашистский лагерь, она призывала к уступчивости и лояльному сотрудничеству всех антифашистских сил в правительстве. В отличие от республиканцев и социалистов КПИ приветствовала решение НКТ войти в правительство и способствовала всеми мерами быстрейшей договоренности о распределении министерских постов [2].

Таким образом, в дни, когда фашисты готовились к штурму Мадрида, республика получила правительство, объединяющее все антифашистские силы страны. Руководство НКТ и министры-анархисты поддержали мероприятия правительства по наведению порядка в тылу, высказались за создание регулярной армии, за централизм в руководстве войной, экономикой и т. п. [3]. Одновременно руководство ФАИ, признав, что нет возможностей для реализации анархистских планов, призвало свои группы сотрудничать с другими секторами [4].

Однако на местах политику Народного фронта удавалось проводить лишь там, где сильны были позиции КПИ, как это было в Мадриде. В других же районах вступление анархистов в правительство мало отразилось на деятельности местных организаций НКТ — ФАИ. Во-первых, потому, что даже лучшие из пожеланий и решений НКТ оставались на бумаге. Анархистская недисциплинированность, практика «неограниченной автономии секций» открывала широкий простор для самодеятельности, а точнее самоуправства экстремистских групп. Эти группы постоянно ставили руководителей НКТ — ФАИ перед «свершившимся фактом», вынуждая их защищать акции, противоречащие официально провозглашенной политике. Во-вторых, сами министры-анархисты в каталонском и центральном правительствах проводили сектантскую политику, направленную на отстаивание интересов только своей организации.

Авторитет правительства и единство Народного фронта не могли быть прочными, пока пролетариат оставался организационно разобщенным. На пути к единству действий пролетариата и

---

[1] «Mundo Obrero», 29. IX 1936.

[2] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 99, л. 185—186, л. 226—227; «Mundo Obrero», 29, 31 X. 5. XI. 1936.

[3] «Mundo Obrero», 21. XI. 1936; ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 165, л. 94; «Известия», 24 февраля 1937 г.

[4] J. Peirats. Op. cit., t. II, p. 318.

объединению его организаций стояла цеховая узость анархо-синдикалистов и кабальеристов (сторонников Л. Кабальеро).

Вопрос о единстве, особенно профсоюзном, не сходил со страниц печати. Это и понятно, так как тяга рабочих к единству была велика. В отдельных случаях стремление масс приводило к опытам по объединению местных организаций НКТ и ВСТ [1]. Постоянная полемика вокруг профсоюзного единства усиленно поддерживалась руководством НКТ — ФАИ. Некоторые руководители говорили даже о возможности слияния профцентров [2]. Призывы к единству исходили в основном от синдикалистски настроенных кругов НКТ, навязывающих лозунг «революционного союза НКТ — ВСТ». При этом объединение должно было устранить из рабочего движения политические партии, а «революционный союз» стать главным, если не единственным, инструментом социально-экономического преобразования общества [3]. Следовательно, в единстве действий пролетариата синдикалисты видели не столько необходимое условие победоносного завершения войны, сколько базу для проведения все той же анархистской программы-максимум в жизнь. Эта политика привела руководство НКТ в марте 1937 г. к попытке совместно с кабальеристами установить профсоюзное правительство, то есть отстранить от участия в решении проблем войны и революции политические партии, в первую очередь КПИ. Но даже эта корпоративная линия вызвала противодействие экстремистов ФАИ. Руководители анархистских организаций в марте 1937 г. вынуждены были признать, что существует «глухая оппозиция» созданию «революционного рабочего союза», а местами противники единства устраивают демонстрации, инциденты, столкновения [4]. Еще более красноречиво говорили об отношении к единству пролетариата чисто фаистские «объединительные» методы: убийства активистов ВСТ, увольнения с предприятий рабочих, не согласных перейти в НКТ, и т. п. [5]. В целом руководство НКТ — ФАИ не шло дальше декларативных заявлений и ничего практически не делало для установления единства. «Информационный бюллетень» НКТ — ФАИ открыто писал в апреле 1937 г., что «единство НКТ и ВСТ может существовать лишь в качестве отвлеченной идеи» [6].

Если профсоюзное единство признавалось анархистами, хотя бы в качестве «отвлеченной идеи», то идея политического един-

---

[1] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 101, л. 135—136.

[2] Там же, д. 165, л. 97. Интервью Ф. Монтсени корреспонденту газеты «Либертад» в январе 1937 г.

[3] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 91, л. 126—127; д. 165, л. 63, л. 125; д. 166, л. 36 и др

[4] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 166, л. 83.

[5] *К. Л. Майданик.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне, стр. 246—248; «Известия», 15 марта 1937 г.

[6] Цит. по: *К. Л. Майданик.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне, стр. 318.

ства — создание единой партии пролетариата — встречала одинаково враждебное отношение у всех группировок НКТ — ФАИ. Они представляли борьбу КПИ за единую партию пролетариата как атаку коммунистов против профсоюзов и прилагали все усилия, чтобы восстановить против компартии не только ИСРП, но и ОСМ [1].

В отличие от анархистов КПИ последовательно боролась за достижение как политического, так и профсоюзного единства пролетариата. Эта задача выдвигалась в качестве главной предпосылки доведения буржуазно-демократической революции до конца еще до мятежа [2]. Тем более актуальной считала эту задачу КПИ теперь, когда в несколько раз выросли профсоюзы, объединив в своих рядах почти все слои рабочего класса, и когда неизмеримо повысилась роль пролетариата во всех сферах жизни — политической, экономической и военной. «Гегемония пролетариата в Народном фронте, — говорил Х. Диас, — так же необходима, как и сама политика Народного фронта» [3]. Эту роль гегемона пролетариат мог выполнить до конца, только преодолев разобщенность своих рядов.

Центральное звено в объединении рабочего движения КПИ видела в борьбе за создание единой партии пролетариата, считая, что для этого созрели лучшие условия, чем для создания единого профцентра [4]. Начиная с января 1937 г., коммунисты и в центре, и на местах прилагали большие усилия для достижения соглашений с социалистами. При этом коммунисты убеждали анархистов в том, что их страх перед объединением КПИ и ИСРП не обоснован, что создание единой партии не имеет целью устранить НКТ и ВСТ из политической жизни страны [5].

Борьба компартии за профсоюзное единство была свободна от узкопартийных интересов — она боролась за действительное объединение в интересах общей борьбы против фашизма. В качестве первого шага к сближению НКТ и ВСТ коммунисты предлагали создавать комитеты связи в центре и на местах [6] и даже наделять их исполнительными функциями [7]. Это способствовало бы достижению единства действий и постепенно подготовило условия для создания единого профцентра. В качестве непременного условия сотрудничества и объединения рабочих организаций КПИ требовала чистки их (особенно НКТ) рядов от

---

[1] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 167, л. 79—80; д. 168, л.1.

[2] *Х. Диас.* На путях к победе революции в Испании. «Коммунистический Интернационал», 1936, № 9, стр. 20.

[3] Цит. по: *К. Л. Майданик.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне, стр. 113, прим. 47.

[4] «Mundo Obrero», 22. III 1937.

[5] «Mundo Obrero», 5, 7. V. 1937.

[6] «Mundo Obrero», 21. IX. 1936; Д. Ибаррури. В борьбе. Избранные статьи и выступления. 1936—1939. М., 1968, стр. 94.

[7] «Правда», 16 октября 1936 г.

«бесконтрольных элементов», провокаторов и других попутчиков рабочего движения [1].

КПИ неоднократно заявляла, что она не будет мешать созданию «революционного союза НКТ — ВСТ», если такой союз поставит своей целью улучшение и увеличение производства или усиление помощи Народному фронту и правительству. Но если этот союз будет направлен на разрушение политических партий и Народного фронта, то он найдет в лице коммунистов непримиримых противников. «Все и вся, кто бы ни попытался подорвать единство испанского народа, достигнутое на основе Народного фронта, — предупреждала от имени партии Д. Ибаррури, — столкнутся с коммунистами, отстаивающими знамя Народного фронта, который один только и может принести нам победу» [2]. Мартовский (1937 г.) Пленум ЦК КПИ так же решительно предупредил, что тенденция к синдикализации правительства будет обречена на провал [3]. Так оно и получилось. Усилиями компартии, мобилизовавшей все силы Народного фронта, попытка синдикалистов и кабальеристов создать профсоюзное правительство в марте 1937 г. была сорвана.

Борясь против сектантской политики НКТ — ФАИ в целом, компартия держала курс на установление взаимопонимания и связи со здоровыми, революционными силами анархистского руководства, так как сознавала, что «лучшее в анархизме может быть и должно быть привлечено» [4]. Политика коммунистов способствовала изоляции экстремистов, освобождению части лидеров НКТ — ФАИ (Б. Дуррути, М. Васкес, Х. Рольдан и др.) от плена некоторых анархистских догм и переходу на классовые позиции пролетариата. Но при этом коммунисты ни на минуту не забывали, что главная их задача заключается в завоевании масс, в привлечении рядовых членов НКТ к выполнению военно-политической программы, содержащей условия победы над фашизмом. «...Успешность работы действительно коммунистических партий, — учил В. И. Ленин, — должна измеряться, между прочим, тем, насколько нам удалось привлечь на свою сторону все не интеллигентские, не мелкобуржуазные, а массовые пролетарские элементы от анархизма» [5].

Компартия многократно подчеркивала, что она не отождествляет рядовых членов НКТ с «бесконтрольными элементами», что вместе с честными анархистами коммунисты хотят бороться с фашизмом и сотрудничать после победы [6]. Эта линия ЦК КПИ проводилась в жизнь местными организациями и коммунисти-

---

[1] «Mundo Obrero», 25. XII. 1936, 15. IV. 1937; ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 165, л. 85.

[2] «Mundo Obrero», 11. III 1937.

[3] Ibidem.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 443—444.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 201.

[6] Испанская компартия борется за победу, стр. 45; ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 165, л. 32.

ческой печатью. Печать была незаменимым оружием в борьбе за массы. КПИ издавала десятки газет и журналов, тысячи брошюр и листовок. Органы ЦК КПИ «Мундо обреро» и «Френто рохо», газеты «Требаль» (ОСПК), «Аора» (ОСМ) и другие вели огромную работу по разъяснению характера войны и революции, раскрывали значение Народного фронта, доводили лозунги КПИ до масс. На фронтах и в прифронтовой полосе особым влиянием пользовалась газета «Милисиа популяр» — орган политотдела, созданного коммунистами 5-го полка.

Печать призывала массы к поддержке военно-политических усилий КПИ. Статьи «Мундо обреро» о регулярной армии и концентрации всех ресурсов страны в руках правительства, о революционном порядке и роли профсоюзов оказывали влияние не только на широкие массы, но и на отдельных руководителей. В то же время «Мундо обреро» систематически печатала, приветствовала и поощряла высказывания анархистских деятелей, совпадающие с позиций КПИ[1]. Защита анархистской печатью деятельности «бесконтрольных элементов» и троцкистов в тылу, нападки ее на СССР приводили порою к настоящей «газетной войне», но и в этом случае коммунистическая печать проводила в жизнь линию ЦК: в своих отношениях с НКТ компартия «берет все, что нас объединяет, и отбрасывает все, что нас разъединяет»[2].

Коммунистическая пресса являлась также основным каналом, посредством которого массы получали доступ к советскому опыту. Опыт первой страны Советов учил испанцев преодолевать анархистскую стихию, строить Народную армию и, вообще, по выражению газеты «Аделанте», содержал в себе «секрет победы»[3].

Компартия учила не только словом, но и делом. Руководство КПИ призывало коммунистов быть «живым примером» для масс: «Будьте первыми в труде и дисциплине, будьте примером для всех, будьте самыми отважными в борьбе, самыми искренними и дружелюбными в своих отношениях с остальными партиями и организациями Народного фронта...![4]... «Нет лучшей формы разъяснения резолюций партии перед массами, чем проповедовать собственным примером»[5]...

Настоящей школой для масс стала деятельность КПИ по организации обороны Мадрида. Здесь коммунисты проявили себя не только как самая патриотическая, но и как самая организованная сила страны. Из 23 тыс. коммунистов столицы 21 тыс. ушла на фронт[6]. Но сила КПИ была прежде всего в правильности ее

---

[1] «Mundo Obrero», 19. IV. 1937; ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 99, л. 225.

[2] «Mundo Obrero», 29. IX. 1936.

[3] *К. Л. Майданик.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне, стр. 212, прим. 238.

[4] Письмо X. Диаса Мадридской провинциальной конференции КПИ, 8 апреля 1937 г. (Д. Ибаррури. В борьбе, стр. 98).

[5] «Mundo Obrero», 20. III. 1937.

[6] Война и революция в Испании, стр. 473.

политической линии, в ее умении мобилизовать массы и повести их за собой. В воззвании «Мадрид находится в опасности!» ЦК КПИ призывал коммунистов немедленно вступать в контакт со всеми рабочими организациями и политическими партиями, искать связи с массами [1]. После отъезда правительства из Мадрида организация обороны города фактически легла на плечи коммунистов. «Из партий она одна сейчас чувствуется в Мадриде, — писал о КПИ М. Е. Кольцов. — Все антифашисты... охотно слушаются ее руководства, принимают все указания по обороне Мадрида, сами приходят за этими указаниями» [2].

В Мадриде установилось подлинное единство всех антифашистских сил, а рабочие организации 26 ноября 1936 г. образовали комитет связи для координации своих действий [3]. Коммунисты внесли дух деловитости и единства в деятельность Хунты обороны, чего так не хватало центральному правительству. Благодаря КПИ Мадрид был превращен в неприступную крепость. Это убедительно показывало, что выиграть войну можно лишь на путях, указанных КПИ. Не случайно оборона Мадрида стала переломным моментом в настроениях широких масс. «Восемь условий победы» КПИ получали признание. Не остались в стороне от этого влияния и анархистские массы. М. Е. Кольцов был изумлен, увидев, как в конце ноября 1936 г. преобразился батальон анархистов, который еще месяц назад, не подчинясь командованию, дезертировал с фронта [4]. В частях, руководимых коммунистами, члены НКТ отлично сражались и даже вступали в КПИ [5].

Итоги Мадридского опыта наглядно проявились после падения Малаги (8 февраля 1936 г.): массовые демонстрации в Валенсии и Барселоне с участием членов НКТ проходили под лозунгами КПИ [6].

Деятельность КПИ по обороне Мадрида нашла признание масс и в другом факте — в бурном росте ее рядов. К марту 1937 г. компартия насчитывала 249182 члена, из них 131676 сражались на фронтах [7]. По подсчетам К. Л. Майданика, весной 1937 г. $^{2}/_{3}$ состава Вооруженных сил республики находилось под политическим влиянием КПИ [8]. Следует оговориться, однако, что анархисты не стремились на фронт — они берегли свои силы для «второго тура» революции. Влияние их шло на убыль и в тылу, хотя и оставалось еще сильным. Напротив, влияние КПИ в тылу (не считая Каталонию) было значительно меньшим, чем на фронте. Одной из причин этого являлась слабость работы коммунистов

---

[1] «Mundo Obrer», 2. XI. 1936.
[2] *М. Кольцов.* Избранные произведения. М., 1957, т. 3, стр. 348—349.
[3] «Mundo Obrero», 26. XI. 1936.
[4] *М. Кольцов.* Избранные произведения. М., 1957, т. 3, стр. 300.
[5] *Д. Ибаррури.* Единственный путь, стр. 368.
[6] «Известия», 16, 18 февраля 1937 г.
[7] «Mundo Obrero», 6, 8. III. 1937.
[8] *К. Л. Майданик.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне, стр. 280.

в профсоюзах [1]. Для влияния на анархистские массы особенно важна была работа внутри НКТ. Но коммунисты отказывались вступать в анархистские профсоюзы, полагая, что там невозможно чего-либо добиться [2].

Важнейшим практическим успехом КПИ в течение первого года войны явилось ее возросшее влияние среди крестьян. Решающую роль в этом сыграл декрет об аграрной реформе, подписанный министром-коммунистом В. Урибе. При проведении его в жизнь компартии пришлось преодолевать упорное сопротивление анархистов и кабальеристов, насильственно насаждавших в деревне коллективизацию. Цеховая узость НКТ — ФАИ и в этом вопросе пришла в противоречие с потребностями войны, задачей привлечения крестьянства. «Только благодаря аграрной политике компартии, — говорил В. Урибе, — нам удалось избежать гражданской войны в нашем тылу» [3].

Рост влияния КПИ серьезно обеспокоил анархистов. Противодействуя «коммунистической угрозе», руководство НКТ пошло на сближение с кабальеристами. Это и привело к попытке создания профсоюзного правительства в марте 1937 г. В то же время в Каталонии анархисты спровоцировали очередной кризис Совета Генералидада. Они потребовали перераспределения постов в правительстве и пересмотра ряда декретов, касающихся организации общественного порядка [4]. Советники-анархисты пытались завуалировать свою позицию безобидными предлогами, но экстремистская газета «Фрагуа сосиаль» выболтала истинные цели кризиса: «Демократическая буржуазия добивается через ОСПК единства действий с НКТ, ...пусть будет единство действий, но единство действий на июльской революционной базе» [5]. Это было уже требованием возврата к диктатуре ФАИ периода Комитета милиции. Но времена изменились. ОСПК чувствовала себя достаточно сильной, чтобы отвергнуть ультиматум. Теряя под ногами почву, экстремисты ФАИ в союзе с троцкистами попытались вернуть утраченные позиции силой. 3 мая 1937 г. они организовали в Барселоне вооруженный путч против республики [6].

В подавлении путча активную роль играла ОСПК. И в этой борьбе массы оказались на ее стороне, даже члены НКТ не поддержали путчистов. Быстрый разгром мятежников, казалось, должен был убедить руководство НКТ — ФАИ, что в лице КПИ — ОСПК политике авантюризма и раскола Народного фронта противостоит подлинно революционная сила, пользующаяся поддержкой масс. Но оно все еще не хотело взглянуть фактам в глаза.

---

[1] «Mundo Obrero», II. IV 1937.
[2] *Д. Ибаррури.* Единственный путь, стр. 412.
[3] «Известия», 8 марта 1937 г.
[4] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 166, л. 112—113.
[5] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 166, л. 111.
[6] Подробнее о путче см.: К. Л. Майданик. Испанский пролетариат в национально-революционной войне, стр. 322—332.

Официально отмежевавшись от путчистов[1], лидеры НКТ и министры-анархисты, тем не менее, взяли организаторов мятежа под защиту. Экстремистские газеты «НКТ», «Кастилья либре» и другие развернули кампанию против коммунистов, обвиняя ОСПК в преднамеренной провокации и пытаясь вызвать конфликт между КПИ и Л. Кабальеро[2]. Однако события в Каталонии пошатнули положение самого Л. Кабальеро. Массы на опыте убедились, что политика попустительства экстремистам оборачивается большими бедствиями для республики.

Майский путч проложил дорогу к кризису правительства Л. Кабальеро. В ходе его разрешения руководство НКТ — ФАИ в блоке с кабальеристами пыталось изолировать КПИ, но само оказалось в изоляции. Ни одна партия Народного фронта, включая ИСРП, не представляла себе боеспособного правительства без коммунистов. Л. Кабальеро вынужден был уйти в отставку. В сформированное социалистом Хуаном Негрином правительство лидеры НКТ — ФАИ войти отказались.

Новая расстановка сил в стране в значительной мере была подготовлена деятельностью КПИ за прошедшие 10 месяцев войны. Главным итогом внутриполитического развития за этот период был бурный рост влияния коммунистической партии, во-первых, и банкротство «ультралевых» течений, во-вторых. Успех КПИ обусловлен был тем, что она единственная из всех антифашистских сил последовательно проводила подлинно национальную, подлинно революционную политику, отвечавшую интересам своего класса, интересам народных масс. Анархисты же, столкнувшись с практикой революционного движения, обнаружили полное свое бессилие. Борьба КПИ за укрепление единства Народного фронта и единства рядов пролетариата входила в противоречие с сектантской практикой анархизма, с цеховыми традициями испанского рабочего движения. Но самоотверженная работа коммунистов на фронте и в тылу, в центре и на местах убеждала рядовых членов НКТ и наиболее сознательных политических руководителей в том, что линия КПИ — единственно верный путь к победе. Политика КПИ способствовала эволюции взглядов анархистов и подготавливала их переход на позиции сотрудничества. В своей борьбе компартия опиралась на боевой дух испанского пролетариата, его огромную тягу к организации, на помощь и авторитет страны Советов и Коминтерна.

К лету 1937 г. влияние анархистов в рабочем движении не было преодолено, но оно было сильно подорвано. Их экстремистское крыло после разгрома в мае 1937 г. утратило значение. Разрешение майского политического кризиса не лишало актуальности задачу преодоления сектантских позиций анархистов, но при новой расстановке сил само решение ее несколько изменялось.

---

[1] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 167, л. 82, 93.

[2] Там же, д. 168, л. 3—4, л. 11; «Mundo Obrero», 8. V. 1937.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор изд-ва *Р. Д. Мочалова*
Техн. редактор *Н. В. Семенова*
Корректоры *А. П. Кириллова, Л. В. Устьянцева.*

НС 19001. Подписано в печать 4/I 1971 г. Ф. 60×90[1]/16, п. л. 7,25. Уч.-изд. л. 8. т. 600. Цена 56 коп. Заказ 247.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49

ЦЕНА 56 КОП.